

НОМОТНЕТКА:
Философия. Социология. Право
2020. Том 45, № 2

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Адрес редакции: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор
Белгородского государственного института искусств и культуры

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е.

кандидат юридических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А.

кандидат социологических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философии, профессор
(Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор
(Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
(МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор
(Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор
(Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор
(Института философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор
(Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор
(Воронежский государственный университет)

Туралин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Шпопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор
(Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор
(Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор
(Государственный университет управления)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректурa, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: goleusov@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Дата выхода 30.06.2020. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 201 **Кознова И.Е.** Мемориальными путями «соляного коммунизма» (проблематика памяти и забвения в романе А. Платонова «Чевенгур»)

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 212 **Понкин И.В.** Методология науки и прикладной аналитики: параметр полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в исследовании

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 220 **Алешковский И.А., Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В.** Повышение уровня образования женщин как фактор снижения рождаемости в развивающихся странах (на примере Латинской Америки)
- 237 **Анциферова И.В., Анциферова Н.Г.** Формирование позитивной этнической идентичности в моноэтническом регионе
- 247 **Леонова И.С., Захарова Л.Н., Леонова Е.С.** Стресс, самооценка здоровья и социально-психологический возраст женского персонала: организационно-культурный аспект
- 259 **Реутов Е.В., Реутова М.Н.** Жизненные шансы в российской провинции
- 271 **Федотова М.А., Полушин П.В.** Управление проектной командной работой как социальным технопакетом

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

- 281 **Тикуннова С.В., Калинина Г.Н. Рожкова Е.Ю.** Символика в практиках конструирования ландшафтного дизайна
- 289 **Лопин Р.А.** Искусство как форма визуализации духовных основ культурно-цивилизационного пространства

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- 299 **Аристов Е.В., Ларионова М.А.** Конституционно-правовые ограничения свободы мысли и слова в интернете: опыт правоприменения
- 307 **Богданов С.В., Остапюк В.Г.** Органы государственной безопасности Советской России и обеспечение экономической безопасности страны, 1921–1928 гг.: механизм, проблемы, противоречия (на материалах Курской и Воронежской губерний)
- 315 **Долженко Н.И., Хмелевская И.Г.** К вопросу о содержательных аспектах киберпреступности
- 323 **Миц Д.С.** Антитеррористическая функция государства и поиск баланса
- 330 **Подольский А.В.** Цели льготных правовых режимов
- 336 **Тульнев М.А.** Наднациональные гарантии свободы средств массовой информации: опыт постсоветских интеграций
- 345 **Цалиев А.М.** О конституционных обязанностях человека и гражданина

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 352 **Богатырев Р.И.** Роль личности во взаимодействии государства и общества. Историко-философский аспект
- 359 **Вородохин С.Е., Лысенко В.А.** Историко-правовые аспекты возникновения и развития института выборов в дореволюционной России
- 366 **Опошнянский А.В.** Культурный капитал и государственная стратегия России
- 371 **Липич Т.И., Логинова Н.В.** Экзистенциальные смыслы свободы в творческом наследии А.С. Хомякова
- 376 **Серостанова О.Б.** Трансформация культурных практик обмена

РЕЦЕНЗИИ

- 385 **Морева С.Л.** Тематический горизонт методологии научных исследований и прикладной аналитики. Рецензия на учебник И.В. Понкина и А.И. Редькиной «Методология научных исследований и прикладной аналитики»

**NOMOTHETIKA:
Philosophy. Sociology. Law
2020. Volume 45, No. 2**

Previously, the magazine was published under the title "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Address of editorial office: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Candidate of law (Belgorod State National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Candidate of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

BorISOV, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research Univ Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor (Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpoper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (the State University of Management)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ 77-77840 dd 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor *L.P. Kotenko*. Pag Proofreading, computer imposition *O.G. Tomusyak*. Dummy layout by *S.S. Pocheptsov*. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typeface Georgia, Arial Narrow, Impact. Date of publishing 30.06.2020. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 201 Koznova I.E. Memorial ways of "solar communism" (problems of memory and oblivion in the novel by A. Platonov "Chevengur")

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 212 Ponkin I.V. The methodology of science and applied analytics: the parameter of completeness of coverage and completeness of accounting for the determining factors in the study

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- 220 Aleshkovsky I.A., Arkhangelsky V.N., Zinkina Yu.V. Increasing female education level as a factor of fertility decline in developing countries (case studies of Latin American countries)
- 237 Antsiferova I.V., Antsiferova N.G. The formation of a positive ethnic identity in a mono-ethnic region
- 247 Leonova I.S., L. Zakharova, E.N. Leonova E.S. Stress, health self-assessment and socio-psychological age of female personnel: organizational and cultural aspect
- 259 Reutov E.V., Reutova M.N. Living chance in the Russian province
- 271 Fedotova M.A., Polushin P.V. Management of project teamwork as a social technology package

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

- 281 Tikunova S.V., Kalinina G.N., Rozhkova E.U. Symbolism in the practices of design-landscape design
- 289 Lopin R.A. Visual perception of art as the first step in the knowledge of the cultural and ideological basis of civilization

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

- 299 Aristov E.V., Larionova M.A. Constitutional and legal limitations on freedom of thought and expression on the Internet: experience in law enforcement
- 307 Bogdanov S.V., Ostapuk V.G.
State security bodies of Soviet Russia and ensuring economic security of the country, 1921-1928: mechanism, problems, contradictions (on materials of Kursk and Voronezh provinces)
- 315 Dolzhenko N.I., Khmelevskaya I.G.
To the question of the content aspects of cyber crime
- 323 Mits D.S. The anti-terrorist function of the state, and finding balance
- 330 Podolsky A.V. Goals of preferential legal regimes
- 336 Tulnev M.A. Supranational guarantees of media freedom Information: experience of post-soviet integrations
- 345 Tsaliev A.M. On the constitutional duties of a person and citizen

THESIS

- 352 Bogatyrev R.I. The role of the person in the interaction of the state and society. Historical and philosophical aspect
- 359 Vorodyukhin S.E., Lysenko V.A. Historical and legal aspects of the origin and development of the election institute in Russia
- 366 Oposhnyansky A.V. Cultural capital and state strategy of Russia
- 371 Lipich T.I., Loginova N.V. Existential meanings of freedom in the creative heritage of A.S. Khomyakov
- 376 Serostanova O.B. Transformation of cultural practices of exchange

REVIEW

- 385 Moreva S.L. Thematic horizon of research methodology and applied analytics. Review on the textbook of I.V. Ponkin and A.I. Redkina «Methodology of scientific research and practical analytics»

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 008(091)

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-201-211

Мемориальными путями «Солярного коммунизма» (проблематика памяти и забвения в романе А. Платонова «Чевенгур»)

Кознова И.Е.

Институт философии Российской академии наук,
Россия, 199240, Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1
E-mail: i.koznova@mail.ru

Аннотация. В современной гуманитаристике проявляется большой интерес к мемориальным аспектам социокультурных процессов. Память выдвигается в качестве антропологической универсалии, способствующей самоопределению индивида и общества во времени и в пространстве. В этом смысле несомненным потенциалом обладают литературные тексты. К числу устойчивых мотивов и образов творчества А. Платонова относятся память и забвение. Роман Платонова «Чевенгур» расширяет представления об ориентирах культуры, связанных с возможностью помнить или забывать. Он заостряет внимание на диалогическом характере отношений памяти и забвения в литературном тексте и в культуре в целом. Писателя интересовало присутствие и взаимодействие памяти и забвения, различные взаимопереходы между этими двумя состояниями как в одном персонаже, так и между разными. Не отказываясь от мысли о памяти как антитезе забвению, ее служении свободе человеческого духа, Платонов одновременно рассматривал забвение как ресурс памяти, хотя и ограниченный.

Ключевые слова: культура, память, забвение, А. Платонов, роман «Чевенгур».

Для цитирования: Кознова И.Е. 2020. Мемориальными путями «Солярного коммунизма» (проблематика памяти и забвения в романе А. Платонова «Чевенгур»). НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 45 (2): 201–211. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-201-211

Memorial ways of “Solar communism” (problems of memory and oblivion in the novel by A. Platonov “Chevengur”)

Irina E. Koznova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12, building 1 Goncharnaya St, Moscow, 109240, Russia
E-mail: i.koznova@mail.ru

Abstract. In modern Humanities, there is a great interest in the memorial aspects of socio-cultural processes. Memory is put forward as an anthropological universal that contributes to the self-determination of the individual and society in time and space. In this sense, literary texts have an

undoubted potential. Among the stable motives and images of A. Platonov's creativity are memory and oblivion. The reference to these categories refers to the Central question of philosophy about the relation of matter and spirit, the sensible and the thought. Platonov's novel "Chevengur" expands the idea of cultural landmarks associated with the ability to remember or forget. He focuses on the Dialogic nature of the relationship between memory and oblivion in a literary text and in culture as a whole. The writer was interested in the presence and interaction of memory and oblivion, the various interchanges of these States in the characters. While not rejecting the idea of memory as the antithesis of oblivion, Platonov simultaneously considered oblivion as a resource of memory, although limited.

Keywords: culture, memory, oblivion, A. Platonov, the novel "Chevengur"

For citation: Koznova I.E. 2020. Memorial ways of "Solar communism" (problems of memory and oblivion in the novel by A. Platonov "Chevengur"). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 201–211 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-201-211

Введение

Осмысление памяти и забвения как категорий культуры имеет свою традицию в гуманитарном знании. Длительное время память как хранилище, как важнейшее свойство познающего субъекта и основание персональной тождественности во многом противопоставлялась забвению как уничтожающему все перечисленное. Однако с конца XIX в. подобное видение подверглось определенной трансформации. Акцент переместился на прогрессивность движения памяти от прошлого к настоящему (А. Бергсон), что перекликалось с идеями Блаженного Августина. Восприятие забвения с точки зрения утраты доступа к прошлому и его стирания дополнялось представлением о забвении-резерве, условии нового. Более того, забвению стала отводиться роль великой исцеляющей и освобождающей силы, в то время как памяти – поработавшей и мертвящей (Ф. Ницше). Острая полемика интеллектуалов на этот счет, характерная для рубежа XIX–XX вв., перешла со временем в сторону выявления диалогического потенциала «встречи смыслов» воспоминания и забывания. Отмеченное особенно проявилось в контексте «антропологического поворота» в современной гуманитаристике, самым тесным образом связанного с исследованиями мемориальных аспектов культуры, роли памяти в конструировании идентичностей (memory studies). Память понимается как эмоционально насыщенный символический способ передачи и актуализации культурных смыслов, как предпринимаемая социальными поколениями подвижная и избирательная реконструкция прошлого; подчеркивается двуединство памяти и забвения [Кознова, 2009; Ассман, 2019].

Чтобы это произошло, нужно было пережить великие катаклизмы последнего столетия с разгулом «подчеловеческой стихии», репрессий в отношении памяти, разрывом преемственности. Андрею Платонову довелось стать не просто свидетелем и очевидцем эпохи глобальных авангардных проектов. «Колесо истории» основательно втянуло писателя в свою орбиту. Его творчество, бывшее поначалу заинтересованным откликом на революционный призыв «отрицания» жизни в прежних культурных формах, в дальнейшем пошло путем пересмотра взгляда на недавнее прошлое и настоящее – как собственное, так и своей страны. Место романа «Чевенгур» в этом отношении особое, поскольку именно в нем Платоновым впервые ставится и раскрывается, по определению С.А. Никольского, «героический смертельный смысл коммунизма» [Неретина, Никольский, Порус, 2019].

В современном платоноведении значительное внимание уделяется изучению ключевых концептов творчества писателя, и в их числе называются память и забвение. Е.А. Яблоков связывает идею памяти у писателя (движение во времени и «хранение» времени) с идеей «странствования» (движения в пространстве и «собирания» мира в свою душу) в целях преодоления всеобъемлющего сиротства [Яблоков, 2001]. Е.В. Бронникова рассматривает память и беспамятство в структуре «Чевенгура» в качестве двух крайних полю-

сов и делит персонажи на пять основных типов в зависимости от степени устремленности к ним [Бронникова, 2009]. Анализ своеобразия мнемоники художественного мира А. Платонова проведен К.А. Барштом, рассмотревшим философскую систему писателя в контексте идей русского космизма и концепции памяти А. Бергсона, и Х. Гюнтером, обратившимся к переосмыслению Платоновым воззрений Н.Ф. Федорова.

Энергия памяти

Как отмечает К. Баршт, память для А. Платонова не сводится к нормативным представлениям о «психическом процессе» или «культурном наследии». Так, в творчестве писателя заметны мотивы сохранения следа живого и знака «памяти» об умерших, вытекающие из представлений Н.Ф. Федорова о земном веществе. Действительно, в «Чевенгуре» выведен персонаж «бог», питающийся почвой. Если вести речь о переработке А. Платоновым идей А. Бергсона, то русскому писателю, как и французскому философу, была чужда мысль о функционально изолированном от Вселенной человеческом теле и сознании. Платонов выдвинул свою «формулу» закона любви-памяти – направленной позитивной энергии жизни, способной остановить или даже обратить вспять смерть-забвение, дающей мыслящему субъекту шанс на спасение и оправдание в глазах Вечности [Баршт, 2008].

Отмечая динамику в восприятии А. Платоновым идей Н.Ф. Федорова, Х. Гюнтер подчеркивает перемещение акцента с утопического космизма на осмысление роли памяти в развитии послереволюционной России [Гюнтер, 2012]. Именно на этом, последнем аспекте представляется важным сосредоточить внимание в настоящей статье.

Подчеркивая неоднозначность и многослойность платоновской прозы, исследователи обращают внимание на принцип зеркальной симметрии, взаимного усиления идей, обратимости внешне парадоксальных формулировок в «Чевенгуре». С.А. Никольский пишет, что платоновские герои как способ анализа героического смысла коммунизма подобны русской игрушке «матрешка», поскольку в каждом есть несколько сущностей, неожиданно обнаруживающих себя в разных ситуациях [Неретина, Никольский, Порус, 2019, с. 101]. Отмеченное дает ключ к пониманию А. Платоновым духовного опыта, соотносимого с памятью и забвением.

Для А. Платонова память – неотъемлемое свойство человеческого сердца, как совесть и долг. Тем самым писатель помещает память в область этики, на чем настаивали в своих философских размышлениях Х. Арндт и П. Рикёр, и чьи позиции разделяет и развивает историк и культуролог А. Ассман [2019]. Ум и щедрость чувств как составляющие памяти служат для А. Платонова тем даром, который человек получает от рождения, а точнее, при зачатии (в избытке тела – т.е. в любви), и пестуется в материнской утробе. Память о ее теплоте проносится человеком через всю жизнь. Переживание героями возвращения в детство и еще глубже – в материнское лоно – во сне, в забытии, в смертный час – один из сквозных сюжетов романа. Для писателя также важна и социально-культурная среда памяти – аналог утробы (оседлость, государственничество, «уют классовой солидарности»), укорененность, дающая человеку основательность.

Память для А. Платонова – крайне тяжелый жизненный груз. В романе обращается внимание на парадокс: только у спящих людей бывают настоящие любимые лица; наяву же лицо у человека искажается памятью, чувством и нуждой [Платонов, 2002, с. 285]. По Ф. Ницше, «лишь то, что не перестает причинять боль, остается в памяти» [Ницше, 1990, с. 442]. Подобный груз дано вынести не каждому, поэтому память уступает место своему антиподу и двойнику в одном лице. Е.Н. Трубецкой писал о памяти как «переживании драмы жизни» [Трубецкой, 1994, с. 19].

Точка, завязывающая узел повествования о драме жизни главного героя «Чевенгура» Александре Дванове, сама расположена в пространстве мнемического. Он впервые

появляется в романе в воспоминаниях Захара Павловича об умершем рыбаке. Точнее, отсчет памяти Захара Павловича стала смерть бобыля. Смерть одного порождает воспоминание о другом – так мертвые сближаются с живыми [Подорога, 1990, с. 65], и важно, что имя Захар означает «Бог вспомнил». Затем, когда проходящий мимо погоста Захар Павлович находит могилу рыбака, воспоминание разрастается подробностями о похоронах, главная среди которых – прощающийся с отцом по наущению Захара Павловича сын. При этом событие прошлого описывается А. Платоновым одновременно с двух ракурсов. Один – это воспоминание Захара Павловича. Второй – так, как будто событие переживается в настоящем, притом самим Сашей, поскольку речь идет о его разных ощущениях тела отца и его одежды, обручального кольца на руке родителя, мыслях о забытой в озере удочке. И вся проживаемая потом в романе Александром жизнь в ее натуральном и виртуальном преломлении – возвращение к этой точке.

Генератором памяти Дванова служит сердце. Связанное с глубиной человеческого рода, с генетической памятью, заряжающее жизнью и смыслом, оно держит, как плотина, напор «вздыхающегося озера чувств» и перенаправляет их «в поток облегчающей мысли». Трепещущее птицей-чувством и птицей-мыслью сердце то питает, то тормозит сознание [Платонов, 2002, с. 183, 402]. В этом движении и воплощен поиск истины.

Жизнь «по памяти»

Чувственное начало памяти, природное в своей основе, – одна из основополагающих ее черт. Из многообразия ощущений, опирающихся на память, в романе чаще всего упоминаются запахи. Всплывая как образы-воспоминания – по А. Бергсону, точки пересечения духа и материи, запахи несут важную смысловую нагрузку. Они как будто реальные, из материального мира: запах рубахи, в которой хоронили отца Саши, когда пахло родным живым (тот же запах, но принесенный дождем, фигурировал одним из снов Александра); запах ситного хлеба, исходивший от отца Полнобездьева; аромат подола платья матери Копенкина; теплый запах какого-то давно заросшего, спекшегося материнства от Чепурного; запах волос и простыни Сони и т.д. Хотя все запахи так или иначе воображаемы, они приобретают характер символических. Когда «остаточных капиталистов» выселяли из их домов, каждый из них «уносил на себе многолетний запах своего домоводства, давно проникший через легкие в кровь и превратившийся в часть тела». Показательно замечание: «идешь по городу, и везде пахнет буржуазией». Хотя в итоге над Чевенгуром воцарился «сонный дух забвения» [Платонов, 2002, с. 300, 313]. Упомянем ощущение Копенкиным запаха платья Розы Люксембург и его рассуждения о «вредном воздухе», который он иссек саблей [Платонов, 2002, с. 168]. Однако и его преследует запах детства: «Всадник въехал в церковь с удивлением возвращенного детства, словно он очутился на родине в бабушкином чулане... Когда-то он молился в такой же церкви в своем селе, но из церкви он приходил домой — в близость и тесноту матери...» [Платонов, 2002, с. 249].

Обращаясь к памяти как к связке телесного и духовного, Платонов не проходит мимо такого важного аспекта последней, как традиция. Так, нацеленный на новое, Александр вместе с тем несет в себе связь со своими корнями. Проходя мимо деревенского погоста, он «включает» память – привычку тела («скорее, привычку, освященную памятью», по А. Бергсону [Бергсон, 1990, с. 210]), поступает так, как делали его предки и подобало ему: «поднял крестам свою руку, чтобы они передали его сочувствие мертвым в могилы» [Платонов, 2002, с. 132], являя приверженность сотворенной поколениями культурной памяти, ее, по выражению М. Хальбвакса, «социальным рамкам» [Хальбвакс, 2007].

С.С. Неретина подчеркивает, что для Платонова опорой человека являлись существование и мысль – внутренний потенциал, способный перенаправлять энергию внутри него. Соответственно, сознание определяется писателем как «деятельная память», и человек возникает как следствие *осознанной* жизни [Неретина..., 2019, с. 18, 47]. Для Алексея

Алексеевича Полюбезьева основанная на традиции, выпестованная средой и при этом личностная память – центр устойчивости в мире: «Стоял сейчас в полном сознании самого себя, чувствуя теплоту неба, словно детство и кожу матери, и так же, как было давно, что ушло в погребенную вечную память...» [Платонов, 2002, с. 239]. И, чтобы ощутить полноту жизни, Полюбезьеву не нужно раскапывать могилу матери – остатки детской родины, как этого захотелось в какой-то момент Захару Павловичу.

Поддерживаемая памятью традиция (либо память, освященная традицией) – «запасы накопленной вековой душевности» – помогали старым чевенгурцам («буржуйам», «бывшим», по терминологии революционной России) «нести остатки своей жизни с полным достоинством терпения и надежды», подготовиться, чтобы «кратко пройти по адову дну коммунизма». Правда, Платонов использовал эпитет «забытые» по отношению к слову «остатки», но, представляется, что под «забытыми» имеются в виду автоматически, подсознательно используемые обычные привычки и формы поведения, такие, которые в экстремальных обстоятельствах жизни (революция) оказываются как будто ненужными, невостребованными. Под стать старожилам Чевенгура и имевшие вековую прочность постройки, нижние венцы которых, положенные без фундамента, дали корни и проросли в глубокую почву, став таким образом памятью генетической [Платонов, 2002, с. 309]. Ярким материальным (и одновременно духовным) воплощением традиции были семейные поминальные книжки, которые «буржуи» принесли с собой на «чевенгурскую Голгофу». Именно на эти книжки, а вовсе не на принесенные теми узелки и сундучки с мылом, полотенцами, бельем, белыми пышками, обратил пристальное внимание Пиюся, занимавшийся распределением приговоренных к уничтожению. Вероятно, в своей жизни чекист никогда не испытывал необходимость их иметь, и наличие подобных книжек было ему непонятно и даже подозрительно. Да и в отличие от вполне пригодных для новых чевенгурцев вещей и продуктов, книжки с практической точки зрения не представляли никакой ценности и полагались «утилем».

Вырывание с корнем следов прежней жизни адептами «солярного коммунизма» весьма знаменательно. Во имя сытости новых чевенгурцев ликвидировались опорные точки памяти старых: дубовые кресты на чевенгурском кладбище оказались пригодными элементами для придуманной Александром оросительной системы. Впрочем, еще раньше, в самом начале его пути в Чевенгур, он уже испытал революционное искушение («беспорочное убеждение»). Как отмечает А. Платонов, Дванов в душе любил неведение больше культуры. Зато лесной надзиратель, напротив, стремился ведать, дабы узнать дальнейшую мучительную судьбу революции и найти исход для спасения своей семьи. Читая старинные книги, он искал в прошлом опыте подобия советскому времени.

Захару Павловичу память необходима как жизненная опора. Он напутствовал маленького Сашу в день похорон отца: «Погляди на него – будешь вспоминать». Позже напутствие переросло в призвание того на великие деяния. Конечно, у Захара Павловича существовала память в самом обыденном смысле, он думал и о житейском – необходимости пристроить мальчика. Для себя Захар Павлович в мыслях идет еще дальше библейского императива «Помни!». Отметим фрагмент романа, где речь идет о его желании сохранить Александра в гробу «целым для памяти и любви», чтобы потом через каждые десять лет откапывать его из могилы, «видеть его и чувствовать себя вместе с ним» [Платонов. 2002, с. 97]. И здесь равно присутствуют и отзвуки идей Н.Ф. Федорова, и аллюзия к ленинскому мавзолею, на фундаменте которого выросал культ Сталина. Показательно и стремление сохранить дольше целыми для памяти детские развалившиеся башмаки приемного сына. Нередко за память о прошлом держатся, когда нет опоры в настоящем и не просматривается будущее. Представляется, что отмеченное можно отнести к Захару Павловичу, утерявшему «свое усердное мастерство» и пытавшемуся в меморизации Александра обрести устойчивость и найти жизненный смысл.

Эпизод на московском кладбище демонстрирует зыбкость памяти Симона Сербинова. Стоящие на могилах кресты вечной памяти – ее культурные опорные точки – вызвали у него чувство безнадежности. Для Сербинова память может быть только личной, персонализированной (конкретному живому ходить к конкретному мертвому под крест). Он все же надеялся на свой след в памяти Сони и секретаря учреждения, от которого был командирован. Но в целом его память-опыт предчувствовала обреченность на одиночество и забвение. Платонов постоянно подчеркивает необычайность, тонкость, непрочность коммуникативных нитей Сербинова, в том числе в отношении оставленной им в забвении матери.

Прошка – Прокофий Дванов – полагался прежде всего на собственный опыт. Так, он постоянно напоминал «не мять матери живот» живущему, будто во сне, природой, стихией отцу. В детстве этот мальчишка-крохобор не любил никого за пределами своего двора, а впоследствии убеждал Александра, «излишне чувствовавшего человека» (добавим, и двор как живое существо тоже), что «сын и отец связаны нисколько не чувством, а имуществом», намереваясь довести размеры своего имущества до масштаба Чевенгура. Правда, рационально организованная память Прокофия временами давала осечку, повинувшись природному (настроению Клавдюши). Его полный лукавства и мимикрии ум нацелен на системность («мысль – организация»), в которой память (забвение), при всей присущей этой связке избирательности, особенно селективна и утилитарна. Весьма характерно заявление Прокофия Александру при их встрече в Чевенгуре: «Я тебя долго помнил, а потом начал забывать. Сначала вспомню, а потом думаю, нет, ты уже умер, и опять забываю» [Платонов, 2002, с. 386]. Для него, как и для Сербинова, уход человека из жизни закрывает канал памяти. Отметим образное сравнение памяти сводных братьев: если Прокофию больше помнятся мухи под потолком, то Александру – птицы в небе [Платонов, 2002, с. 468].

Поначалу, когда Платонов описывал память Чепурного, он подчеркивал ее стихийность и неупорядоченность. Однако в исключительный по переживанию момент, когда Чепурной простоял два часа в руках со знаменем Чевревкома, напряженно ожидая пробуждения пролетариата, его воспоминания обрели связь и живой смысл. В состоянии аффекта в голове Чепурного высветились фрагменты прошлого опыта (хождение на заработки и прощание с мертвой матерью), сложившиеся в ощущение *déjà vu*. И если прежде напряжение мысли не давало никакого чувства истины Чепурному, то в той ситуации попытка памяти найти в прошлом ресурс для настоящего привела его самостоятельно (без помощи Прокофия) к заключению «выжил – выживу и теперь», «ничего, дескать, это уж было, и теперь не умрешь — шагай по своему же следу» [Платонов, 2002, с. 332].

Изобретая память

Фантазийность и фанатизм, присущие героическому концепту коммунизма, проявляют себя в романе «Чевенгур» и в мифическом Чевенгуре в таких социально-культурных практиках, как «управление прошлым», «изобретение традиции».

Ярким образцом служит память Степана Копенкина, в которой народная традиция и природная стихия перемешаны с революционными лозунгами и новыми героями-мучениками. Слившийся со своим конем («погладил Пролетарскую Силу, чувствуя ее равенство себе») Копенкин действовал без плана и маршрута, а наугад и на волю животного, обладавшего памятью о «сладком разнотравии своей родины». Не случайно Копенкин часто вспоминает близкого ему в этом плане Дванова, «исполняющего жизнь вперед разума и пользы», и скучает по нему. Дванов же со всей сердечностью отвечает Копенкину, обещая не забывать его и Розу.

Свою мемориальную привязанность к Люксембург Копенкин проявляет многообразно. Память-поминование выражается, в частности, в тосте с чашкой чая. Роза, ставшая для Степана воплощением матери, – утешение, которого, как ему представлялось, не имели чевенгурцы. Неистовость Копенкина подпитывалась сконструированной им (или ско-

рее – заимствованной) памятью о жертве, брошенной на алтарь мировой революции. Такая память, основанная на праве сильного, «человека с ружьем», требовала клятвы: «моя рука положит на ее могилу всех ее убийц и мучителей!». Платонов замечательно описал сублимацию подобной революционной любви: «В ту же ночь он (Копенкин) со страстью изрубил кулака, по наущению которого месяц назад мужики распороли агенту по продразверстке живот и набили туда проса» [Платонов, 2002, с. 168].

Однако при этом «природный человек» Копенкин сознает, что для укоренения новой памяти необходим прочный фундамент, затвердение. Не случайно один из первых его вопросов к Чепурному касается того, есть ли в Чевенгуре памятник «товарищу Розе Люксембург»? Памятник из самородного камня (думается, аллюзия к «самосевному коммунизму») нашелся в одном сельском населенном пункте района. Поначалу Копенкин, считавший революцию последним остатком тела Люксембург, в своих воспоминаниях о ней намеревался откопать Розу из могилы и увезти к себе в революцию либо даже оживить. Но уничтожение деревьев, холма и памяти на общей могиле чевенгурской буржуазии в представлении Копенкина восполняло эти недостающие прежде элементы на воображаемой им дальней могиле Розы, и память о ней облекалась для него в конкретные формы.

Интересно, однако, что наличия памятника оказалось недостаточным, и, чтобы Копенкин прижился в Чевенгуре, Александр писал Степану ежедневно, по своему воображению, историю жизни Розы. Так революционный миф разветвляется, обрастает новыми симулякрами. Начав когда-то с того, что в своих соображениях «под думой... полагал не мысль, а наслаждение от постоянного воображения любимых предметов», Дванов в этом плане мало чем отличается от Чепурного, постоянно занятым чувственным воплощением коммунистических идей (характеризуя память Чепурного как интуитивную, К. Баршт полагает ее знаком приобщения к всемирной памяти [Баршт, 2008, с. 103]).

Поначалу «мягкая» по форме словесная резолюция Чепурного об уничтожении «буржуев» твердеет буквально на глазах в виде приклеенного мукой к заборам, ставням и плетням приказа «очисть город от гнетущего элемента». Переход «мягкой», коммуникативной памяти в «твердую», культурную представлен также в эпизоде с обсуждением вопроса об изобретении какого-либо знака для привлечения в город прохожих пролетариев. Жеев предложил символ Чевенгура в виде надписи на холстине и воспроизвел ее, пробираясь сквозь собственную память. При этом на вопрос Чепурного, отчего тот ее выдумал, Жеев отвечал: «Я про нее не думал... я ее по памяти сообразил, а не сам... Слышал где-нибудь, голова ведь разное держит...» [Платонов, 2002, с. 314]. Действительно, как следует из текста, услышал «на военном митинге в боевой степи». К.А. Баршт считает и «соображение» Жеева результатом приобщения к «фонду вечной памяти» [Баршт, 2008, с. 103]. Думается все же, что в данном случае речь идет о свойстве памяти того наличного элемента, с которым предстояло строить «светлое завтра» – отрывочной, лоскутной, «бриколажной».

Показано в романе и становление локальной мемориальной культуры, призванной закрепить достижения чевенгурских большевиков. В утрированном виде она воспроизводила реформы пришедшей к власти партии в области календаря, алфавита, праздничных дней, всевозможных переименований вкупе с «ленинским планом монументальной пропаганды» государственным героическим нарративом. Исследования историков, в частности, Ш. Плаггенборга, о том, как на практике в послереволюционной России решались задачи «реорганизации человека» и «самореализации режима» позволяют заключить о раннем формировании «идейных основ сталинизма» [Плаггенборг Ш., 2000].

Действующий на опережение, устремленный в будущее и настроенный на разрыв настоящего с прошлым Чевенгур устанавливает собственное летоисчисление. Он не просто деревня «в память будущего», он и есть будущее, что вполне укладывается в понятие «перспективная память», своей креативной функцией нацеленной на конструирование

идентичности. Поэтому можно трактовать фрагмент в плане «вечной одновременности» [Баршт, 2008, с. 96].

А. Платонов пишет о намерении установить памятник побежденной природе. В Чевенгуре уже воздвигнуты глиняные изваяния, «похоже изображавшие любимых товарищей», хотя в монументах стираются индивидуальные черты («однообразное массовое лицо») и проявляется идея «товарищеского сожительства». Недолговечность материала вызвала скепсис у столичного жителя Сербинова. Обращая внимание на эпизод, в котором Чепурный, носивший глину для памятников, разъясняет тому смысл занятия («Мы живем между собой без паузы»), К.А. Баршт расценивает его с точки зрения памятной непрерывности бытия, причастности индивидов к вечности [Баршт, 2008, с. 93]. Действительно, если иметь в виду рецепцию А. Платоновым идей Н. Федорова, то вопрос, что долговечнее – глина, материал гораздо более близкий к почве, или бронза – отпадает. Стремилась чевенгурцы оставить о себе воспоминание в материальной форме не только в пространстве, но и во времени, пообещав тому же Сербинову «к завтраму» сделать «чего-нибудь... на память».

Память, забвение: «и так и обратно»

При чтении романа прежде всего бросается в глаза, что забвение («недостаток человеческого сердца», по А. Платонову) – разрушительная сила, чуждая жизни и родственная смерти, моральное падение человека. Е. Яблоков считает, что «позабиться» актуализирует буквальный, экзистенциальный смысл – «забыть себя», утрату личностного самосознания [Яблоков, 2001, с. 327].

Отмечено, что «балансирование» – стилевая доминанта платоновской прозы, и для героев А. Платонова грань между жизнью и смертью зачастую неразличима. Для В.А. Подороги воспоминание нуждается в том, чтобы тот, кто вспоминает, обрел время смерти [Подорога, 1990, с. 82]. Для С.С. Неретиной наличие памяти – признак жизни, напротив, отсутствие памяти свидетельствует о смерти; более того, смерть нужна, чтобы отличить ее от жизни, или нужна для памяти [Неретина, 2019, с. 53]. Жить означает «оправдывать свою память» [Баршт, 2008, с. 102]. Принявший последний бой Копенкин, поначалу ничего не запомнивший во время смертельной схватки, развернул потом Пролетарскую Силу, чтобы все задержать на счету у памяти – победить, получив утешение от боя.

«Умереть» в романе «Чевенгур» не означает только «забыть» (для Сони «люди не умирают, а остаются») и забвение и тем более забывание не всегда равнозначны смерти. Забвение выступает в романе как защитная реакция на физическое испытание либо психологическое переживание. Так, труд из радостного состояния творчества превращается в участь работать с целью забыть голод.

Ссылаясь на С.С. Неретину, полагающую телесность опорой, позволяющей ощущать существование в природе, более прочное, чем в мысли [Неретина, 2019, с. 18], Е.П. Аристова, приравнивает безмыслие к забвению, равнозначно удерживающему человека в безопасности от краха мысли [Аристова, 2019, с. 21]. Не случайно она обращает внимание на суждение Сербинова о человеке: «это не смысл, а тело, полное страстных сухожилий, ущелий с кровью, холмов, отверстий, наслаждений и забвения» [Платонов, 2002, с. 428]. Показателен один из критических в жизни Александра моментов, когда он, раненный «железной птицей», в забвении освобождения возобладал Соней и, узнав «гулкую страсть жизни», подивился «ничтожеству мысли перед этой птицей бессмертия». Впоследствии «сторож» ума героя нередко оберегал его и мог «впустить лишь одного посетителя, одну бродящую где-то наружи мысль» [Платонов, 2002, с. 115, 464].

Способность забывать, по мысли Платонова, отмечает период взросления в жизни человека, поскольку он идет «навстречу тем событиям и вещам, которые ему предстояло еще пережить в жизни, пропустив внутрь своего тела» [Платонов, 2002, с. 67]. Так

происходило и с Александром, забывавшим отца-рыбака, деревню и Прошку. Молодость и зрелость (старость) могут реагировать по-разному на одно и то же событие. Если для Саши образ машиниста-наставника ушел в сон воспоминаний, то Захар Павлович, не имевший уже такой самозарастающей силы жизни, горевал о наставнике всю остальную жизнь.

Забвению предается именно то, для чего в настоящем утрачены референциальные рамки [Хальбвакс, 2007]. В область забвения может перейти какое-либо событие, признающееся завершённым в данный момент и не нуждающимся в продолжении, т.е. не актуальное [Лотман, 2000]. П. Рикёр писал о забвении-резерве, полагая его не только «врагом» памяти, но и ресурсом для нее [Рикёр, 2004]. После смерти бобыля Захар Павлович сразу забыл и его, и дождь, и голод. И чуть позже, отправляясь в путь, он, вспоминая на ходу прошедшую жизнь, не сожалел о ней.

Зыбкость грани между памятью и забвением у Александра особенно показательна. Это касалось, например, Сони или безумных блужданий в «поисках социализма». Переходы из тени беспомыслия на свет анамнезиса и обратно сопровождает его на всем протяжении повествования, наяву и во сне. Но все же не случайно у Захара Павловича при воспоминании о сироте «нечаянно» встал образ растущего из дымохода покинутой хаты подсолнуха, цветок которого следует за движением солнца. В нужный момент «сторож» Дванова зажигает «огонь»-интуицию. Так в его сознании возникает сказка про пузырь, соломинку и лапоть, помогающая принять решение идти в Чевенгур, а во сне – отец, побуждающий сына делать там «что-нибудь». При встрече с Прокофием в Чевенгуре в ответ на блуждания того в лабиринтах памяти – забывчивости, Александр заявил: «А я тебя помнил. Чем больше жил, тем все больше тебя помнил... и всю деревню» [Платонов, 2002, с. 386]. Память приобрела силу жизненного ресурса. Проводя параллели между пониманием памяти А. Бергсоном и А. Платоновым, К.А. Баршт подчеркивает их совпадение в принципиальном вопросе: чем выше уровень развития сознания, тем глубже и точнее память, следовательно, во времени возрастает напряжение, и связь между настоящим и прошедшим укрепляется [Баршт 2008, с. 91; Бергсон 1992, с. 316]. На закате Чевенгура «сторож» Дванова открыл «заднюю дверь воспоминаний», чтобы впустить в его голову теплоту сознания – припоминание фрагмента детства, когда он и отец идут вместе, взявшись за руки, как единое целое, подводя повествование к финалу.

Заключение

«Путешествие» А. Платонова по «волнам» памяти его персонажей в романе «Чевенгур» во многом полемично, как и описания всех странствований в нем. Оно представляет собой «вечное движение» между прошлым, настоящим и будущим, между «верхом» и «низом», по горизонтали и по вертикали. Память одного персонажа переходит в воспоминание другого или сталкивается с ним; сменяется на забывчивость. Забвение для писателя несет в себе потенцию памяти, последняя в свою очередь не закрыта для беспомыслия. Все проходят через мнемонические испытания, каждый имеет шанс хранить в своей памяти и сохраниться в памяти другого, и каждый выбирает для себя помнить и (или) забывать.

Список источников

Платонов А.П. 2002. Чевенгур. В кн.: Платонов А.П. Котлован. Роман. Повести. Рассказы. Екатеринбург, У-Фактория: 15–484.

Список литературы

1. Ассман А. 2019. Забвение истории – одержимость историей. М., Новое литературное обозрение, 610 с.
2. Аристова Е.П. 2019. Гуманизм после конца человечности: ренессансный мотив

«Чевенгура» А. Платонова. В кн.: Размышляя о Платонове. По материалам XVI конференции Института философии РАН с регионами России. М., Голос: 9–27.

3. Баршт К.А. 2008. Мнемоническая вечность Андрея Платонова. Вопросы философии, 1: 90–107.

4. Бергсон А. 1992. Материя и память. В кн.: Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. М., Изд-во Московского клуба: 160–316.

5. Бронникова Е.В. 2009. От памяти к беспамятству: к вопросу о типологии персонажей в романе А. Платонова «Чевенгур». Вестник Челябинского государственного университета, 3(143), Филология. Искусствоведение, 29: 13–16.

6. Гюнтер Х. 2012. По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова. М., Новое литературное обозрение, 216 с.

7. Кознова И.Е. 2009. Национальное самосознание как взаимодействие памяти и забвения. В кн.: Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки. Материалы 3-й Всероссийской конф. М., ИФРАН: 55–65.

8. Лотман Ю.М. 2000. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исслед. Заметки (1968–1992). СПб., Искусство, 703 с.

9. Неретина С.С., Никольский С.А., Порус В.Н. 2019. Философская антропология Андрея Платонова. М., ИФ РАН, 240 с.

10. Ницше Ф. 1990. К генеалогии морали. В кн.: Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., Мысль: 407–524.

11. Плаггенборг Ш. 2000. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Окт. Революцией и эпохой сталинизма. СПб., Нева, 414 с.

12. Подорога В.А. 1990. Евнух души. Позиция чтения и мир Платонова. В кн.: Сознание в социокультурном измерении. М., ИФРАН: 56–83.

13. Рикёр П. 2004. Память. История. Забвение. М., Изд-во гуманитарной литературы, 725 с.

14. Трубецкой Е.Н. 1994. Смысл жизни. М., Республика, 431 с.

15. Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти. М., Новое издательство, 348 с.

16. Яблоков Е.А. 2001. На берегу неба: Роман А. Платонова «Чевенгур». СПб., Дмитрий Буланин, 374 с.

References

1. Assman A. 2019. Zabveniye istorii – oderzhimost' istoriyey [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow, New Literary Review, 610 p.

2. Aristova E.P. 2019. Gumanizm posle kontsa chelovechnosti: renessansnyy motiv «Chevengura» A. Platonova [Humanism after the end of humanity: Renaissance motive in “Chevengur” by A. Platonov]. Reflecting on Platonov. Based on the materials of the XVI conference of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences with the regions of Russia. Moscow, Golos: 9–27.

3. Barsht K.A. 2008. Mnemonicheskaya vechnost' Andreyaya Platonova [Mnemonic eternity of Andrei Platonov]. Voprosy filosofii, 1: 90–107. (In Russian)

4. Bergson H. 1992. Materiya i pamyat [Substance Matter and memory]. Sobr. Op. in 4 volumes. Vol. 1. Moscow: 160–316.

5. Bronnikova E.V. 2009. Ot pamyati k bespamyatstvu: k voprosu o tipologii personazhey v romane A. Platonova «Chevengur» [From memory to unconsciousness: to the question of the typology of characters in A. Platonov’s novel “Chevengur”]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 3(143), Filologiya. Iskuststvovedenie, 29: 13–16.

6. Gunther H. 2012. Po obe storony ot utopii: Konteksty tvorchestva A. Platonova [On both sides of utopia: Contexts of A. Platonov’s works]. Moscow, Novee literaturnoe obozrenie, 216 p.

7. Koznova I.E. 2009. Natsional'noye samosoznaniye kak vzaimodeystviye pamyati i zabveniya [National self consciousness as the interaction of memory and oblivion]. Problems of Russian self – consciousness: an evolutionary formation and revolutionary break. Proceedings of the 3rd All –Russian conference. Moscow, IPhRAS Publishers: 55–65.

8. Lotman Yu.M. 2000. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issled. Zаметki (1968–1992) [Semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Issled. Notes (1968–1992)]. St. Petersburg, Art, 703 h.

9. Nietzsche F. 1990. K genealogii morali [To the genealogy of morality]. Works. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Mysl': 407–524.

10. Neretina S.S., Nikolsky S.A., Porus V.N. 2019. *Filosofskaya antropologiya Andrey Platona* [Philosophical anthropology of Andrey Platonov]. Moscow, IPhRAS Publishers, 240 h.
11. Plaggenborg Sh. 2000. *Revolyutsiya i kul'tura: Kul'turnyye oriyentiry v period mezhdu Okt. Revolyutsiyey i epokhoj stalinizma* [Revolution and culture: Cultural landmarks between Oct. revolution and the era of Stalinism]. St. Petersburg, Neva, 414 p.
12. Podoroga V.A. 1990. *Yevnukh dushi. Pozitsiya chteniya i mir Platona* [The eunuch of the soul. Reading position and Platonov's world]. In: *Soznaniye v sotsiokul'turnom izmerenii* [Consciousness in the sociocultural dimension]. Moscow, IPhRAS Publishers: 56–83.
13. Ricoeur P. 2004. *Pamyat'. Istoriya. Zabveniyе* [Memory. History. Oblivion]. Moscow, Publishing house of humanitarian literature, 725 p.
14. Trubetskoy E.N. 1994. *Smysl zhizni* [Meaning of life]. Moscow, Republic, 431 p.
15. Halbwachs M. 2007. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [Social framework of memory] Moscow, Novoe izdatel'stvo, 348 p.
16. Yablokov E.A. 2001. *Na beregu neba: Roman A. Platona «Chevengur»*. [On the shore of the sky: Roman A. Platonov "Chevengur"]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 374 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кознова Ирина Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina E. Koznova, Ph.D., Professor, Research Officer the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 340:167/168; 001.11; 001.2; 001.4 – 001.6; 001.8; 001.92:37; 340.115; 340.113.1
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-212-219

Методология науки и прикладной аналитики: параметр полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в исследовании

Понкин И.В.

Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
119606, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 84
E-mail: iv.ponkin@igsu.ru

Аннотация. Проанализированы значение, содержание и особенности такого параметра качества научного исследования и прикладного аналитического исследования, как полнота. Автор показывает меру исследованности параметра полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов – применительно к научному или прикладному аналитическому исследованию. Дан обзор представленных в научной литературе дефиниций и интерпретаций параметра полноты исследования. Показаны место исследуемого параметра в общем объёме других ключевых параметров исследования, особенности интерпретаций с таковыми. Рассмотрены параметры целостности, ясности, глубины, широты. Предложен авторский концепт интерпретации и объяснения указанного параметра. Представлена авторская классификация внутренней структуры исследуемого интегрального параметра.

Ключевые слова: наука, прикладная аналитика, методология исследования, параметры научного и (или) аналитического качества исследования.

Для цитирования: Понкин И.В. 2020. Методология науки и прикладной аналитики: параметр полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в исследовании. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 212–219. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-212-219

The methodology of science and applied analytics: the parameter of completeness of coverage and completeness of accounting for the determining factors in the study

Igor.V. Ponkin

Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Moscow, Russia) (IPACS, RANEPА)
84, Vernadsky prospect, Moscow, 119606, Russia
E-mail: iv.ponkin@igsu.ru

Abstract. The significance, content and features of such a qualitative parameter of scientific research and applied analytical research as completeness are analyzed. It is shown that the set of questions about the actual and most adequately reflecting the objectivity of the parameters of scientific quality of scientific research is one of the most complex and at the same time poorly studied. The author shows the measure of the parameter of completeness of coverage and completeness of accounting for determining factors-in

relation to scientific or applied analytical research. A review of definitions and interpretations of the research completeness parameter presented in the scientific literature is given. The author shows the place of the studied parameter in the total volume of other key parameters of the study, especially the relationship with them. In particular, the author considers the parameters of integrity, clarity, depth, and latitude. The article offers the author's concept of interpretation and explanation of this parameter. The author's classification of the internal structure of the integral parameter under study is presented.

Keywords: science, applied analytics, research methodology, parameters of scientific and / or analytical quality of research.

For citation: Ponkin I.V. 2020. The methodology of science and applied analytics: the parameter of completeness of coverage and completeness of accounting for the determining factors in the study. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 212–219 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-212-219

Введение

Комплекс вопросов о релевантных и максимально адекватно отражающих объективность параметрах научного качества научного исследования (в том числе диссертационного) является одним из наиболее сложных и при этом малоисследованных в науковедении (преимущественно в фундаментальной науке) и в теории методологии прикладной аналитики.

Одним из таких параметров исследования является параметр полноты охвата (франц. – *couverture complète*; англ. – *fullness of coverage*, реже – *comprehensiveness, completeness*) и полноты учёта определяющих факторов (а равно элементов онтологии и аспектов исследуемой предметно-объектной области) в исследовании, в упрощенной модальности – полноты исследования, отражающей и (или) обеспечивающей во многих случаях истинность знания и объективность его репрезентации.

По Чарльзу Вильсону, фундаментальные исследования – это «то, что вы делаете, когда не знаете, что вы делаете» (цит. по: [Селье, 1987, с. 25]), то есть поиск нового. Согласно В.М. Сырых, «познание предмета во всей его полноте и всесторонности составляет конечную цель и смысл существования правовой науки» [Сырых, 2012, с. 27]. Это очень важный параметр [Meloy, 2002; Kirkman, 2005; Bailey S., Carter S. et al., 2011].

В нашем (в соавторстве) недавно увидевшем свет учебнике [Понкин, Редькина, 2020] этот вопрос, к сожалению, остался за рамками, и в настоящей статье мы навёрстываем упущенное.

Значение параметра полноты охвата и учёта определяющих факторов в исследовании

Степень и модальность охвата и учёта определяющих факторов в научном и прикладном аналитическом исследовании имеют непосредственное отношение к дизайну научного произведения и к авторскому его замыслу, но также и к его оцениванию.

Неполнота (критически недостаточная полнота) охвата и учёта определяющих факторов в исследовании, недооценка и пренебрежение этим параметром исследования – всё это ведёт к дезориентирующей, вводящей в заблуждение дефектности и даже ложности мыслительной картины, отражающей предметно-объектную область исследования, онтологию исследуемых предметов.

Как пишет Мелинда Фритхоф Дэвис [Fritchhoff Davis, 2010, p. 328], неполнота данных в основе исследования влечёт (в числе прочих детерминантов) «плохую гигиену» (в том числе – «токсичность») данных. Неполнота знаний предмета теории, по В.М. Сырых, негативно сказывается на её состоянии [Сырых, 2012, с. 106]. По С.А. Трушелёву, «принципиальная неполнота, фрагментарность моделей не позволяет получить исчерпывающего знания об оригинале» [Трушелёв, 2009, с. 49].

Представленные в научной литературе дефиниции и интерпретации полноты исследования

В самом общем значении полнота – это «наличие чего-либо в достаточной степени, высшая степень проявления чего-либо, насыщенности чем-либо» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 904]. По Ю. Гастеву, «полнота – свойство формальных систем (исчислений), характеризующее достаточность для каких-либо определённых целей, их выразительных и (или) дедуктивных средств. Полнота в первом смысле называется обычно функциональной, во втором – дедуктивной» [Гастев, 1967, с. 302]. По Георгу Зиммелю, полнота группы измеряется соотношением между потенциальными элементами (членами), то есть теми, кто удовлетворяет требованиям относимости к группе, и действительными членами [Simmel, 1950, p. 95].

Исчерпывающе полного и точного определения понятия полноты исследования (тем более полноты охвата и учёта определяющих факторов в исследовании) не встречается в литературе. Но есть дефиниции и интерпретации смежных и сопоставимых понятий.

Так, согласно А.В. Чагрову, «полнота логических исчислений – выводимость в исчислении (логической системе) всех утверждений (предложений, формул и т.п.), обладающих некоторым подразумеваемым для этого исчисления свойством... Семантическая полнота – полнота относительно свойства истинности в модели или классе моделей... Проблема семантической полноты логических систем (исчислений) имеет различные варианты: а) поиск логической системы (в частности, обладающей некоторыми требуемыми свойствами, напр. наличием конечной аксиоматики), полной относительно данного класса моделей (относительно данной модели); б) поиск класса моделей (модели), относительно которого полным является данное исчисление... Синтаксическая полнота – полнота логического исчисления относительно определенного формульного свойства» [Чагров, 2009, с. 718–719].

Полнота поиска, по С.А. Трущелёву, отражает его тщательность и соответствует доле найденных публикаций от всех релевантных, действительно содержащихся в базе данных [Трущелёв, 2009, с. 80].

Согласно А.С. Майданову, «стратегия полноты исследования... ориентирует на полный охват всех существенных сторон явления – его свойств (качества), составных частей, структуры, формы, количественных характеристик, динамики, функции, сущности. Эти стороны тем или иным образом связаны между собой, а поэтому изучение одних делает возможным переход к изучению других, знание об одних ставит проблемы относительно других» [Майданов, 1993, с. 145].

В более сложных интерпретациях теория полноты составляет часть современной модальной логики [Чагров, (2), 2009, с. 844].

Авторская интерпретация параметра полноты исследования

Согласно нашему концепту, полнота – предельность или приближение к предельности (предельной максимальной) в фактическом или экспектативном (ожидаемом) охвате (исчерпывающей заполненности) объёма наиболее существенного и значимого в отражении исследуемой предметно-объектной области.

Что конкретно мы имеем в виду, когда говорим о полноте охвата и полноте учёта определяющих факторов в исследовании?

Речь идёт о мере охвата (и детализации) и учёта (перечень не является исчерпывающим) следующих позиций:

- 1) в предметно-объектной области исследования:
  - объёма аспектов и онтологических элементов тематического и (или) проблемного поля,
  - объёма ключевых и критически важных для целей исследования референтных источников,

- объёмов ключевых и критически важных для целей исследования референтных и релевантных проблем, вопросов, условий, объектов, процессов, отношений,
- объёмов неопределённостей;
- 2) в массиве задействуемой исследовательской методологии:
  - функционально-целевой полноты проектирования и реализации исследования, полноты воплощения заявленного замысла,
  - необходимых объёма и спецификации подлежащих (исходя из сути целеполагания исследования и особенностей исследуемой предметно-объектной области) задействованию исследовательских методов,
  - объёма и спецификации релевантных (исходя из сути целеполагания исследования и особенностей исследуемой предметно-объектной области) исследовательских проекций и исходных (опорных) исследовательских систем координат,
  - органической (отражающей целостность), онтологической и (или) инструментально-системной полноты выстраиваемой теории (выстраиваемого научного концепта, классификации или иного научного конструкта),
  - полноты воплощённого релевантного исследовательского потенциала и полноты содержательности;
- 3) в массиве задействуемой и излагаемой исследовательской аргументации:
  - объёма релевантной аргументации,
  - функциональной полноты логических связей в изложении научного материала и аргументации;
- 4) массива задействуемой методологии верификации (проверки и подтверждения достоверности) и валидации (проверки и подтверждения соответствия требованиям) результатов исследования.

Всё вышеприведённое относимо к разряду определяющих факторов в исследовании. Хотя, конечно, всё зависит от конкретного исследования.

Параметр полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в исследовании в общем объёме других ключевых параметров исследования

Параметр полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в научном и прикладном аналитическом исследовании, как уже было сказано выше, является одним из линейки ключевых критериев оценивания исследования.

Широта исследования, глубина исследования и полнота исследования – это три сложно-онтологически взаимосвязанных параметра научного или прикладного аналитического исследования.

Во многих случаях глубина исследовательской проработки целевого тематического горизонта (исследуемой предметно-объектной области или проблемы) и глубина исследования (проработки) рабочего объёма исходных материалов или данных гораздо важнее широты таких исследований и полноты охвата в них наиболее существенных моментов. Однако это вовсе не та важность, которая совсем обесценивает параметр полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов, и второй параметр может быть так же существенно важен. А для некоторых исследовательских задач может быть справедливо и обратное.

Достижение определённой меры показателя критерия широты охвата или достижение глубины проработки не всегда могут быть релевантными задачами исследования. Однако пересекающийся и сопрягающийся с этими критериями (а иногда находящийся в онтологической «оппозиции») критерий полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в научном и прикладном аналитическом исследовании, в любом случае, будет занимать одно из приоритетных мест в оценивании качества исследования. Хотя бы уже в упрощённой модальности – отвечая на вопрос: произведён ли исследовательский охват в необходимой и достаточной мере? То есть это очень важный параметр.

Параметр полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в исследовании связан с таким параметром исследования, как его целостность (в данном случае имея в виду отсутствие незаполненных критических значимых пробельных каверн неисследованности, отсутствие перекосов (дисбалансов) в исследовании целостной предметно-объектной области исследования, отсутствие исследованности наиболее существенного при доминантной, акцентированной исследованности малозначимого, второстепенного и др.), а также с таким параметром исследования, как его комплексность.

Еще одной онтологической «оппозицией» может выступать пара «полнота и ясность». Как пишет Б.И. Фёдоров, «фиксируя определённый уровень полноты знания, ясность в то же время всегда относительна, поскольку связана каждый раз с конкретной познавательной ситуацией, с уровнем осведомленности её участников. Не существует абсолютной, абстрактной ясности» [Фёдоров, 2009, с. 1021].

Модальности в достижении параметра полноты охвата и учёта определяющих факторов в исследовании

Понятно, что в первую очередь мера достижения полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в исследовании ограничена пределами возможностей человеческого, даже усиленного компьютерными технологиями, пределами современного уровня достижений в науке, финансовых возможностей, наконец.

Но есть и субъективный, логический обоснованный детерминант.

Очевидно, что у интенций достижения определённой меры показателя полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в исследовании есть разумно-рациональные пределы. И редундантность (чрезмерная явная избыточность) в онтологии исследуемого параметра может быть лишена смысла и просто «пожирать» временные, финансовые и иные ресурсы исследователя (коллектива исследователей).

В некоторых ситуациях исследователь вполне обоснованно может исходить из приоритетности надёжности оснований, или внутренней непротиворечивости выстраиваемой теории, или концепции по отношению к её полноте.

По Г.И. Рузавину, «требование непротиворечивости системы аксиом гораздо существеннее требования их полноты» [Рузавин, 1975, с. 213].

Согласно Гансу Селье, «человеческий разум не в состоянии достичь всей полноты знания», и необходимо «сосредоточиться на одной центральной проблеме, не растрачивая энергию на бесплодные поиски абсолютного знания. Обширные знания также не превращают человека в учёного, как запоминание слов не делает из него писателя... Ничто в Природе не может быть охарактеризовано с исчерпывающей полнотой» [Селье, 1987, с. 165, 264].

То есть в достижении полноты исследования обоснованно выделять следующее:

- минимально необходимый уровень (необходимое и достаточное), ниже которого можно говорить о неполноте и даже неполноценности исследования;
- оптимально-релевантный уровень;
- некоторые уровни с превышением от оптимально-релевантного, но укладывающиеся в полосу релевантности;
- редундантный (явно и чрезмерно избыточный), лишённый смысла перебор.

При этом любому исследованию может быть субъективно-произвольно и необоснованно наклеен ярлык неполноты, отсутствия в нём каких-то раскрытых и объяснённых вопросов, каких-то решённых задач, и это может продолжаться до бесконечности.

Поэтому понятие полноты охвата тесно увязывается с соображениями разумно-рационального и оптимизационного порядков.

Полнота также может варьироваться и по уровням исследования: мы можем говорить о полноте исследования в целом и о полноте объёма охвата отражаемого явления дефиницией.

И причин этого может быть немало. Например, согласно М.М. Новосёлову, «если определение будет номинальным, то ответ сводится к соглашению о терминах, а если реальным, то в силу неполноты знания (о субъекте) определение может оказаться неполным» [Новосёлов, 2009, с. 53]. Как указывал А.Р. Лурия: «Усваивая значения слов, мы усваиваем общечеловеческий опыт, отражая объективный мир с различной полнотой и глубиной. “Значение” есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, одинаковая для всех людей, причем эта система может иметь только разную глубину, разную обобщенность, разную широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное “ядро” – определённый набор связей» [Лурия, 1979, с. 53]. И вот аналогичное «ядро» в понимании и интерпретации предмета исследования и отражает меру минимально необходимого и достаточного.

Полнота исследования может быть различной по разным другим позициям, например, полнота охвата вообще всех аспектов и мельчайших деталей и полнота охвата только «несущих» («силовых») теория-образующих научных конструктов.

Отметим, что в некоторых ситуациях неполнота исследования может являться следствием сознательного оперирования выборками, например, сознательным выбором из методов сплошного и несплошного наблюдения в пользу несплошного, если это допускается или прямо предусматривается исследовательскими задачами. То есть «неполнота» может закладываться в проектируемый дизайн научного или прикладного аналитического исследования.

Так, Джордж (Джёрдь) Пойа писал: «Мы нигде не стремились достичь полноты монографии, поскольку выбор материала был подчинен нашей основной цели – расположению, в наибольшей степени возбуждающему работу мысли» [Пойа, 1976, с. 443].

Заключение

Положение о присуждении учёных степеней, утверждённое Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 01.10.2018) «О порядке присуждения ученых степеней», не предъявляет никаких требований относительно параметра полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов в диссертационном исследовании (имеет место только требование полноты изложения материалов диссертации в работах, опубликованных соискателем учёной степени), вообще достаточно скудно и слабо определяет общенаучные требования к качеству диссертации. Но это не снимает с повестки дня вопрос о критериях качества научного (а равно прикладного аналитического) исследования, в том числе в части параметра, которому посвящена настоящая статья.

И эта статья является приглашением к дискуссии.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка. Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., Норинт, 2000. 1536 с.
2. Гастев Ю. 1967. Полнота. В кн.: Философская энциклопедия. Гл. ред.: Ф.В. Константинов. Т. 4. М., Советская энциклопедия. 592 с. С. 302.

Список литературы

1. Лурия А.Р. 1979. Язык и сознание. М., Издательство Московского университета. 320 с.
2. Майданов А.С. 1993. Искусство открытия: Методология и логика научного творчества. М., Репро. 175 с.

3. Новосёлов М.М. 2009. Аналитические и синтетические суждения. В кн.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., Канон+; Реабилитация. 1248 с.
4. Пойа Д. 1976. Математическое открытие: Пер. с англ. 2-е изд. М., Наука. 452 с. (George Polya. 1952, 1965. *Mathematical Discovery. On understanding, learning and teaching problem solving*. New York, John Wiley & sons, inc., Vol. I, Vol. II.)
5. Понкин И.В., Редькина А.И. 2020. Методология научных исследований и прикладной аналитики. М.: Буки Веди. 365 с.
6. Рузавин Г.И. 1975. Методы научного исследования. М., Мысль. 237 с.
7. Селье Г. 1987. От мечты к открытию: Как стать учёным: Пер. с англ. М., Прогресс. 368 с. (Hans Selye. 1975. *From Dream to Discovery. On Being a Scientist*. New York: Arno press. 419 p.).
8. Сырых В.М. 2012. История и методология юридической науки: Учебник. М., Норма – ИНФРА-М. 464 с.
9. Трущелёв С.А. 2009. Медицинская диссертация: Руководство. 3-е изд., перераб. и доп. М., ГЭОТАР-Медиа. 416 с.
10. Фёдоров Б.И. 2009. Условия рассуждения. В кн.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., Канон+; Реабилитация. 1248 с. С. 1021–1022.
11. Чагров А.В. 2009. Полнота логических исчислений. В кн.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., Канон+; Реабилитация: 718–719.
12. Чагров А.В. (2) 2009. Семантика возможных миров. В кн.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., Канон+; Реабилитация: 843–844.
13. Bailey S. 2011 *Academic Writing: A Handbook for International Students*. Third edition. New York: Routledge. xx; 293 p.
14. Carter S., Guerin C., Aitchison C. 2020. *Doctoral Writing: Practices, Processes and Pleasures*. Singapore: Springer Nature Singapore. xiii; 219 p.
15. Fritchhoff Davis M. 2010. Data cleaning. In: *Encyclopedia of research design*. Edited by Neil J. Salkind. 3 Vols. Thousand Oaks (California, USA), SAGE. xxxi; 1595 p. P. 325–328.
16. Kirkman J. 2005. *Good Style: Writing for science and technology*. Second edition. New York: Routledge. vi; 139 p.
17. Meloy J.M. 2002. *Writing the qualitative dissertation: Understanding by Doing*. Second Edition. Mahwah (New Jersey, USA): Lawrence Erlbaum Associates. xvii; 217 p.
18. Simmel G. 1950. *The Sociology of Georg Simmel*. Translated, edited, and with an introduction by Kurt H. Wolff. Glencoe (Illinois, USA), The Free Press. lxiv; 445 p.

References

1. Luriya A.R. 1979. *Yazyk i soznanie [Language and consciousness]*. М., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 320 p.
2. Maydanov A.S. 1993. *Iskusstvo otkrytiya: Metodologiya i logika nauchnogo tvorchestva [The Art of Discovery: Methodology and Logic of Scientific Creation]*. М., Repro. 175 p. (in Russian)
3. Novosyolov M.M. 2009. *Analiticheskie i sinteticheskie suzhdeniya [Analytical and synthetic reasoning]*. In: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]*. М., Canon. 1248 p.
4. Polya Д. 1976. *Matematicheskoe otkrytie [Mathematical Discovery]*. 2 ed. М., Nauka. 452 p. (George Polya. 1952, 1965. *Mathematical Discovery. On understanding, learning and teaching problem solving*. New York, John Wiley & sons, inc., Vol.I, Vol.II.)
5. Ponkin I.V., Redkina A.I. 2020. *Metodologiya nauchnykh issledovaniy i prikladnoy analitiki: Uchebnik [Methodology of Scientific Research and Practical Analytics. Textbook]*. М.: Buki Vedi. 365 p.
6. Ruzavin G.I. 1975. *Metody nauchnogo issledovaniya [Research Methods]*. М., Mysl. 237 p.
7. Selye H. 1987. *Ot mechty k otkrytiyu: Kak stat' uchenym [From Dream to Discovery. On Being a Scientist]*. М., Progress. 368 с. (Hans Selye. 1975. *From Dream to Discovery. On Being a Scientist*. New York: Arno press. 419 p.).
8. Syrykh V.M. 2012. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki. Uchebnik [History and Methodology of Legal Science. Textbook]*. М., Norma: INFRA-М. 464 p.
9. Truschelev S.A. 2009. *Meditinskaya dissertatsiya. Rukovodstvo [Medical Thesis. Manual]*. Author-editor. 3 ed. М., GEOTAR-Media. 416 p.

10. Fedorov B.I. 2009. Usloviya rassuzhdeniya [Reasoning conditions]. In: Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. M., Canon. 1248 p. P. 1021–1022.
11. Chagrov A.V. 2009. Polnota logicheskikh ischisleniy [Completeness of logical calculi]. In: Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. M., Canon: 718–719.
12. Chagrov A.V. (2) 2009. Semantika vozmozhnykh mirov [Semantics of possible worlds]. In: Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. M., Canon: 843–844.
13. Bailey S. 2011 Academic Writing: A Handbook for International Students. Third edition. New York: Routledge. xx; 293 p.
14. Carter S., Guerin C., Aitchison C. 2020. Doctoral Writing: Practices, Processes and Pleasures. Singapore: Springer Nature Singapore. xiii; 219 p.
15. Fritchhoff Davis M. 2010. Data cleaning. In: Encyclopedia of research design. Edited by Neil J. Salkind. 3 Vols. Thousand Oaks (California, USA), SAGE. xxxi; pp. 325–328.
16. Kirkman J. 2005. Good Style: Writing for science and technology. Second edition. New York: Routledge. vi; 139 p.
17. Meloy J.M. 2002. Writing the qualitative dissertation: Understanding by Doing. Second Edition. Mahwah (New Jersey, USA): Lawrence Erlbaum Associates. xvii; 217 p.
18. Simmel G. 1950. The Sociology of Georg Simmel. Translated, edited, and with an introduction by Kurt H. Wolff. Glencoe (Illinois, USA), The Free Press. lxiv; 445 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Понкин Игорь Владиславович, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor V. Ponkin, Professor, doctor of legal Sciences, Professor of chair of state and municipal management faculty of state and municipal management Institute of public service and administration of Russian presidential Academy of national economy and state service under the RF President, Moscow, Russia

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 314.172

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-220-236

Повышение уровня образования женщин как фактор снижения рождаемости в развивающихся странах (на примере Латинской Америки)

¹⁾Алешковский И.А., ^{2,3,4)}Архангельский В.Н., ^{5,6)}Зинькина Ю.В.

^{1,6)} Факультет глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр.13А (корпус В), 4 учебный корпус

²⁾ Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46, 3 новый учебный корпус

³⁾РАНХиГС при Президенте РФ,
Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1

⁴⁾ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32

⁵⁾РАНХиГС при Президенте РФ,
Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1

E-mail: aleshkovski@fgp.msu.ru, archangelsky@yandex.ru, juliazin@list.ru

Аннотация. Проведенный авторами на основе данных национальных переписей населения углубленный анализ современных показателей рождаемости ряда стран Латинской Америки (Аргентины, Бразилии, Никарагуа и Перу) выявил взаимосвязь между повышением уровня образования женщин и снижением рождаемости. Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин и динамика этого показателя значительно различаются у женщин с разным уровнем образования. Сделан вывод о том, что увеличение доли женщин, имеющих относительно более высокий уровень образования, способствует снижению показателей рождаемости в латиноамериканских странах. Для выявления механизмов взаимосвязи повышения уровня образования и снижения рождаемости, оценки влияния иных факторов на изменения в репродуктивном поведении необходимо использование данных социологических исследований.

Ключевые слова: образование женщин, рождаемость, Латинская Америка.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 17-78-20096.

Для цитирования: Алешковский И.А., Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В. 2020. Повышение уровня образования женщин как фактор снижения рождаемости в развивающихся странах (на примере Латинской Америки). *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 45 (2): 220–236. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-220-236

Increasing female education level as a factor of fertility decline in developing countries (case studies of Latin American countries)

Ivan A. Aleshkovsky¹, Vladimir N. Arkhangelsky^{2,3,4}, Julia V. Zinkina^{5,6}

^{1,6}Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University,
d.1, p. 13A (building B), 4 educational building Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russia

²Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University,
d.1, p. 46, 3 new educational building Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russia

³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
82, bldg 1 prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

⁴Institute of Socio-Economic Studies of Population – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
32 Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, Russia

⁵Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
82, bldg 1 prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

E-mail: aleshkovski@fgp.msu.ru, archangelsky@yandex.ru, juliazin@list.ru

Abstract. Studies conducted in developed countries show a persisting differentiation of fertility and reproductive orientations depending on the level of education. We show that this differentiation persists at the stage of the completion of the demographic transition, as well. An in-depth analysis of modern fertility indicators of a number of Latin American countries based on the data of national censuses confirmed a relationship between an increase in the level of education of women and a decrease in the birth rates. The average number of children born in real cohorts of women and the general dynamics of this indicator over time vary significantly among groups of women with different levels of education. The results confirm that educational status is one of the significant factors determining the differences in fertility and reproductive behavior. An increase in the proportion of women with a relatively higher level of education contributes to lower fertility rates in Latin American countries. At the same time, the differentiating factor is probably not the very fact of achieving a particular education level, but the system of value orientations that is characteristic of people with a given level of education.

Key words: Female Education, Fertility, Latin America.

Acknowledgements: Research carried out with support of Russian Science Foundation, project № 17-78-20096.

For citation: Aleshkovsky I.A., Arkhangelsky V.N., Zinkina Yu.V. 2020. Increasing female education level as a factor of fertility decline in developing countries (case studies of Latin American countries). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 220–236 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-220-236

Введение

Образовательный статус является одним из значимых факторов, детерминирующих различия в уровне рождаемости, репродуктивном поведении. При этом, вероятно, дифференцирующим фактором является не сам факт наличия того или иного образования, а свойственная людям с тем или иным образованием система ценностных ориентаций. Они в значительной степени определяют систему потребностей личности, место в ней потребности в детях, а следовательно, и ориентацию на рождение того или иного числа детей.

Результаты переписей населения в России и в других странах показывают, что при более высоком уровне образования у женщин имеет место в среднем меньшее число рожденных детей. Это подтверждают и многочисленные социологические исследования, в которых уровень образования традиционно рассматривается как один из основных детерминант репродуктивного поведения [Архангельский, 2006; Тындык, 2012; Малева, Тындык, 2014]. Практически всегда выявляется обратная связь уровня образования с числом как рожденных, так и

ожидаемых детей. В то же время ни одно проведенное в России исследование не выявило у женщин с более высоким уровнем образования меньшего желаемого числа детей: либо связь образовательного уровня с этим показателем отсутствовала, либо при более высоком уровне образования имело место в среднем большее желаемое число детей.

Исследования, проводимые в России и других экономически развитых странах, показывают сохраняющуюся дифференциацию показателей рождаемости, репродуктивных ориентаций в зависимости от уровня образования. В данном случае есть основания говорить о сохранении такой дифференциации на стадии завершения демографического перехода. В то же время, учитывая эту дифференциацию, можно предполагать, что повышение уровня образования (прежде всего, женщин) является одним из двигателей демографического перехода в области рождаемости. Оценить такое влияние можно на примере развивающихся стран, например, Латинской Америки.

Демографический переход представляет собой переход от традиционного типа воспроизводства населения, для которого характерны высокая смертность и высокая рождаемость, к его современному типу, характеризующемуся низкой смертностью и низкой рождаемостью [Davis, 1945; Вишнеvский, 2005]. В настоящей работе мы сосредоточимся на второй стадии перехода, а именно – на снижении рождаемости. Эмпирическим индикатором начала этой стадии принято считать снижение рождаемости на 10 % относительно предыдущего стабильного уровня [Livi-Bacci, 2012].

В Латинской Америке первые признаки устойчивого снижения рождаемости отмечаются на рубеже XIX–XX веков в странах со значительным европейским населением (вначале в Аргентине и Уругвае, немного позднее в Чили). Эти латиноамериканские страны значительно обогнали остальной развивающийся мир в демографическом развитии, где массовое снижение рождаемости началось заметно позже, в 1960–1970-е гг. [Chesnais, 1992].

Анализируя другой важнейший аспект модернизации – повышение образовательного уровня, можно отметить, что в начале XX века лидерами по охвату образованием населения школьного возраста являлись страны Северной Америки, Австралия, Новая Зеландия (86 %). По этому показателю страны Южной Америки (22,3 %) и Центральной Америки (21 %) заметно отставали от лидеров, но при этом были вполне сопоставимы со странами Восточной Европы (28,6 %), а Карибский регион (41,5 %) заметно опережал и Восточную, и Южную Европу (37,5 %). При этом страны Латинской Америки добились заметно бóльших успехов в охвате школьным образованием, нежели такие регионы мира, как Азия (13,7 %), Ближний Восток и Северная Африка (11,1 %) и Африка, южнее Сахары (14,9 %) [Benavot, Riddle, 1988]. Таким образом, в начале XX века по уровню школьного образования латиноамериканские страны располагались примерно в середине мирового «рейтинга» регионов, а среди стран, которые в настоящее время относятся к развивающимся, занимали лидирующие позиции.

Однако данные о среднем по региону уровне охвата начальным образованием маскируют существенные внутрорегиональные различия [Castro-Martin, Juarez, 1995]. В каждом регионе мира можно выделить одну или несколько стран, где уже в начале XX века охват начальным образованием был сопоставим с передовыми европейскими государствами. В Южной Америке к таким государствам относились Аргентина и Чили.

В Аргентине в 1884 году был принят закон об образовании, согласно которому начальное образование становилось обязательным и бесплатным для учеников; вводился строгий контроль над тем, чтобы учебные программы, перечень предметов и применяемые педагогические методы были одинаковыми на всей территории страны; этот контроль осуществляли специально созданные национальный и региональные образовательные советы [Gvirtz, Beech, Oria, 2008; Southwell, 2013]. В Аргентине охват начальным образованием был уже относительно высок в 1870 г. (20,9 %), достигнув 33,9 % к 1900 г. (сопоставимо с показателями таких стран, как Болгария, Греция, Италия) и 58,2 % в 1935–1940 гг. (сопоставимо с показателями таких стран, как Бельгия, Швеция) [Benavot, Riddle, 1988].

Чили первой из латиноамериканских стран ввела у себя государственную систему образования в 1842 г. [Schiefelbein, Farrell, 1980]. На протяжении второй половины XIX века эта система активно развивалась: была создана система подготовки учителей, стандартизованы по государственным образцам учебные программы преподаваемых предметов и сам перечень этих предметов, изданы государственные учебники и учебные пособия, централизованно распространявшиеся по всем регионам и провинциям [Soifer, 2009]. В Чили охват начальным образованием был несколько ниже, чем в Аргентине, – 18,7 % в 1870 г., 21,7 % в 1900 г. и 47,5 % в 1935–1940 гг. Тем не менее, и эти показатели соотносимы со странами Восточной и Южной Европы. К 1900 году сопоставимым с южноевропейскими государствами был и уровень грамотности среди населения старше 10 лет в Аргентине (51–52 %) и Чили (43–44 %). Высокий уровень грамотности наблюдался также в Уругвае (54 %) и на Кубе (38 %) [Newland, 1994; Mariscal, Sokoloff, 2000; Astorga, Berges, Fitzgerald, 2005].

Рассмотрев ситуацию в передовых латиноамериканских странах в исторической ретроспективе, проанализируем, какие изменения происходили в последние десятилетия XX века и в начале XXI века. Отрицательная корреляция между уровнем женского образования и рождаемостью является установленной закономерностью. Демографические исследования выявили, что женское образование является чрезвычайно значимым фактором, влияющим на уровень рождаемости; при этом начало снижения рождаемости в рамках прохождения странами демографического перехода зачастую имело более тесную связь с уровнем образования и особенностями культуры родителей, нежели с факторами экономического характера [Coale, Watkins, 1986]. Далее рассмотрим взаимосвязь повышения охвата женщин различными уровнями образования и снижения рождаемости в ряде стран Латинской Америки (по которым имеются необходимые данные).

Динамика уровня образования женщин в странах Латинской Америки

Основным источником информации об образовательном уровне населения являются переписи. Их результаты позволяют проанализировать, как от поколения к поколению изменяется образовательная структура населения. В развивающихся странах, к числу которых относятся все государства Латинской Америки, наиболее значительные перемены происходят в образовательной структуре женщин, для которых до второй половины XX века был характерен относительно более низкий уровень образования.

Данные переписи населения Аргентины 2010 г. показали существенное повышение доли женщин, имеющих высшее образование. Если среди женщин 60–69 лет (поколение 1941–1950 гг. рождения) доля, имеющих полное высшее образование, составляет 11,7 %, то среди тех, кто на 30 лет моложе (поколение 1971–1980 гг. рождения), таковых 20,7 %. В то же время в этих поколениях значительно сократилась доля женщин, имеющих лишь начальное образование (полное – с 35,0 до 20,1 %, неполное – с 18,6 до 5,7 %). Если в поколении 1941–1950 гг. рождения более половины женщин имеют лишь начальное образование, то в поколении 1981–1985 гг. рождения 40,2 % женщин имеют среднее образование, а доля женщин, имеющих начальное образование, – лишь 18,8 % (табл. 1).

Анализ данных переписи населения Бразилии 2010 года также свидетельствует о значительном повышении образовательного уровня женщин. Среди женщин старше пятидесяти лет (поколение 1960 г. рождения и ранее) более половины не имеют даже начального образования. В поколении 1986–1990 гг. рождения (20–24 года на момент переписи) 50,1 % имеют полное среднее или неполное высшее образование, тогда как доля женщин, не имеющих образования или не закончивших начальную школу, составляет 21,4 %. В то же время, по данным переписи, доля женщин, имеющих полное высшее образование, повысилась незначительно: с 12,6 % в поколении 1956–1960 гг. рождения до 15,7 % в поколении 1976–1980 гг. рождения, и 15,4 % в поколении 1981–1985 гг. рождения (табл. 2).

Таблица 1
 Table 1

Образовательная структура женского населения Аргентины
 (по данным переписи 2010 года, на 1000 женщин)
 Educational structure of the female population of Argentina
 (according to the 2010 census, per 1000 women)

Возраст, лет	Не посещали учебное заведение	Дошкольное образование	Начальное образование		Среднее образование		Высшее образование				Пост-дипломное образование	
			НП	ПЛ	НП	ПЛ	не университет		университет		НП	ПЛ
15–19	728	0	36	56	114	57	3	0	6	0	0	0
20–24	354	0	41	91	189	230	19	26	31	17	0	0
25–29	181	0	47	141	146	256	30	70	46	76	2	3
30–39	92	0	57	201	134	219	29	107	48	100	2	9
40–49	63	0	85	256	123	195	23	119	36	88	1	10
50–59	57	1	126	302	107	194	15	83	32	76	1	8
60–69	62	1	186	350	83	168	8	66	20	51	0	5
70–79	74	1	250	392	57	133	5	47	12	27	0	2
80 и более	94	2	291	410	35	100	3	40	6	19	0	1

Примечание: НП – неполное образование, ПЛ – полное образование. Рассчитано по: [Instituto Nacional de Estadística y Censos República Argentina, 2010].

Таблица 2
 Table 2

Образовательная структура женского населения Бразилии
 (по данным переписи 2010 года, на 1000 женщин)
 Educational structure of the female population of Brazil (according to the 2010 census, per 1000 women)

Возраст, лет	Без образования и неполное основное	Полное основное и неполное среднее образование	Полное среднее и неполное высшее образование	Полное высшее образование
15–19	316	476	204	4
20–24	214	216	501	69
25–29	249	179	418	154
30–34	329	166	347	157
35–39	396	166	294	143
40–44	448	160	256	136
45–49	484	153	227	136
50–54	536	141	198	126
55–59	603	120	164	113
60–69	708	96	115	81
70 и более	807	74	78	40

Рассчитано по: [Instituto Brasileiro, 2010].

Анализ данных переписи населения Никарагуа 2005 года выявил, что в более молодых поколениях значительно ниже доля женщин, не имеющих образования. В поколениях 1931–1935 гг. рождения и старше доля женщин, не имеющих образования, превышает 50 %, в поколении 1946–1950 гг. рождения она составляет 40,9 %, а у тех, кто еще на 10 лет моложе, – 30,5 %. Тогда как в поколении 1986–1990 гг. рождения доля женщин, не имеющих образования, составляет всего 9,0 % (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Образовательная структура женского населения Никарагуа
 (по данным переписи 2005 года, на 1000 женщин, указавших уровень образования)
 Educational structure of the female population of Nicaragua
 (according to the 2005 census, per 1000 women who indicate the level of education)

Возраст, лет	Нет образования	Дошкольное образование	Начальное образование		Среднее образование		Техническое образование			Высшее образование	
			1–3 года	4–6 лет	1–3 года	4–6 лет	основное	среднее	высшее	1–3 года	4–7 лет
15–19	90	2	89	252	305	202	2	7	2	47	2
20–24	123	2	101	230	173	193	4	19	8	82	66
25–29	166	2	118	236	160	151	4	23	9	43	87
30–34	181	3	128	237	166	135	5	26	11	30	79
35–39	193	3	151	227	150	127	5	29	14	25	77
40–44	249	3	149	220	126	105	5	30	14	22	77
45–49	305	3	159	229	101	78	4	26	13	16	66
50–54	350	4	178	232	81	58	4	21	10	11	52
55–59	409	4	196	225	57	39	3	17	9	7	33
60–64	456	4	201	218	42	31	2	13	7	4	20
65–69	496	4	200	209	32	24	2	11	6	3	13
70–74	530	4	187	197	29	25	2	10	4	3	10
75–79	558	4	179	188	27	23	1	8	3	2	7
80–84	584	4	172	181	21	21	1	6	2	1	6
85 и более	616	4	159	171	16	21	1	6	1	1	5

Рассчитано по: [Instituto Nacional de Información de Desarrollo, 2006].

В каждом последующем поколении сокращается доля женщин, имеющих начальное образование. Среди женщин поколения 1936–1950 гг. рождения (на момент переписи 55–69 лет) она составляет около 41–42 %, в поколении 1961–1970 гг. рождения – около 37 %, а в поколении 1986–1990 гг. рождения – 34,1 %. В то же время в более молодых поколениях существенно возросла доля женщин, имеющих среднее образование. Среди поколения 1936–1940 гг. рождения доля женщин, имеющих средний уровень образования с продолжительностью обучения 1–3 года, составляет 3,2 %, с продолжительностью обучения 4–6 лет – 2,4 %. В поколении их «дочерей» (1961–1965 гг. рождения) таковых женщин уже соответственно 12,6 и 10,5 %, а в поколении их «внучек» (1986–1990 гг. рождения, 15–19 лет на момент переписи) – 30,5 и 20,2 %. Доля женщин, имеющих высшее образование с продолжительностью

обучения 4–7 лет, в Никарагуа невелика и, достигнув 7,7 % в поколении 1961–1965 гг. рождения, у более молодых женщин меняется не существенно (см. табл. 3).

Анализ данных переписи населения Перу 2017 года выявил, что в более молодых поколениях значительно снижается доля женщин, не имеющих образования или имеющих лишь начальное образование. Наиболее распространенным уровнем образования становится среднее, повышается доля женщин, имеющих высшее образование (табл. 4). Если у женщин 1968–1972 гг. рождения (45–49 лет на момент переписи) доля женщин, имеющих начальное образование или не имеющих образования, составляет 32,3 %, то в поколении 1983–1987 гг. рождения – 19,1 %, а в поколении 1998–2002 гг. рождения – лишь 7,3 %. В то же время доля женщин, имеющих среднее образование, повышается с 33,6 % в поколении 1968–1972 гг. рождения до 38,8 % у женщин, родившихся в 1983–1987 гг., и 72,2 % в поколении 1998–2002 гг. рождения. Вместе с тем столь высокая доля женщин, имеющих среднее образование, среди женщин, которым на момент переписи населения 2017 г. было 15–19 лет, со временем сократится за счет получения частью из них более высокого уровня образования.

Таблица 4
Table 4

Образовательная структура женского населения Перу
(по данным переписи 2017 года, на 1000 женщин)

Educational structure of the female population of Peru (according to the 2017 census, per 1000 women)

Возраст, лет	Уровень образования									
	Без образования	Дошкольное	Начальное	Среднее	Основное специальное	Неполное неуниверситетское высшее	Полное не-университетское высшее	Неполное университетское высшее	Полное университетское высшее	Магистры / доктора наук
15–19	6	1	66	722	4	74	6	121	–	–
20–24	9	1	84	402	4	106	93	211	88	1
25–29	14	2	121	381	4	69	128	85	187	9
30–34	22	2	167	388	3	59	127	48	165	19
35–39	34	3	201	373	3	53	124	36	149	25
40–44	46	3	232	357	2	49	119	31	135	26
45–49	63	4	256	336	2	44	116	30	125	25
50+	188	2	340	245	0	22	74	20	94	14

Рассчитано по: [Instituto Nacional de Estadística e Informática Perú, 2018].

Анализ данных показывает, что в Перу увеличение доли женщин, имеющих полное высшее неуниверситетское образование, было незначительным (с 11,6 % у женщин 1968–1972 гг. рождения до 12,8 % у родившихся в 1988–1992 гг.). Однако в поколении 1993–1997 гг. рождения доля женщин, имеющих неполное высшее неуниверситетское образование, существенно выше по сравнению с другими поколениями. Можно предположить, что в последующие годы значительная часть из них закончит получение высшего образования, и доля женщин, имеющих высшее университетское образование, в поколении 1993 г. и моложе возрастет. Кроме того, в поколении женщин 1998–2002 гг. рождения, по сравнению с теми, кто старше, значительно выше доля, имеющих среднее образование, что может рассматриваться как существенный потенциал повышения в этом поколении доли женщин, имеющих высшее образование.

В Перу поколенческие изменения доли женщин, имеющих полное университетское высшее образование, более существенны: с 12,5 % у женщин 1968–1972 гг. рождения до 18,7 % у женщин 1988–1992 гг. рождения. Как уже отмечалось выше, в более молодых поколениях этот показатель может возрасти. Среди женщин 1993–1997 гг. рождения на момент переписи населения 2017 г. уже 8,8 % имели полное университетское высшее образование и еще 21,1 % имели незаконченное университетское образование. Можно предположить, что значительная часть из них в последующем получила диплом об университетском образовании. В поколении 1998–2002 гг. рождения доля женщин, имеющих неполное университетское высшее образование, составляла 12,1 %, но в этом поколении (по сравнению с более старшими поколениями) значительно выше доля женщин, имеющих среднее образование. Соответственно, можно предположить, что существенная часть из женщин этого поколения в последующие годы получит университетское высшее образование (см. табл. 4).

Динамика рождаемости в странах Латинской Америки

На протяжении второй половины XX века в странах Латинской Америки произошло значительное снижение рождаемости. По данным ООН, только в двух странах Латинской Америки суммарный коэффициент рождаемости снизился менее чем на единицу: в Аргентине на 0,78 ребенка на одну женщину и в Уругвае на 0,82 ребенка на одну женщину. В остальных странах региона снижение суммарного коэффициента рождаемости за последние 50 лет составило не менее двух детей на одну женщину, в 17 странах Латинской Америки его снижение составило более 3 детей на одну женщину, в 7 странах Латинской Америки – более 4 детей на одну женщину [World Population Prospects 2019].

О снижении рождаемости в Латинской Америке также свидетельствует сокращение среднего числа рожденных детей в более молодых поколениях женщин (табл. 5) [Instituto Nacional de Estadística y Censos República Argentina, 2010; Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística, 2010; Instituto Nacional de Información de Desarrollo, 2006; Instituto Nacional de Estadística e Informática Perú, 2018].

Таблица 5
Table 5

Среднее число рожденных детей в ряде стран Латинской Америки
Average births in a number of Latin American countries

Возраст, лет	Аргентина, 2010	Бразилия, 2010	Никарагуа, 2005	Перу, 2017
15–19	0,16	0,14	0,24	0,11
20–24	0,63	0,59	1,04	0,57
25–29	1,18	1,11	1,96	1,15
30–34	1,81	1,65	2,83	1,76
35–39	2,41	2,03	3,59	2,24
40–44	2,78	2,30	4,29	2,61
45–49	2,95	2,53	5,08	2,88
50–54	3,01	2,85	6,29	4,08
55–59	3,04	3,23		
60–64	2,94	3,71		
65–69	2,89	4,32		
70–74	2,83	4,90		
75–79	2,76			
80 и более	2,73			

Оценка поколенческих изменений среднего числа рожденных детей в контексте данного исследования представляет особый интерес, ибо рассмотренные выше изменения в уровне образования женщин тоже относятся к реальным поколениям. На основе анализа данных переписей населения характеристика изменения среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин может быть сделана для Аргентины, Бразилии, Никарагуа и Перу.

В Латинской Америке одно из самых значительных снижений суммарного коэффициента рождаемости на протяжении последних пятидесяти лет имело место в Никарагуа (с 6,95 в 1965–1970 гг. до 2,42 в 2015–2020 гг.). По данным переписи населения 2005 г., самое старшее поколение, начиная с которого можно сравнивать среднее число рожденных детей, это женщины 1956–1960 гг. рождения (45–49 лет на момент переписи), так как среди тех, кому было на момент переписи 50 лет и более, присутствуют женщины различных поколений. Это ограничивает возможности анализа показателей рождаемости в реальных поколениях, так как поколения моложе 1960 г. рождения еще не вышли из репродуктивного возраста. В этом случае можно оценить итоговое среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин. Для такой оценки можно использовать среднее число рожденных детей по данным переписи населения 2005 г. и возрастные коэффициенты рождаемости, предполагая, что они сохранятся до достижения женщинами соответствующих поколений возраста окончания репродуктивного периода. При этом суммируются возрастные коэффициенты рождаемости не для всех возрастов, а только для более старших, чем возраст того или иного поколения, в данном случае, в 2005 г. [Демографическая, 2006]. Применительно к Никарагуа в качестве таких коэффициентов могут быть использованы возрастные коэффициенты рождаемости 2015 г. [Мировой атлас данных. Никарагуа].

Рассчитанные таким методом средние итоговые количества рожденных детей составляют (количество детей на одну женщину): в поколении 1956–1960 гг. – 5,09 ребенка; 1961–1965 гг. – 4,36; 1966–1970 гг. – 3,83; 1971–1975 гг. – 3,40; 1976–1980 гг. – 3,04; 1981–1985 гг. – 2,77; 1986–1990 гг. – 2,54. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что в Никарагуа произошло существенное сокращение числа родившихся детей в более молодых поколениях женщин.

Перу также относится к числу стран, в которых во второй половине XX века произошло значительное сокращение суммарного коэффициента рождаемости. Для Перу данные о среднем числе рожденных детей по переписи населения 2017 г. в старших возрастных группах есть только для 45–49-летних женщин и для так называемого открытого возрастного интервала 50 лет и старше. Поэтому для Перу также целесообразно провести дополнительный расчет оценочных величин итогового среднего числа рожденных детей в более молодых поколениях. Проведенный нами расчет показал, что в Перу наблюдается устойчивое снижение уровня рождаемости в реальных поколениях, но в значительно меньшей степени, чем в Никарагуа (количество детей на одну женщину): в поколении 1968–1972 гг. – 2,89; 1973–1977 гг. – 2,70; 1978–1982 гг. – 2,56; 1983–1987 гг. – 2,50; 1988–1992 гг. – 2,42; 1993–1997 гг. – 2,39; 1998–2002 гг. – 2,35 (рассчитано по: таблица 5 и Мировой атлас данных. Перу). Следует иметь в виду, что в Перу уже в поколениях женщин конца 1960-х – начала 1970-х гг. рождения среднее число рожденных детей было меньше, чем в Никарагуа.

Проведенный анализ показал, что на протяжении последних пятидесяти лет снижение среднего числа рожденных детей в реальных поколениях наблюдалось и в Бразилии. Если у женщин 1941–1945 гг. рождения в среднем было 4,32 рожденных детей, то у тех, кто на 10 лет моложе (поколение 1951–1955 гг. рождения) – в среднем 3,23 ребенка, а у тех, кто еще на 10 лет моложе (поколение 1961–1965 гг. рождения) – в среднем 2,53 ребенка (см. табл. 5).

Анализ данных переписи населения Аргентины 2010 года выявил, что на протяжении последних пятидесяти лет в стране не наблюдалось существенных изменений среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин. Более того, у женщин в возрастном интервале 50–59 лет (представительницы поколения 1951–1960 гг. рождения) величина этого показателя выше, чем в более старших поколениях. У более молодых жен-

щин среднее число рожденных детей незначительно снижается, оставаясь выше соответствующего показателя для Бразилии и Перу (см. табл. 5).

Таким образом, в странах Латинской Америки, по которым доступна необходимая статистическая информация, во второй половине XX века одновременно наблюдается повышение уровня образования женщин и снижение рождаемости (как в виде уменьшения суммарного коэффициента рождаемости, так и сокращения среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин).

Влияние уровня образования женщин на рождаемость в странах Латинской Америки

Основываясь на данных переписей населения, мы проанализировали взаимосвязь между повышением уровня образования женщин и снижением рождаемости. Проверка этого предположения может быть основана на анализе данных о числе рожденных детей в реальных поколениях женщин дифференцированно по уровню образования женщин. Необходимая для такого анализа информация содержится в материалах переписей населения Бразилии 2010 года и Перу 2017 года.

Данные переписи населения Бразилии 2010 года показали снижение среднего числа рожденных детей в более молодых поколениях женщин по всем уровням образования. У женщин, имеющих более низкий уровень образования, это снижение было более существенным. Если у женщин без образования или с неполным основным образованием, родившихся в 1941–1945 гг. (на момент переписи 65–69 лет), в среднем было 5,37 рожденных ребенка, то у тех, кто на 10 лет моложе (поколение 1951–1955 гг. рождения), – в среднем 3,88 ребенка. При этом у женщин с законченным высшим образованием, родившихся в 1941–1945 гг., в среднем было 2 рожденных ребенка, а у тех, кто на 10 лет моложе, – в среднем 1,85 ребенка (табл. 6).

Таблица 6

Table 6

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях в зависимости от уровня образования женщин в Бразилии (на 1 женщину; по переписи населения 2010 года)

The average number of children born in real generations depending on the level of education of women in Brazil (per 1 woman; according to the 2010 census)

Возраст, лет	Уровень образования			
	Без образования и неполное основное	Полное основное и неполное среднее	Полное среднее и неполное высшее	Полное высшее
15–19	0,25	0,10	0,08	0,05
20–24	1,21	0,78	0,32	0,11
25–29	1,95	1,38	0,80	0,30
30–34	2,41	1,81	1,26	0,74
35–39	2,66	2,05	1,59	1,18
40–44	2,88	2,19	1,80	1,44
45–49	3,14	2,30	1,93	1,59
50–54	3,49	2,48	2,09	1,71
55–59	3,88	2,63	2,23	1,85
60–64	4,34	2,82	2,34	1,94
65–69	4,90	3,08	2,58	2,00
70+	5,37	3,42	2,89	2,17

Рассчитано по: [Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística, 2010].

У женщин в возрасте 70 лет и старше (1940 г. рождения и ранее), имеющих полное высшее образование, среднее число рожденных детей было на 3,2 ребенка меньше по сравнению с женщинами, у которых не было образования или было неоконченное основное образование, на 1,25 по сравнению с женщинами, имеющими основное полное или среднее неполное образование, и на 0,72 по сравнению с женщинами, имеющими среднее полное и неоконченное высшее образование.

У 45–49-летних женщин (поколение 1961–1965 гг. рождения) эти различия существенно меньше: у женщин, имеющих полное высшее образование, среднее число рожденных детей было на 1,55 ребенка меньше по сравнению с теми, у кого не было образования или было неполное основное, на 0,71 по сравнению с женщинами, имеющими основное полное или среднее неполное образование, на 0,34 по сравнению с женщинами, имеющими среднее полное и высшее неполное образование.

В то же время в более молодых поколениях женщин Бразилии выше доля лиц, имеющих полное среднее и неполное высшее, а также полное высшее образование, у которых среднее число рожденных детей меньше. Такие поколенческие изменения в образовательной структуре бразильских женщин способствовали снижению среднего числа рожденных детей в целом. Степень такого влияния можно оценить, рассчитав, каким было бы среднее число рожденных детей, если бы оно не менялось в реальных поколениях женщин дифференцированно по уровню образования, но изменялась бы образовательная структура женщин. В этом случае для расчетов нужно использовать среднее число рожденных детей у женщин 1941–1945 гг. рождения (65–69 лет на момент переписи) и фактическую образовательную структуру соответствующих поколений женщин.

С другой стороны, можно оценить влияние поколенческих изменений среднего числа рожденных детей у женщин с разным уровнем образования на динамику этого показателя в целом по всем женщинам (независимо от уровня образования). Для этого нужно рассчитать, каким было бы среднее число рожденных детей, если бы образовательная структура не менялась, оставаясь такой же, как в поколении 1941–1950 гг. рождения (60–69 лет на момент переписи), а среднее число рожденных детей в поколениях женщин с разным уровнем образования было бы таким же, каким оно являлось фактически.

Полученные данные (табл. 7) показывают, что снижению среднего числа рожденных детей в Бразилии в большей степени способствовало снижение среднего числа рожденных детей в поколениях женщин с разным уровнем образования.

Если бы действовал только этот фактор, а образовательная структура женщин оставалась неизменной в более молодых поколениях, то среднее число рожденных детей сократилось бы с 4,22 у женщин 1941–1945 гг. рождения до 1,63 у женщин 1981–1985 гг. рождения. В то же время изменения образовательной структуры женщин (увеличение доли женщин, имеющих более высокий уровень образования) способствовали снижению среднего числа рожденных детей в реальных поколениях. Даже если бы оно оставалось в группах женщин с разным уровнем образования таким же, каким было у женщин 1941–1945 гг. рождения, то только за счет поколенческих изменений образовательной структуры у женщин 1981–1985 гг. рождения среднее число рожденных детей сократилось бы с 4,22 до 3,16.

Имеющаяся статистическая информация по Перу не позволяет провести аналогичный анализ. Последний закрытый возрастной интервал, для которого есть информация о распределении женщин по уровню образования и по числу рожденных детей, – 45–49 лет. Сравнивать число рожденных детей у более молодых женщин с величиной этого показателя в возрастной группе 45–49 лет некорректно, так как они еще находятся в репродуктивном возрасте.

Таблица 7

Table 7

Фактическое и гипотетическое среднее число рожденных детей в реальных поколениях в Бразилии
(на 1 женщину; по переписи населения 2010 года)Actual and hypothetical average number of children born in real generations in Brazil
(per 1 woman; 2010 census)

Среднее число рожденных детей	Возраст								
	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69
Фактическое	1,11	1,65	2,03	2,30	2,53	2,85	3,23	3,71	4,32
Гипотетическое (при неизменных средних числах рожденных детей в поколениях женщин с разным уровнем образования и фактической образовательной структурой в поколениях женщин)	3,16	3,33	3,50	3,62	3,70	3,82	3,97	4,22	4,22
Гипотетическое (при неизменной образовательной структуре в поколениях женщин и фактических средних числах рожденных детей в поколениях женщин с разным уровнем образования)	1,63	2,09	2,36	2,57	2,80	3,09	3,41	3,77	4,22

Рассчитано по: данные таблиц 2 и 6.

Однако по Перу доступны данные о среднем числе рожденных детей в реальных поколениях женщин дифференцированно по уровню образования не только по последней переписи населения 2017 г., но и по предыдущей переписи 2007 г. 10-летний интервал между переписями населения позволяет сопоставлять данные двух этих переписей по пятилетним возрастным группам. Если по данным переписи населения 2017 г. самым старшим поколением женщин, которое корректно включать в анализ, является поколение 1968–1972 гг. рождения, то данные переписи населения 2007 г. позволяют добавить еще два пятилетних поколения: 1963–1967 и 1958–1962 гг. рождения, которым в 2007 году было, соответственно, 40–44 года и 45–49 лет.

Оценивая изменение среднего числа рожденных детей в поколениях женщин с разным уровнем образования, завершивших к 2017 г. репродуктивный период своей жизни или близких к его завершению (табл. 8), можно использовать данные переписи населения Перу 1993 г. для возрастной группы 45–49 лет (1944–1948 гг. рождения) [Censos Nacionales 1993 – Cuadros Estadísticos].

Проведенный анализ выявил, что среднее число рожденных детей в более молодых поколениях женщин в Перу сократилось во всех образовательных группах (см. табл. 8). Особенно значительным его сокращение было у женщин с начальным образованием. В поколении 1944–1948 гг. рождения среднее число рожденных детей равно 5,68 ребенка, 1958–1962 гг. рождения – 4,61, 1973–1977 гг. рождения – 3,60. В группах женщин со средним и более высоким уровнем образования снижение среднего числа рожденных детей произошло в сопоставимой степени. У женщин, имеющих среднее образование, величина этого показателя, соответственно, – 3,75, 3,35 и 2,60 ребенка; неполное неуниверситетское высшее – соответственно, 3,27, 2,86 и 2,17 ребенка; полное неуниверситетское высшее – 2,81, 2,58 и 1,85 ребенка; неполное университетское высшее – 2,82, 2,61 и 1,95 ребенка; полное универ-

ситетское высшее – 2,50, 2,35 и 1,61 ребенка. Можно сделать вывод, что различия в среднем числе рожденных детей у женщин с разным уровнем образования, начиная со среднего и выше, почти не изменились, а величина этого показателя у женщин с начальным образованием существенно приблизилась к тем, кто имеет более высокий образовательный статус.

Таким образом, отмеченное выше уменьшение среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин в Перу связано как с сокращением величины этого показателя у женщин всех групп по уровню образования, так и с изменением образовательной структуры женщин в более молодых поколениях, прежде всего, со значительным снижением доли женщин, имеющих только начальное образование.

Таблица 8
Table 8

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях в зависимости от уровня образования женщин в Перу (на 1 женщину; по переписям населения 2007 и 2017 годов;
 The average number of children born in real generations depending on the level of education of women in Peru (per 1 woman; according to the censuses of 2007 and 2017)

Год рождения	Возраст, лет	Уровень образования									
		Без образования	Дошкольное	Начальное	Среднее	Основное специальное	Неполное не-университетское высшее	Полное не-университетское высшее	Неполное университетское высшее	Полное университетское высшее	Магистры / доктора наук
1998–2002	15–19	0,25	0,13	0,33	0,11	0,04	0,07	0,14	0,03	–	–
1993–1997	20–24	0,95	0,76	1,26	0,81	0,36	0,37	0,34	0,17	0,19	0,20
1988–1992	25–29	1,81	1,48	2,01	1,49	0,95	1,02	0,78	0,64	0,42	0,27
	15–19	1,35	1,29	1,21	1,11	...	1,09	–	1,11	–	...
1983–1987	30–34	2,68	2,25	2,66	2,00	1,38	1,58	1,26	1,21	0,89	0,61
	20–24	1,92	1,72	1,71	1,36	...	1,20	1,19	1,18	1,21	...
1978–1982	35–39	3,43	2,87	3,18	2,36	1,72	1,94	1,64	1,66	1,32	1,03
	25–29	2,68	2,29	2,38	1,81	...	1,51	1,40	1,44	1,34	...
1973–1977	40–44	4,06	3,43	3,60	2,60	2,08	2,17	1,85	1,95	1,61	1,35
	30–34	3,32	2,98	3,05	2,29	...	1,91	1,73	1,81	1,61	...
1968–1972	45–49	4,55	3,92	3,93	2,75	2,18	2,27	1,95	2,09	1,74	1,53
	35–39	4,10	3,54	3,70	2,73	...	2,31	2,09	2,17	1,93	...
1963–1967	40–44	4,77	–	4,24	3,09	...	2,61	2,38	2,45	2,19	...
1958–1962	45–49	5,21	–	4,61	3,35	...	2,86	2,58	2,61	2,35	...

Рассчитано по: [Censos Nacionales 2007; Perú. Resultados definitivos]; для женщин 1993–2002 г. рождения – по переписи 2017 г., для женщин 1958–1967 г. – по переписи 2007, для остальных поколений – первая строка по переписи 2017 г., вторая — по переписи 2007 г.

Выводы

Проведенный анализ выявил, что повышение уровня образования женщин и снижение рождаемости в рассмотренных странах Латинской Америки взаимосвязаны. В реальных поколениях женщин имеют место значительные образовательные различия в уровне и динамике среднего числа рожденных детей. Можно сделать вывод о том, что увеличение доли женщин, имеющих относительно более высокий уровень образования, детерминирует снижение показателей рождаемости в латиноамериканских странах.

В то же время, вероятно, действие и каких-то иных факторов, которые одновременно влияют на повышение образовательного статуса женщин и на снижение у них числа рожденных детей. Прежде всего, это развитие экономики, активная индустриализация, развитие новых технологий.

Если бы изменение числа рожденных детей, репродуктивного поведения в условиях демографического перехода детерминировалось целиком или почти исключительно повышением уровня образования, то не было бы существенного снижения среднего числа рожденных детей в группах женщин, однородных по уровню образования. Однако результаты исследования показали, что оно происходит. Следовательно, значительное влияние оказывает действие других факторов. К их числу, видимо, в первую очередь, следует отнести изменение положения женщины в обществе и в семье.

Существенное влияние на перемены в репродуктивном поведении могут оказывать и изменения в степени религиозности населения, которые, зачастую, происходят в период демографического перехода в области рождаемости.

Для выявления механизмов взаимосвязи повышения уровня образования и снижения рождаемости, оценки влияния иных факторов на изменения в репродуктивном поведении необходим анализ социологических исследований, в которых, кроме числа рожденных детей и уровня образования женщин (а точнее, обоих родителей), учитывались бы и репродуктивные установки, мотивы рождения детей, самооценка положения в семье и обществе, потребности и возможности в отношении профессиональной деятельности, религиозность и, конечно, ценностные ориентации. При этом важно было бы оценить трансформацию всех этих параметров у находящихся в репродуктивном возрасте по сравнению с родительским поколением.

В частности, представляется весьма перспективной теория Р. Инглхарта, связывающего изменения ценностей с глобальным процессом модернизации, неотъемлемой частью которого явился глобальный демографический переход. В процессе «модернизационного перехода» традиционно-секулярные ценности человечества уступали место рациональным и секулярным, на первый план выдвигались ценности, связанные не с выживанием, а с самовыражением, и огромную роль в этом играло распространение современного образования.

Таким образом, рост уровня женского образования мог влиять на рождаемость различными путями, в том числе – через изменение ценностей, касающихся социального статуса женщины, роли женщины в семье, а также ценностей, непосредственно касающихся репродуктивных установок и деторождения (к примеру, идеального и желаемого числа детей в семье).

Изучение механизмов, посредством которых изменяющиеся в процессе модернизации ценности латиноамериканских обществ (некоторые из которых – к примеру, Аргентина, Чили, Уругвай – находились практически в авангарде модернизационных процессов не только в своем регионе, но и в развивающемся мире в целом, в том числе в плане роста образования) влияли на уровень рождаемости в этих обществах, несомненно, представля-

ет собой значительный научный интерес и должно являться предметом отдельного исследования, подступы к которому заложены в настоящей работе.

Список источников

1. Мировой атлас данных. Никарагуа. Демография. Рождаемость [Электронный ресурс] URL: <https://knoema.ru/atlas/Никарагуа/topics/Демография/Рождаемость>. (дата обращения: 30.03.2020).
2. Мировой атлас данных. Перу. Демография. Рождаемость [Электронный ресурс] URL: <https://knoema.ru/atlas/Перу/topics/Демография/Рождаемость> (дата обращения: 30.03.2020).
3. Censos Nacionales 1993 – Cuadros Estadísticos. [Электронный ресурс] URL: <http://censos.inei.gob.pe/bcoCuadros/CPV93Cuadros.htm> (accessed on 30.03.2020).
4. Censos Nacionales 2007: XI de Población y VI de Vivienda. Cuadros Estadísticos. [Электронный ресурс] URL: <http://censos.inei.gob.pe/cpv2007/tabulados/#> (дата обращения: 30.03.2020).
5. Perú. Resultados definitivos. Tomo III Lima, octubre de 2018. [Электронный ресурс] URL: www.inei.gob.pe/media/MenuRecursivo/publicaciones_digitales/Est/Lib1544/ (accessed on 30.03.2020).
6. Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. Censo Demográfico 2010. Rio de Janeiro, 2010.
7. Instituto Nacional de Estadística e Informática Perú. 2018. Perú, Resultados Definitivos de los Censos Nacionales 2017. Tomo III Lima, 2018.
8. Instituto Nacional de Estadística y Censos República Argentina. Censo Nacional de Población, Hogares y Viviendas 2010.
9. Instituto Nacional de Información de Desarrollo. VIII Censo de Población y IV de Vivienda 2005. Volumen I. Población. Características Educativas. Nicaragua, 2006.
10. World Population Prospects 2019. Available at: <https://population.un.org/wpp/>. (accessed on 30.03.2020)

Список литературы

1. Архангельский В.Н. 2006. Факторы рождаемости. М., ТЕИС, 399 с.
2. Вишневский А.Г. 2005. Демографическая революция. 2-е изд. М., Наука, 240 с.
3. Демографическая модернизация России: 1900–2000. М., Новое издательство, 2006 с.
4. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900–2000. [Demographic modernization of Russia: 1900–2000]. М., Novoe izdatel'stvo, 2006 p.
5. Малева Т.М., Тындик А.О. 2014. Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные? Регион: экономика и социология, 82(2): 116–136.
6. Тындик А.О. 2012. Образовательный фактор репродуктивного поведения населения России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва, 27.
7. Astorga P., Berges A.R., Fitzgerald V. 2005. The Standard of Living in Latin America during the Twentieth Century. *The Economic History Review*, 58(4): 765–796.
8. Benavot A., Riddle P. 1988. The expansion of primary education, 1870–1940: Trends and Issues. *Sociology of Education*. 61(3): 191–210.
9. Castro–Martin T., Juarez F. 1995. The Impact of Women's Education on Fertility In Latin America: Searching for Explanations. *International Family Planning Perspectives*, 21(2): 52–57.
10. Chesnais J.-K. 1992. *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford, Clarendon Press, 174 p.
11. Coale A.J., Watkins S.C. 1986. *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton, Princeton University Press, 522 p.
12. Davis K. 1945. The world demographic transition. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 273: 1–11.
13. Gvirtz S., Beech J., Oria A. 2008. Schooling in Argentina. In: *Going to School in Argentina*. Ed. by S. Gvirtz, J. Beech. Westport, Greenwood: 5–35.

14. Livi-Bacci M.A. 2012. *Concise History of World Population*. 5th ed. London, Wiley-Blackwell, 279 p.
15. Mariscal E., Sokoloff K.L. 2000. Schooling, Suffrage, and the Persistence of Inequality in the Americas, 1800–1945. In: *Political Institutions and Economic Growth in Latin America: Essays in Policy, History, and Political Economy*. Ed. by S. Haber. Stanford, CA, Hoover Institution Press Publication: 159–217.
16. Newland C. 1994. The Estado Docente and Its Expansion: Spanish American Elementary Education, 1900–1950. *Journal of Latin American Studies*, 26(2): 449–467.
17. Schiefelbein E., Farrell J. P. 1980. Women, schooling, and work in Chile: Evidence from a longitudinal study. *Comparative Education Review*, 24(2): 160–179.
18. Soifer H.D. 2009. The Sources of Infrastructural Power: Evidence from Nineteenth-Century Chilean Education. *Latin American Research Review*, 44(2): 158–180.
19. Southwell M. 2013. Schooling and governance: Pedagogical knowledge and bureaucratic expertise in the genesis of the Argentine educational system. *Paedagogica Historica*, 49: 43–55.

References

1. Arkhangel'skiy V.N. 2006. *Factory rozhdamosti*. [Factors of birth rate]. M., TEIS, 399 p.
2. Vishnevskiy A.G. 2005. *Demograficheskaya revolyutsiya*. [Demographic revolution]. 2nd ed. M., Nauka, 240 p.
3. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900–2000*. [Demographic modernization of Russia: 1900–2000]. M., Novoe izdatel'stvo, 2006 p.
4. Maleva T.M., Tyndik A.O. 2014. *Lovushka nizkoy rozhdamosti v Moskve: vyso-koobrazovannye bezdetnye?* [The low birth rate trap in Moscow: highly educated childless?] *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 82(2): 116–136.
5. Tyndik A.O. 2012. *Obrazovatel'nyy faktor reproduktivnogo povedeniya nasele-niya Rossii*. [Educational factor of reproductive behavior of the Russian population]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of economic Sciences. Moskva, 27 p. (In Russian)
6. Astorga P., Berges A.R., Fitzgerald V. 2005. The Standard of Living in Latin America during the Twentieth Century. *The Economic History Review*, 58(4): 765–796.
7. Benavot A., Riddle P. 1988. The expansion of primary education, 1870–1940: Trends and Issues. *Sociology of Education*. 61(3): 191–210.
8. Castro–Martin T., Juarez F. 1995. The Impact of Women's Education on Fertility In Latin America: Searching for Explanations. *International Family Planning Perspectives*, 21(2): 52–57.
9. Chesnais J.-K. 1992. *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford, Clarendon Press, 174 p.
10. Coale A.J., Watkins S.C. 1986. *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton, Princeton University Press, 522 p.
11. Davis K. 1945. The world demographic transition. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 273: 1–11.
12. Gvirtz S., Beech J., Oria A. 2008. Schooling in Argentina. In: *Going to School in Argentina*. Ed. by S. Gvirtz, J. Beech. Westport, Greenwood: 5–35.
13. Livi-Bacci M.A. 2012. *Concise History of World Population*. 5th ed. London, Wiley-Blackwell, 279 p.
14. Mariscal E., Sokoloff K.L. 2000. Schooling, Suffrage, and the Persistence of Inequality in the Americas, 1800–1945. In: *Political Institutions and Economic Growth in Latin America: Essays in Policy, History, and Political Economy*. Ed. by S. Haber. Stanford, CA, Hoover Institution Press Publication: 159–217.
15. Newland C. 1994. The Estado Docente and Its Expansion: Spanish American Elementary Education, 1900–1950. *Journal of Latin American Studies*, 26(2): 449–467.
16. Schiefelbein E., Farrell J. P. 1980. Women, schooling, and work in Chile: Evidence from a longitudinal study. *Comparative Education Review*, 24(2): 160–179.

17. Soifer H.D. 2009. The Sources of Infrastructural Power: Evidence from Nineteenth–Century Chilean Education. *Latin American Research Review*, 44(2): 158–180.

18. Southwell M. 2013. Schooling and governance: Pedagogical knowledge and bureaucratic expertise in the genesis of the Argentine educational system. *Paedagogica Historica*, 49: 43–55

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алешковский Иван Андреевич, кандидат экономических наук, заместитель декана, доцент кафедры геополитики Факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Архангельский Владимир Николаевич, кандидат экономических наук, заведующий сектором Центра по изучению проблем народонаселения Экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; ведущий научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС; старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Зинькина Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС; научный сотрудник Факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivan A. Aleshkovski, Candidate of Economics Sciences, Deputy Dean, Docent at Department of Geopolitics, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir N. Arkhangelsky, Candidate of Economics Sciences, Head of Sector at Center for Population Studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow at International Laboratory of Demography and Human Capital, RANEPА; Senior Research Fellow at Institute of Socio-Economic Studies of Population — Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Julia V. Zinkina, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at International Laboratory of Demography and Human Capital, RANEPА, Research Fellow at Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

УДК 316.473

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-237-246

Формирование позитивной этнической идентичности в моноэтническом регионе

Анциферова И.В., Анциферова Н.Г.

Курская академия государственной и муниципальной службы,
Россия, 308044, г. Курск, ул. Станционная, 9
E-mail: nataly106@yandex.ru

Аннотация. На основе данных социологического исследования проанализированы уровень этнической толерантности и тип этнической идентификации жителей моноэтнического региона. Раскрыта сущность понятий «этническая толерантность» и «этническая идентификация», показано влияние типа этнической идентичности на уровень этнической толерантности. Приведена классификация регионов по этническому составу. Проанализированы основные проблемы межэтнического взаимодействия в моноэтническом регионе. Опираясь на полученные выводы, авторы разработали меры по формированию позитивной этнической идентичности, которые описывают возможности широкого круга акторов межэтнического взаимодействия в указанном процессе. Особо подчеркивается роль национальных объединений в транслировании своей культуры в иноэтнической среде и важность этого процесса в формировании позитивной этнической идентичности принимающего сообщества.

Ключевые слова: этнос, национальная культура, этническая толерантность, этническая идентичность, моноэтнический регион, межэтническое взаимодействие, интолерантность, социальная идентификация, этнические процессы, миграция.

Для цитирования: Анциферова И.В., Анциферова Н.Г. 2020. Формирование позитивной этнической идентичности в моноэтническом регионе. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 237–246. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-237-246

The formation of a positive ethnic identity in a mono-ethnic region

Irina V. Antsiferova, Natalya G. Antsiferova

Kursk Academy of State and Municipal Service,
9 Stantsionnaya St, Kursk, 308044, Russia
E-mail: nataly106@yandex.ru

Abstract. On the basis of sociological research there was analyzed the level of ethnic tolerance and the type of ethnic identification in the mono-ethnic region. The authors revealed the essence of the concept «ethnic tolerance» and «ethnic identification». After analyzing the types of ethnic identification, the authors concluded that positive ethnic identification affects ethnic tolerance and negative identification provokes intolerance. Also there is given a classification of regions by their ethnicity. The authors convincingly prove that the mono-ethnic regions are experiencing problems in inter-ethnic interaction in modern conditions. Based on the findings, the authors developed measures for the formation of a positive ethnic identity. These measures describe the possibilities of a wide range of actors of inter-ethnic interaction in this process. The role of national associations in broadcasting their culture in a non-ethnic environment and the role of this process in the formation of a positive ethnic identity of the host community is emphasized.

Recommendations are also given for the authorities and civil society involved in this process. The article is of interest to a wide range of researchers.

Keywords: ethnos, national culture, ethnic tolerance, ethnic identity, mono-ethnic region, inter-ethnic interaction, tolerance, social identification, ethnic processes, migration.

For citation: Antsiferova I.V., Antsiferova N.G. 2020. The formation of a positive ethnic identity in a mono-ethnic region. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 237–246 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-237-246

Введение

В современном российском обществе вопросы межэтнического взаимодействия не теряют своей актуальности. Исследователи продолжают спорить о том, какой путь гармонизации межэтнических отношений наиболее перспективен. При этом большинство ученых сходятся во мнении о необходимости формирования позитивной идентичности. Особую актуальность эта задача приобретает в условиях поиска путей формирования и развития этнической толерантности в современном обществе.

Тема взаимного влияния этнической идентичности и этнической толерантности давно изучается российскими исследователями. Научно обосновано детерминирующее воздействие групповой этнической идентификации на толерантное (интолерантное) отношение к представителям иных этнических групп. Сформулирован социально-психологический закон, согласно которому позитивная этническая идентичность соответствует высокому уровню этнической толерантности, а негативные установки по отношению к собственной этнической группе значительно увеличивают интолерантные настроения, вплоть до отказа от межэтнического взаимодействия либо провоцирования конфликтных ситуаций. Более того, даже неопределенность этнической идентичности будет продуцировать негативные установки на межэтническое взаимодействие. Таким образом, гармоничное межкультурное взаимодействие в большой мере зависит от комплекса социально-психологических установок по отношению к своей этнической общности, которые реализуются в поведенческих стратегиях большинства членов этой группы [Скоробогатая, 2008].

Обзор научных источников

Для понимания механизма взаимодействия этнической идентичности и толерантности целесообразно подробно рассмотреть процесс формирования этнической толерантности. Существует несколько точек зрения на определение данного явления.

В широком смысле под толерантностью понимают принятие иного, восприятие иноэтнической культуры и отсутствие негативных установок по отношению к ним. Ядром данной социально-психологической установки является отсутствие противопоставления «мы – они» и равноценное отношение к иной и собственной этничности [Татарко, Лебедева, 2010]. Другое направление определяет толерантность как некое множество социально-психологических установок, дифференцированных по возрастанию негативного восприятия иной этничности от толерантности к интолерантности. Н.М. Лебедева определяет этническую толерантность как наличие позитивного образа представителей иной культуры при наличии позитивного образа собственной культуры [Лебедева, 2016]. При этом толерантная этническая установка не предполагает растворения в иной культуре, ее полное принятие, а является проявлением ассертивного группового поведения, осознания равенства культур и восприятия их различий как положительного фактора, не несущего негативных последствий.

В.А. Тишков рассматривает этническую толерантность с других позиций. Он понимает ее как постоянное и направленное усилие на конструирование и осуществление опре-

деленных личностных и общественных ценностей и норм поведения [Тишков, 1997]. В данном подходе толерантность рассматривается как личная установка, приобретаемая в ходе получения жизненного опыта, социализации индивида и как действие, предполагающее самоограничение и намеренное невмешательство. В рамках такого подхода толерантность присуща только зрелой личности и является условием существования сложных обществ. Толерантность не является врожденным свойством человека, она также не может быть перманентной характеристикой общества и существует только в условиях постоянного намеренного культивирования. Данное определение описывает толерантность не с позиций отношения к иному, а с позиций поиска способа выхода из ситуации противопоставления культур.

Вопрос о выделении уровней этнической толерантности также является дискуссионным. Большинство исследователей сходятся во мнении, что уровни этнической толерантности целесообразно ранжировать по шкале «толерантность – интолерантность». Выделяются протекционистская толерантность, включающая не только полное принятие иного, но и желание предотвратить его дискриминацию, проявления интолерантности; ценностная толерантность, имеющая в основе систему ценностей, опирающуюся на признание равноправия всех культур и жесткое подчинение этому принципу; скрытая интолерантность, основанная на боязни общественного осуждения интолерантного поведения либо высказываний, но не исключающая наличие внутренней предвзятой установки по отношению к иному; вербальная интолерантность, предполагающая возможным публичные высказывания интолерантного характера, но не допускающая публичные действия; агрессивная поведенческая интолерантность — совершение действий дискриминационного характера либо отказ от межэтнического взаимодействия [Попов, 2008].

Факторы формирования этнической толерантности зависят от структуры толерантности. Так, когнитивный элемент структуры толерантности формируется под влиянием «пересекающегося» членства в социальной группе, принадлежности к группе меньшинства, принятия гражданской идентичности, неопределенности этнической идентичности. Эмоциональная составляющая структуры толерантности зависит от ценности социальной интеграции, выраженности этнической идентичности. На деятельностный элемент структуры толерантности влияют желание единства и принятие культурного разнообразия, установка на кооперацию, позитивную этническую идентичность или негативные чувства, связанные с этничностью [Коряпина, 2011]. Таким образом, этническая идентичность является фактором формирования каждого элемента структуры толерантности.

Для того чтобы проследить социально-психологический механизм взаимодействия этнической идентичности и толерантности, необходимо определить понятие «этническая идентичность». Этническая идентичность является компонентом социальной идентичности личности. В процессе социализации личность относит все социальные объекты к отдельным классам. Социальная категоризация позволяет личности устанавливать границы между собой и окружающими. В результате этого самоопределения у личности формируется социальная идентичность. В процессе межкультурных контактов у индивида вырабатывается система представлений о сходстве и различиях этнических групп. На основе этой этнической категоризации и формируется этническая идентичность [Стефаненко, 2006].

Таким образом, этническая идентичность – это результат отнесения себя к определенной этнической группе на основе соотнесения себя с иными группами. В отечественных исследованиях также существует точка зрения, что этническая идентичность – это зрелый уровень этнического самосознания [Хотинец, 2000]. Еще одна позиция определяет этническую идентичность как врожденное свойство соотносить себя с этнической группой [Семина, 2018].

В структуре этнической идентичности принято выделять аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты, а также бессознательную составляющую. В когнитивном компоненте заложены знания о своей этнической группе, этнодифференцирующие

признаки и осознание себя членом этой группы. Аффективный компонент содержит чувство принадлежности, оценку группы и отношение к нахождению в ней. Поведенческий компонент заключается в проявлении себя как члена группы в ситуации межкультурного взаимодействия. Так как аффективный компонент предполагает оценочное отношение к этничности, то этническая идентичность может быть позитивной либо негативной. Когнитивный компонент позволяет говорить о степени ясности, с которой личность осознает себя членом этнической группы [Ершова, Мурсатова, 2018]. В научных исследованиях эти параметры этнической идентичности получили названия валентность и определенность [Татарко, Лебедева, 2010].

Проводя анализ этнической идентичности по параметрам валентности и определенности, можно выделить ее типы: нормальная (позитивная) идентичность, этноцентрическая идентичность, этнодоминирующая идентичность, этнический фанатизм, этническая индифферентность, этнонигилизм, амбивалентная идентичность [Карпенко, 2018, с. 78]. В данной классификации отсутствует выделение негативной идентичности, связанной с чувствами стыда, неполноценности, появляющимися при осознании себя членом этнической группы. Между тем именно понимание феномена негативной этнической идентичности дает представление о ее взаимосвязи с этнической толерантностью или интолерантностью [Солдатова, Чигарькова, 2016].

Рассмотрим механизм взаимосвязи этнической идентичности и толерантности. Исследователи полагают, что негативная этническая идентичность возникает в ситуации утраты этнической группой позитивной оценки себя, ощущения себя как целостного этнического образования, размывания этнической определенности. Одновременно с этим возникает чувство потери себя, неполноценности и неспособности конфигурации окружающего социального пространства. Стремясь к выходу из этой ситуации, этническая группа ищет пути конструирования нового самосознания, самый простой из которых – размежевание с иными культурами, повышение уровня своей этнической идентификации за счет отрицания иных культур. Именно поэтому негативная этническая идентичность ведет к появлению интолерантных установок в ситуации межэтнического взаимодействия. Немалую роль играет здесь и процесс дифференциации по типу «мы – они». В такой ситуации сравнение себя с иной группой происходит по принципу поиска исключительно негативных характеристик, а возврат к негативной исторической памяти и обвинение иной группы во всех своих неудачах приводят к формированию синдрома ущербной агрессивности и постоянному поиску врага [Goncharov, 2017]. В этом случае необходимо помочь группе восстановить позитивную идентичность, что снизит уровень интолерантности. Позитивная этническая идентичность позволяет группе избежать этнической категоризации по негативному сценарию. Группа с позитивной идентичностью не испытывает необходимости в поиске врага для оправдания своей ущербности и дифференцирует социальное пространство с позиций поиска различий между группами при четком осознании того, что этнические различия не несут угроз, а являются естественным явлением [Зуйкова, 2019].

Таким образом, этническая идентичность является ядром этнической толерантности. Зная особенность этого социально-психологического феномена, можно разработать стратегии поддержания позитивного уровня этнической идентификации и возврата группе позитивной идентификации в случае ее утраты.

Необходимо отметить, что, несмотря на большое количество междисциплинарных исследований, посвященных влиянию этнической идентичности на характер межэтнического взаимодействия, большинство из них проводятся в полиэтничных российских регионах. В то же время в России имеется достаточное количество моноэтнических регионов с однородным национальным составом [Буфетова, Коломак, 2017]. В таких условиях очевидна невозможность применения единого подхода к механизмам гармонизации межна-

циональных отношений на уровне российских регионов, необходимость разработки региональных стратегий с учетом уровня этнической однородности.

Для более глубокого понимания особенностей развития этнонациональных процессов в моноэтнических регионах обратимся к характеристике этнического пространства России. Выделяют три вида российских регионов по их этническому составу: «русское мегаядро» – территории с преобладающей долей русского населения (более 80 %); национальные регионы – регионы с сильной этнической неоднородностью; переходные этноконтактные зоны – регионы «русского мегаядра» с изменчивой, усложняющейся этнической структурой. Находясь на периферии «ядра», эти регионы испытывают в последнее время миграционный прирост, связанный с событиями в зарубежных странах и с экономической привлекательностью этих регионов для мигрантов. К этноконтактным зонам относятся и крупные города с неоднородным этническим составом [Сафонов, 2015]. Очевидно, что усложнение этнической структуры, миграционный прирост, увеличение частоты межэтнических контактов, активность приезжих на рынке труда и появление компактно проживающих иноэтнических групп являются для данных регионов новыми явлениями. Этническая мозаичность становится для коренного населения этих регионов фактором стресса, неопределенности и чревата появлением конфликтов.

Для выработки механизмов формирования позитивной этнической идентичности в моноэтническом регионе нам необходимо опереться на исследования состояния межнациональных отношений в этноконтактноной зоне.

Объекты и методы исследования

Исследование проблемы формирования позитивной этнической идентичности в моноэтническом регионе «Межнациональные и межконфессиональные отношения населения Курской области в период 2017–2019 годов» было проведено в Курской области Центром регионального развития ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы». В качестве генеральной совокупности выступило население Курской области в возрасте от 18 лет и старше, составляющее 937 389 человек в 2017 году 928 283 – в 2018 году и 922 222 человек в 2019 году. Выборочная совокупность респондентов в 2017 году составила 380 человек при доверительной вероятности 95 % и доверительном интервале 5 %. В исследовании 2018 года при репрезентативности выборки в 1 820 человек доверительная вероятность установилась на уровне 99 %, а доверительный интервал – 3 %. Выборочная совокупность респондентов в 2019 году составила 630 человек при доверительной вероятности 99 % и доверительном интервале 5 %.

Исследование проводилось методом интервьюирования населения и методом анкетирования по месту работы и месту жительства респондентов. Контроль качества осуществлялся посредством постоянного анализа качества результатов анкет, проверялись полнота и правильность заполнения.

Результаты и их обсуждение

Определенный интерес представляет подтверждение существующей взаимосвязи и взаимозависимости между этнической идентификацией и толерантностью на основе эмпирических данных. При анализе этого явления необходимо учитывать национальную структуру страны или региона, степень принятия коренными жителями в своей среде людей другой национальности, восприятия иных культур и вероисповеданий.

В Курской области проживают представители 140 национальностей, при этом доля титульной нации составляет 91,97 %. Свою деятельность осуществляют 10 национально-культурных организаций и 350 религиозных организаций и конфессий. Трудовая миграция невелика в количественных показателях и носит преимущественно транзитный характер. Регион имеет границу с Украиной. Приведенные характеристики позволяют отнести

его к числу моноэтнических приграничных регионов, что определяют некую специфику как этнической толерантности, так и идентификации граждан.

Данные мониторинга показывают, что у населения региона преобладают доброжелательные чувства к людям другой национальности. В 2017 году на это указало 47,9 % респондентов, в 2018 и 2019 годах – соответственно 47,7 и 35,6 %. Чувство безразличия выразили соответственно 33,6, 32,9, 46,5 % респондентов, чувство неприязни соответственно — 6,3, 3,8, 12 %. Обращает на себя внимание существенное снижение позитивных оценок в восприятии людей другой национальности в 2019 году при увеличении уровня неприязни и безразличия в среднем на десять пунктов. Это явление прежде всего фиксируется в приграничных районах области и связано с имеющимися напряженными отношениями с соседним государством. Жители муниципальных образований региона, не относящихся к приграничной территории, более дружелюбно воспринимают людей другой национальности. Доброжелательное отношение в 2019 году выразили 45,7 % респондентов, проживающих в приграничных муниципальных образованиях Курской области и 49,7 % проживающих в иных муниципальных образованиях. Соответственно неприязненные чувства к людям другой национальности испытывают 2,7 и 4,8 % респондентов.

Анализ состояния этнической толерантности будет неполным без учета мнений респондентов по поводу их отношения к трудовым мигрантам, прибывшим из стран ближнего зарубежья. За последние три года среднегодовая численность трудовых мигрантов, прибывших в регион, составляет около 10 000 человек. Основными местами их размещения являются областной и районные центры, поселки городского типа. На протяжении исследуемого периода результаты опроса фиксируют наиболее доброжелательные чувства к мигрантам из Белоруссии и Украины. Доброжелательно к трудовым мигрантам из Белоруссии относились в 2017 году 57,2 %, в 2018 году – 46,2 %, в 2019 году – 60,3 %; к мигрантам, прибывшим из Украины, соответственно – 46,6, 33,4, 36,2%. Чувства неприязни отмечены к представителям Туркменистана, соответственно – 8,3, 14,1, 24,8 %, и Таджикистана – 11,5, 13,5, 24,3 %.

Стоит отметить, что показатели уровня доброжелательности и неприязни в исследованиях 2019 года существенно выросли. Жители региона с большей доброжелательностью стали относиться к мигрантам из Белоруссии и Украины и большую неприязнь испытывать к представителям азиатских стран. Увеличение разрыва между показателями уровня доброжелательности и неприязни к людям другой национальности в лице трудовых мигрантов говорит о том, что наряду с другими факторами, в том числе экономическими, трудовой занятости, демографическими, не последнюю роль играет этническая идентификация жителей региона. Они в большей степени отождествляют себя с людьми другой национальности, более близкой по культуре, языку, вероисповеданию. То есть при достаточно высоком показателе уровня этнической толерантности вообще к представителям неблизкой этнокультурной группы уровень терпимости респондентов резко падает.

Подтверждением тому служат ответы респондентов на вопрос «Почему вам некомфортно жить по соседству с людьми другой национальности?». На протяжении трех лет наиболее часто встречающимися ответами по мере убывания их значимости были следующие: «Они не уважают наши обычаи и традиции», «Они ведут себя оскорбительно по отношению к людям нашей национальности», «Они живут по иному укладу жизни, говорят на непонятном языке».

Интерес к культуре других народов, знание их обычаев жизненного уклада раскрывает содержательную составляющую толерантности, степень осознанности данного чувства. Данные мониторинга показывают высокий уровень информированности респондентов об обычаях и традициях других народов, на что указали 52,3 % опрошенных в 2017 г., 55,5 % в 2018 г., 50,4 % в 2019 г. На отсутствие интереса к культуре других народов соответственно указали 4,6, 7,9, 9,0 % респондентов.

Выявлено наличие высокой степени уважения к культуре других народов, на которое указывают более 50 % респондентов на протяжении трех лет [Официальный социологический портал Курской области]. Данный факт говорит о наличии сформированной основы толерантного отношения жителей Курской области к людям другой национальности. Учитывая, что этническая толерантность и идентификация находятся в прямой зависимости, с большой долей вероятности можно говорить о том, что на процесс идентификации жителей региона позитивное влияние оказывает межкультурный обмен.

Процесс поддержания указанного уровня этнической идентичности и соответствующего ей типа толерантности возможен на основе разработки региональной стратегии, включающей в себя комплекс мер, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности общества. Прежде всего, целесообразно использовать возможности образовательных учреждений. Изучение обязательных предметов (история, литература, краеведение) и внеурочная работа (традиционные праздники, приобщение к традициям) непосредственно формируют знания о своем этносе. Более широкие мероприятия, направленные на поддержание позитивной этнической идентичности, включают научные конференции и дискуссии о национальной культуре, проведение городских и сельских мероприятий, связанных с национальной культурой (Масленичные гулянья, рождественский фестиваль) [Skvortsov, 2017].

Немалую роль играют средства массовой информации, интернет-ресурсы, национальные объединения. Так, региональные телеканалы могут разработать ряд передач об истории формирования и развития России как многонационального государства, информировать о культуре, обычаях и языках народов России, приглашать представителей национальных объединений, делать сюжеты о жизни представителей национальных диаспор региона, при этом проводя параллели с русским этносом, расставляя акценты на сходствах культур, подчеркивая взаимовлияние [Шатаева и др., 2015]. Так как представители молодежи не являются основной аудиторией телевизионных каналов, целесообразно работать с этой группой, привлекая интернет-ресурсы, популярные в молодежной среде. Они могут размещать информацию об этнических особенностях в привлекательной для молодежной аудитории форме видеороликов, подкастов, привлекать аудиторию социальных сетей к диалогу.

Большую роль в распространении информации об этнических особенностях и различиях этносов играют национальные объединения регионов. С одной стороны, они способны создавать ситуации межэтнического общения, налаживать конструктивное взаимодействие коренных жителей с обособленными этническими группами. Необходимо проводить мероприятия, направленные на диалог, реальное общение, обсуждение ключевых моментов взаимодействия. На площадках для диалога должны обсуждаться вопросы исторической памяти, современные межнациональные отношения этносов, проблемы совместного существования двух этносов на одной территории и иные. С другой стороны, национальные объединения участвуют в процессе адаптации новых членов. Содержание программ адаптации должно основываться на близости базовых ценностей этносов, освещать положительную роль принимающего этноса в истории страны исхода [Frants, 2016].

Необходимо акцентировать внимание на том, что возвышение роли своего этноса, преподнесение своей национальной культуры как превалирующей над другими оказывают негативное влияние на этническую идентичность. Главная возможность поддерживать позитивный уровень этнической идентичности состоит в формировании интегрирующих ценностей. Они могут быть связаны с общей исторической судьбой народов, населяющих нашу страну, наполнением общенациональных праздников новым содержанием, раскрывающим роль народов России в судьбе страны, акцентированием позитивных моментов в многонациональном составе, декларированием гармонии в единстве и многообразии [Goncharov, 2016].

Выводы

Данные исследования позволяют сделать вывод о том, что между уровнем этнической толерантности и типом этнической идентификации существует определенная взаимосвязь. Позитивная этническая идентичность, которая характеризуется отсутствием потребности в поиске «врага» и дифференциации социального пространства с позиции поиска различий между группами, детерминирует ценностную толерантность, которая отличается наличием системы ценностей, основанной на признании равноправия всех культур.

Проведенный анализ результатов социологического исследования выявил, что у населения региона преобладают доброжелательные чувства к людям другой национальности, граждане способны отождествлять себя с иными. Уровень интереса и уважения к культуре других народов, их обычаям, жизненным укладам достаточно высок. В целом можно говорить о наличии сформированной у жителей Курской области этнической толерантности ценностного уровня, в основе которой находится позитивная этническая идентичность.

Основываясь на взаимозависимости типов этнической идентификации и уровней этнической толерантности можно разрабатывать региональные стратегии поддержания толерантности определенного уровня, учитывая при этом степень этнической однородности региона. Таким образом, общественная практика межэтнического взаимодействия обогатится новыми тенденциями в сферах коммуникации, культуры, образования.

Список источников

1. Официальный социологический портал Курской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--46-6kc8bnagjfo4b.xn--p1ai/report/> (дата обращения: 18 февраля 2020).
2. Стефаненко Т.Г. 2006. Этнопсихология: практикум: учебное пособие для студентов вузов. М., Аспект Пресс: 208
3. Лебедева Н.М. 2016. Этнопсихология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М., Издательство Юрайт: 491 с.

Список литературы

1. Буфетова А.Н., Коломак Е.А. 2017. Национальная неоднородность в регионах России. ЭКО, 47(4): 110–123.
2. Ершова Н.Н., Мурсатова Н.Ю. 2018. Структура социальной идентичности у студентов. В кн.: Инновационные технологии в науке и образовании. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции (Пенза, 5 ноября 2017 г.). Пенза, Наука и Просвещение: 198–200.
3. Зуйкова А.А. 2019. Особенности этнической идентичности, связь с самооценкой личности. Человек. Социум. Общество, 3: 57–60.
4. Карпенко З.Р. 2018. Типы формирования этнической идентичности. В кн.: Реализация компетентного подхода в системе профессионального образования педагога. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Евпатория, 12–13 апреля 2018 г.). Симферополь, Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал»: 78–80.
5. Коряпина Ю.В. 2011. К вопросу о когнитивном компоненте коммуникативной толерантности. Знание. Понимание. Умение, 2: 270–273.
6. Попов В.В. 2008. Этническая толерантность и методы определения границ толерантного отношения. В сб.: Материалы III Всероссийского социологического конгресса (Москва 21–24 октября 2008 г.). М., Институт социологии РАН, Российское общество социологов: 215–219.
7. Сафонов С.Г. 2015. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России. Балтийский регион, 3(25): 138–153.
8. Семина Г.В. 2018. Этнос и нации: к вопросу об этничности (идентичности) в научных традициях отечественных и западных исследователей. Вопросы культурологии, 6: 10–19.
9. Скоробогатая А.А. 2008. Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие в Северной Башкирии. М., ТЕИС: 190.

10. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В. 2016. Позитивная этническая идентичность как фактор успешного межкультурного взаимодействия. В кн.: Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур. Материалы международного форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой» (Хабаровск, 16–17 ноября 2017 г.). Хабаровск, Тихоокеанский государственный университет: 487–490.
11. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. 2010. Психология межэтнических отношений: этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия. Saarbrücken, LAPLAMBERT Academic Publishing GmbH & Co: 177 с.
12. Тишков В.А. 1997. Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах. М., Русский мир: 532 с.
13. Хотинец В.Ю. 2000. Этническое самосознание. СПб., Алетейя: 240 с.
14. Шатаева О.В., Коршунова Н.Е., Никитюк В.А. 2015. Этническая толерантность сотрудников организации г. Москвы. М, Прометей: 140 с.
15. Frants V. 2016. Ethnic identity as the migrants political identity element. In: AEON International Multidisciplinary Conference on Social Sciences and Arts (Venice, 30 September – 03 October, 2016). Venice, Aeon Eood: 10–17.
16. Goncharov V.N. 2016. Ethnic identity in the context of development of society and state. In: Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization. Materials of the IV international scientific conference (Prague, September 28–29, 2016). Prague, Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o.: 28–30.
17. Goncharov V.N. 2017. Ethnic russian identity in the context of interethnic tolerance. In: Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization. Materials of the V international scientific conference (Prague, 28–29 September, 2017). Prague, Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o.: 10–13.
18. Skvortsov N. 2017. The Formation of National Identity in Contemporary Russia. Changing Societies & Personalities. Special issue «Values: Continuities and Alterations», 1(1): 74–83.

References

1. Bufetova A. N., Kolomak E. A. 2017. Nacional'naja neodnorodnost' v regionah Rossii (National heterogeneity in the regions of Russia). JeKO, 47(4):110–123. (in Russian)
2. Ershova N.N., Mursatova N.Ju. 2018. Struktura social'noj identichnosti u studentov [Structure of social identity in students]. In: Innovacionnye tehnologii v nauke i obrazovanii. Sbornik statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Penza, 5 November, 2017). Penza, Nauka i Prosveshhenie: 198–200.
3. Zujkova A.A. 2019. Osobennosti jetnicheskoy identichnosti, svjaz' s samoocenкой lichnosti [Features of ethnic identity, connection with self-esteem of the individual]. Chelovek. Socium. Obshhestvo, 3: 57–60.
4. Karpenko Z.R. 2018. Tipy formirovaniya jetnicheskoy identichnosti [Types of ethnic identity formation]. In: Realizacija kompetentnostnogo podhoda v sisteme professional'nogo obrazovanija pedagoga. Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Evaporija, 12–13 April, 2018). Simferopol', Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «Izdatel'stvo Tipografija «Arial»: 78–80.
5. Korjapina Ju.V. 2011. K voprosu o kognitivnom komponente kommunikativnoj tolerantnosti [On the question of the cognitive component of communicative tolerance]. Znanie. Ponimanie. Umenie, 2: 270–273.
6. Popov V.V. 2008. Jetnicheskaja tolerantnost' i metody opredelenija granic tolerantnogo otnoshenija [Ethnic tolerance and methods for determining the boundaries of tolerance]. In: Materialy III Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa (Moscow 21–24 October, 2008). M., Institut sociologii RAN, Rossijskoe obshhestvo sociologov: 2015–2019.
7. Safonov S.G. 2015. Sovremennye tendencii transformacii jetnicheskogo sostava naselenija Rossii [Current trends in the transformation of the ethnic composition of the Russian population]. Baltijskij region, 3(25): 138–153.
8. Semina G.V. 2018. Jetnosy i nacii: k voprosu ob jetnichnosti (identichnosti) v nauchnyh tradicijah otechestvennyh i zapadnyh issledovatelej [Ethnoses and Nations: on the question of ethnicity (identity) in the scientific traditions of Russian and Western researchers]. Voprosy kul'turologi, 6: 10–19.
9. Skorobogataja A.A. 2008. Jetnicheskaja identichnost' i mezhkul'turnoe vzaimodejstvie v Severnoj Bashkirii [Ethnic identity and intercultural interaction in Northern Bashkiria]. M., TEIS: 190.

10. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V. 2016. Pozitivna jetnicheskaja identichnost' kak faktor uspeshnogo mezhkul'turnogo vzaimodejstvija [Positive ethnic identity as a factor of successful intercultural interaction]. In: Rossiya v mirovom soobshhestve: smyslovoe prostranstvo dialoga kul'tur. Materialy mezhdunarodnogo foruma «Vostochnyj vektor migracionnyh processov: dialog s russkoj kul'turoj» (Habarovsk, 16–17 November, 2017). Habarovsk, Tihoookeanskij gosudarstvennyj universitet: 487–490.
11. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. 2010. Psihologija mezhjetnicheskikh otnoshenij: jetnicheskaja identichnost' i strategii mezhkul'turnogo vzaimodejstvija [Psychology of interethnic relations: ethnic identity and strategies for intercultural interaction]. Saarbrucken, LAPLAMBERT Academic Publishing GmbH & Co: 177 p.
12. Tishkov V.A. 1997. Tolerantnost' i soglasie v transformirujushhihsja obshhestvah [Tolerance and consent in transforming societies]. M., Russkij mir: 532 p.
13. Hotinec V. Ju. 2000. Jetnicheskoe samosoznanie [Ethnic identity]. SPb., Aletejja: 240.
14. Shataeva O.V., Korshunova N.E., Nikityuk V.A. 2015. Etnicheskaya tolerantnost' sotrudnikov organizatsii g. Moskvy [Ethnic tolerance of employees of organizations in Moscow]. M, Prometey: 140.
15. Frants V. 2016. Ethnic identity as the migrants political identity element. In: AEON International Multidisciplinary Conference on Social Sciences and Arts (Venice, 30 September – 03 October, 2016). Venice, Aeon Eood: 10–17.
16. Goncharov V.N. 2016. Ethnic identity in the context of development of society and state. In: Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization. Materials of the IV international scientific conference (Prague, September 28–29, 2016). Prague, Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o.: 28–30.
17. Goncharov V.N. 2017. Ethnic russian identity in the context of interethnic tolerance. In: Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization. Materials of the V international scientific conference (Prague, 28–29 September, 2017). Prague, Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o.: 10–13.
18. Skvortsov N. 2017. The Formation of National Identity in Contemporary Russia. Changing Societies & Personalities. Special issue «Values: Continuities and Alterations», 1(1): 74–83.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анциферова Ирина Владимировна, профессор кафедры государственного, муниципального управления и права Курской академии государственной и муниципальной службы, г. Курск, Россия

Анциферова Наталья Геннадьевна, доцент кафедры государственного, муниципального управления и права Курской академии государственной и муниципальной службы, г. Курск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Antsiferova, professor of the Department of state, municipal administration and law, Kursk Academy of state and municipal service, Kursk, Russia

Natalya G. Antsiferova, docent of the Department of state, municipal administration and law, Kursk Academy of state and municipal service, Kursk, Russia

УДК 316.354:351/354, 316.4
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-247-258

Стресс, самооценка здоровья и социально-психологический возраст женского персонала: организационно-культурный аспект

¹Леонова И.С., ¹Захарова Л.Н., ²Леонова Е.С.,

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

²Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России
Россия, 603005, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского. д.10/1

E-mail: irina.leonova@unn.ru, zlnnnov@mail.ru, leonovaes@dkbnn.ru

Аннотация. Дан анализ положения женщин на рынке труда в условиях изменений технологического уклада и действия возрастных стереотипов. Представлены результаты эмпирического исследования социально-психологического возраста женского персонала компаний с разной вовлеченностью в инновационные процессы. Показано, что социально-психологический возраст персонала зависит от специфики организационно-культурных условий и особенностей управления персоналом при внедрении инноваций. Раскрыты последствия стресса при внедрении инноваций в организационной культуре иерархически-кланового типа. Женский персонал в организационной культуре инновационных компаний поддерживает инновационный вектор развития, чувствует себя менее уставшим, более здоровым и молодым. Выявлено новое основание возрастной оценки персонала менеджерами – ценностная готовность к принятию инноваций.

Ключевые слова: индустрия 4.0, инновации, персонал, возрастные стереотипы, гендерные стереотипы, организационная культура, стресс, здоровье, хронологический возраст, социально-психологический возраст.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00910.

Для цитирования: Леонова И.С., Захарова Л.Н., Леонова Е.С. 2020. Стресс, самооценка здоровья и социально-психологический возраст женского персонала: организационно-культурный аспект. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 247–258. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-247-258

Stress, health self-assessment and socio-psychological age of female personnel: organizational and cultural aspect

Irina S. Leonova¹, Liudmila N. Zakharova¹, Elena S. Leonova²

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia

²Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation
10/1, Minin and Pozharsky square, Nizhny Novgorod, 603005, Russia

E-mail: irina.leonova@unn.ru, zlnnnov@mail.ru, leonovaes@dkbnn.ru

Abstract. The analysis of the position of women in the labor market in the face of changes in the technological structure and the effect of age-related stereotypes is given. The results of an empirical study of the socio-psychological age of female personnel (engineers and doctors) of the companies with different involvement in innovative processes are presented. In the study, R. Kessler's distress test and

author's questionnaire, combining questions and direct scaling, were used as tools. It is shown that the socio-psychological age of personnel depends on the specifics of the organizational and cultural conditions and the characteristics of HR management in the implementation of innovations. The effects of stress during the introduction of innovations in an organizational culture of a hierarchical-clan type are revealed, which are manifested in fatigue, a deterioration in the self-assessment of health and age, and causing personnel resistance. Management evaluates the personnel in opposition significantly older than their chronological age. Female personnel in an organizational culture with a pronounced innovative component supports the innovative development vector, feels less tired, more healthy and young. Managers rate the age of the majority of the staff as young or correspondent to chronological one. Thus, a new basis for the age-related assessment of personnel by managers has been proposed – namely, characteristics not of chronological, but of socio-psychological age. Its basis is a value readiness to accept innovation.

Keywords: industry 4.0, innovations, personnel, age stereotypes, gender stereotypes, organizational culture, stress, health, chronological age, socio-psychological age.

Acknowledgements: the reported study was funded by RFBR according to the research project 19-013-00910 “Socio-psychological age of the staff of the Russian enterprises under the conditions of variability of organizational cultures of the transitive economy”.

For citation: Leonova I.S., Zakharova L.N., Leonova E.S. 2020. Stress, health self-assessment and socio-psychological age of female personnel: organizational and cultural aspect. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 247–258 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-247-258

Введение

Наступление нового технологического уклада меняет и без того сложный современный рынок труда. Для новой экономики индустрии 4.0 требуется персонал, лично вовлеченный в трудовой процесс, проявляющий ответственность и инициативу, развивающийся вместе с трудовым процессом, принимая на себя ответственность за постоянное повышение квалификации и самообучение, в том числе и в сфере использования новых информационных технологий [Fossen et al., 2019]. Новые тенденции мирового экономического развития находят отражение в стратегических планах инновационного развития российской экономики. Вместе с тем Россия занимает только 46 место в глобальном рейтинге инновационности [Global..., 2019]. Отдельной проблемой является старение персонала, один из подходов к решению которой найден в повышении пенсионного возраста, неподдержанного большей частью россиян, в том числе женщинами [Григорьева, 2018].

Решение о повышении пенсионного возраста, создающее, казалось бы, хорошие предпосылки для того, чтобы сохранить человеческий ресурс для развивающейся экономики, реализуется в условиях действия устойчивых возрастных стереотипов, в соответствии с которыми работники старших возрастов не интересны работодателям, тем более в высокотехнологичных сферах занятости [Клименко, Посухова, 2017]. Вот только не полный список возрастных стереотипов: сопротивление организационным изменениям, невосприимчивость нового, консерватизм, усталость, часто хроническая, потеря способности к обучению, подверженность стрессу, болезни [Posthuma, 2009]. Все они находятся в сильном противоречии с качествами работника, востребованными в индустрии 4.0.

Вместе с тем уже начали складываться негативные стереотипы молодости: слабая компетентность, невовлеченность, ориентированность на саморазвитие в комфортных условиях работы с гибким графиком на предприятии с хорошим брендом, отсутствие карьерных амбиций, желание общения с начальником на равных, пассивность, и пр. [Bowman, 2014; Kucherov et al., 2019]. Такие характеристики также вызывают много сомнений у работодателей, не уверенных в компетентности и трудовой мотивации молодых сотрудников.

Положение женщин на рынке труда осложняется не только возрастными, но и гендерными стереотипами. В соответствии с ними женщины не могут быть успешными во многих профессиях, кроме того, они привносят в жизнедеятельность организации излишнюю эмоциональность, ориентацию на межличностные отношения в ущерб отношениям, определяемым профессиональным и должностным статусом, женщины более консервативны, не склонны к изменениям, часто попадают под влияние, у них меньшая производительность труда, хуже здоровье [Helman, 2012; Castellano et.al., 2019]. Живучесть стереотипов подтверждается фактами, говорящими о дискриминации сотрудников по полу и возрасту в оплате труда [Гимпельсон, 2019]. Вместе с тем любой непредвзятый наблюдатель может видеть прекрасно работающих в самых перспективных компаниях женщин любого возраста, что только лишний раз показывает актуальность проблемы влияния симулякров на общественное сознание [Бабинцев, Ушамирский, 2018].

Безусловно, стереотипы не возникают на пустом месте, и пропорции перспективного персонала, как правило, не в пользу женщин старшего возраста. Но такое положение дел только обостряет проблему выявления условий, при которых женский персонал проявляет качества человеческого капитала нового технологического уклада.

Результаты исследований, проведенных в последнее время в нашей стране и за рубежом, все больше убеждают в том, что хронологический возраст постепенно утрачивает свою объяснительную силу в отношении феноменов, связанных с трудовой деятельностью. Большее значение начинают иметь понятия психологического и социально-психологического возраста (СПВ) [Staudinger, 2015; Захарова и др., 2018]. Это объясняется тем, что люди чаще ориентируются на успешных людей более молодого хронологического возраста, ставят перед собой цели поддержания своего физического и психического здоровья, используют современные технологии здорового образа жизни, достижения медицины и косметологии, не хотят отставать в освоении современных информационных технологий и, следовательно, обнаруживают у себя характеристики более хронологически молодых людей. Если рассмотреть старение как социальное действие, то в соответствии с известной теорией Т. Парсонса, открывается возможность исследовать взаимодействие основных детерминант этого процесса на уровне национальной культуры, организационной культуры, личности и организма.

С управленческой точки зрения наибольший интерес вызывает роль организационной культуры (ОК) как социально-психологического контекста внедрения инноваций [Brettel et al., 2015; Desmidt, Prinzie, 2019]. В этом ценностном контексте, независимо от хронологического возраста, персонал сохраняет, приобретает или утрачивает черты, представленные в возрастных стереотипах. Этот интерес объясняется тем, что активный менеджмент не может просто смириться с возрастными и гендерными стереотипами и снижать жизнеспособность своей компании из-за отсутствия персонала с необходимыми качествами. Задача менеджмента – искать возможности управления социально-психологическим возрастом персонала, тем более что персонал с молодым хронологическим возрастом не гарантирует процветания компании.

Ответы на вопрос о влиянии ОК на СПВ женского персонала можно получить, сравнив СПВ женского персонала в компаниях с ОК разного типа, соотношенной с вовлеченностью компаний в инновационные процессы.

Проведено исследование, цель которого – выявить характеристики СПВ женского персонала классов «человек – человек» и «человек – техника» в условиях ОК иерархически-кланового и рыночно-иерархического типа с выраженным инновационным компонентом.

Объекты и методы исследования

Исследование проведено в два этапа. На первом этапе определены компании – базы эмпирического исследования на основе следующих критериев: принадлежность персонала

к разным классам профессий, примерно одинаковый срок существования компаний, предполагающий переход от административно-командной модели экономики к рыночной и рыночно-инновационной, разная вовлеченность в инновационные процессы и соответствие ОК инновационности компании. Применены метод экспертной оценки, анализ доступной корпоративной документации, метод диагностики ОК и ценностных организационно-культурных предпочтений К. Камерона и Р. Куинна [Cameron, Quinn, 2011]. Отобраны две медицинские и две производственные компании с еще советской историей. Две компании (одна производственная, одна медицинская) успешно преодолели трудности перехода в рыночно-инновационный формат развития (инновационные компании), другие две компании испытывают многолетние трудности модернизации, а в последнее время – трудности вхождения в новый технологический уклад (ординарные компании). Менеджмент ординарных компаний ставит задачи перехода в инновационный формат развития, но испытывает значительное сопротивление персонала. Компании имеют разные организационные условия, проявляющиеся в типах ОК. В ординарных компаниях выявлен иерархически-клановый тип ОК, и персонал стремится усилить клановый компонент до уровня абсолютной доминанты. В инновационных компаниях – ОК рыночно-иерархического типа с выраженным инновационным компонентом. Это типичная ситуация для таких компаний [Захарова и др., 2017]. Есть некоторая специфика, зависящая от типа бизнеса: в медицинских компаниях клановый компонент культуры выражен сильнее, чем в производственных. Но для данного исследования важным являются два факта, типичных для ординарных компаний: дефицит приверженности ценностям инновационности и успеху в конкурентной среде и желание безусловного приоритета ценности отношений. Такая ситуация порождает скрытый ценностный конфликт с менеджментом, являющийся основой сопротивления инновациям [Захарова и др., 2017].

Респонденты: инженеры ординарной и инновационной производственных компаний, (класс профессий «человек – техника»), врачи ординарной муниципальной поликлиники и инновационной частной клиники (класс профессий «человек – человек») [Климов, 2004] (N = 420) трех возрастных групп: до 35 лет, от 35 до 54 лет, 55 лет и старше примерно в равном соотношении. Все респонденты – женщины с опытом работы в компании не менее трех лет, что означает полную адаптацию к организационным условиям компаний. От каждой компании в качестве экспертов приняли участие по 7 менеджеров.

Методы исследования на втором этапе: шкала дистресса Р. Кесслера [Kessler et al., 2002], авторская анкета, сочетающая вопросы с методом прямого шкалирования, непараметрические критерии Манна-Уитни и Вилкоксона. Анкета состоит из двух блоков. Первый включает вопросы, направленные на выявление психологической составляющей возраста персонала и его организационной психофизиологической детерминанты – стресса внедрения инноваций [Caesens et al., 2017]. В качестве показателей психологической составляющей возраста взяты самооценка усталости и состояния здоровья как первых признаков старения [Magalhaes et al., 2018], а также оценка возрастного самоощущения. Второй блок анкеты состоит из вопросов, направленных на оценку социальной составляющей возраста персонала, проявляющейся в обращениях к персоналу и оценке его возраста непосредственными руководителями.

Результаты и их анализ

Данные таблицы 1 показывают, что персонал ординарных компаний, независимо от класса профессий и возраста, испытывает более выраженное постоянное чувство усталости по сравнению с персоналом инновационных предприятий. Эти различия статистически значимы, за исключением персонала старшего возраста производственных компаний, где различия проявляются в виде тенденции. Статистически значимые различия по показателям усталости между инженерами и врачами зафиксированы только в отношении пер-

сонала старшего возраста: врачи устают существенно больше инженеров. И это относится только к врачам обычной компании. В инновационных компаниях таких различий нет. Следовательно, инновационный контекст работы вызывает меньшую усталость, чем работа в традиционных условиях. То же относится к самооценке здоровья. Только у молодого персонала обычных и инновационных компаний нет статистически значимых отличий в общей оценке состояния здоровья.

Таблица 1
Table 1

Стресс и самооценка здоровья женского персонала обычных и инновационных компаний
 Stress and health self-assessment of female personnel in ordinary and innovative companies

Возраст	Компании	Стресс						Здоровье		
		У	Н	СН	Б	Ус	Вцел	Общ	СС	НС
молодой	ОП	3,8	3,6	2,4	3,0	3,0	28,0	3,1	2,7	2,3
	ИП	2,7	2,7	1,4	2,1	2,1	19,5	3,5	4,3	3,3
	У	*	*	*	*	*	**	–	*	*
	ОМ	3,7	4,1	3,5	3,6	3,2	29,7	3,2	2,3	1,8
	ИМ	2,9	3,4	2,7	2,9	2,4	24,1	3,9	3,5	2,1
		*	*	*	*	*	*	**	*	–
средний	ОП	3,6	3,4	2,5	2,6	2,0	25,9	2,5	2,4	1,1
	ИП	2,5	2,9	1,4	2,3	2,0	18,4	3,9	3,8	3,4
	У	*	*	*	*	–	*	*	**	**
	ОМ	3,5	3,6	2,7	3,1	2,5	25,7	3,1	2,9	1,6
	ИМ	2,4	3,1	2,0	2,4	2,3	20,0	4,0	3,1	3,0
	У	*	*	*	*	–	*	*	–	**
старший	ОП	3,2	2,9	2,7	2,8	1,9	25,2	1,4	1,6	1,5
	ИП	2,4	2,4	1,6	1,5	1,5	16,3	3,4	3,0	2,9
	У	T	T	*	*	*	**	**	*	**
	ОМ	3,7	3,8	2,6	2,7	2,1	26,2	2,5	2,0	2,1
	ИМ	2,6	3,2	2,1	1,9	1,6	18,7	3,6	3,3	3,5
	У	*	T	T	*	*	**	**	*	*

Примечание (для табл. 1 и 2): ОП – обычное производственное предприятие, ИП – инновационное производственное предприятие; ОМ – обычная медицинская компания, ИМ – инновационная медицинская компания; У – чувство усталости; Н – нервозность; СН – сильно нервничать и не быть в состоянии успокоиться; Б – сильное беспокойство; Ус – чувство, что любое дело требует больших усилий; Вцел – общая оценка стресса; В – самооценка возраста; С/О – самооценка; СС – состояние сердечно-сосудистой системы, НС – состояние нервной системы; Обращение руководителя в трудовой ситуации – ТС, в неформальной ситуации – НФС, когда он доволен сотрудником – Д, когда не доволен – НД; статистическая значимость различий по критерию U – Манна-Уитни, W – Вилкоксона: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$, T – тенденция, – статистически значимые различия отсутствуют.

В остальных возрастных группах различия наблюдаются, и все они не в пользу ординарных компаний. Но некоторые важные различия есть применительно к классу профессий. Врачи среднего и старшего возраста ординарных компаний чувствуют себя более здоровыми, чем представители тех же возрастных групп производственных компаний. Таких различий нет в показателях самооценки здоровья между врачами и инженерами инновационных компаний, и все они чувствуют себя более здоровыми, чем представители тех же возрастных групп персонала ординарных компаний. Еще более яркие подтверждения этому можно видеть, если проанализировать оценки состояния здоровья по более конкретным сферам: состоянию нервной и сердечно-сосудистой систем. В обоих случаях статистически значимые различия прослеживаются практически во всех возрастных группах и классах профессий (см. табл. 1). Исключение составляют врачи среднего возраста по оценке состояния сердечно-сосудистой системы и молодые врачи в оценках состояния нервной системы.

У врачей есть некоторая специфика показателей, но есть и значимая тенденция, состоящая в том, что в молодом и среднем возрастах сотрудники инновационных производственных компаний чувствуют себя более здоровыми, чем врачи. И только в старшем возрасте врачи как инновационных, так и ординарных компаний чувствуют себя более здоровыми, чем сотрудники производственных компаний. Возможно, это связано с тем, что в более молодом возрасте и врачи, и инженеры меньше внимания уделяют состоянию сердечно-сосудистой и нервной систем, а в старшем возрасте врачи имеют профессиональный приоритет в поддержании своего здоровья, что отражается и в его самооценке.

Эти данные не сказываются существенным образом на главном результате: по самооценкам персонала и врачи, и инженеры инновационных компаний чувствуют себя менее усталыми и более здоровыми, чем персонал ординарных компаний. И что еще более важно, различия в оценках прослеживаются не столько в разных возрастных группах, сколько в ОК разного типа. Если сравнить, например, самооценку состояния нервной системы у инженеров инновационных компаний в разных возрастных группах, можно видеть определенную возрастную динамику: 3,3 балла в молодом, 3,4 – в среднем, 2,9 – в старшем возрастах, при этом у инженеров ординарных предприятий соответственно показатели выглядят так: 2,3 балла в молодом, 1,1 – в среднем, 1,5 в – старшем возрастах. Значимое падение показателя осуществляется раньше – в среднем возрасте. Следовательно, в инновационной компании показатели не только выше, но и их возрастное снижение наступает позже.

У врачей другая динамика. В инновационных компаниях врачи в молодом возрасте имеют показатель 2,1, в среднем 3,0, в старшем – 3,5. В ординарных 1,8, 1,6, 2,1 баллов соответственно. Показатели, независимо от возраста хуже, чем в инновационных компаниях, но динамика отличается от динамики оценки состояния нервной системы инженеров. У врачей виден устойчивый рост показателей в инновационной компании, а у врачей ординарной компании – только в старшем возрасте, но все равно существенно меньший, чем в инновационной.

Можно видеть подтверждение связи усталости и состояния здоровья с оценкой собственного возраста. Данные таблицы 2 показывают статистически значимые различия в оценке своего возраста сотрудниками молодого и среднего возраста инновационных и ординарных компаний независимо от класса профессий.

Самыми «старыми» чувствуют себя молодые инженеры и врачи ординарных компаний, в среднем на 7,3 и 6,5 лет старше хронологического возраста соответственно. Это выглядит особенно удивительно потому, что женщины, как правило, не желают приписывать себе более старший возраст. Тем не менее, если вспомнить их выраженное чувство усталости и невысокий уровень самочувствия в сфере здоровья, можно понять эмоциональный фон, на котором делается оценка возраста. Их усталость не меньше, а состояние здоровья не лучше, чем у более старших коллег. Сотрудники инновационных компаний, и врачи, и инженеры, чувствуют себя существенно моложе. Самыми «молодыми» в этих возрастных группах являются инженеры и врачи среднего возраста.

Особая картина самооценки возраста наблюдается у сотрудниц старшей возрастной группы. Независимо от класса профессии и уровня инновационности компании, они позиционируют себя как более молодых женщин. Более «молодыми» являются инженеры и врачи инновационных компаний, но различия с ординарными компаниями не достигают уровня статистической значимости. Инженеры статистически значимо «моложе» врачей, которых, видимо, в оценках все же сдерживает более глубокое понимание возраста, хотя они и больше работают над своим здоровьем, чем инженеры.

Выявление феномена большей психологической «молодости» сотрудниц инновационных компаний обуславливает необходимость выявления ее организационных детерминант, с одной стороны, и восприятия возраста сотрудниц их непосредственными руководителями, с другой.

Таблица 2
Table 2

Преобладающая форма обращения, самооценка возраста и оценка возраста женского персонала менеджерами в ординарных и инновационных компаниях
 The prevailing form of appeal, self-assessment of age and assessment of the age of female staff by managers in ordinary and innovative companies

Возраст	Компании	Формы обращения руководителя к подчиненным						C/O	Оценка возраста менеджерами (в %)		
		Тип ситуации		W	Отношение		W		моложе	хрон.	старше
		ТС	НФС		Д	НД					
молодой	ОП	2,9	2,7	–	3,3	4,5	*	7,3	34,5	10,5	55,0
	ИП	1,9	1,4	*	1,9	3,3	*	–4,1	53,0	35,0	12,0
	U	*	**		**	**		**			
	ОМ	3,5	3,3	–	3,7	4,2	*	6,5	42,5	1,5	56,0
	ИМ	2,3	2,2	–	2,3	3,1	*	–3,7	34,4	11,7	53,9
	U	*	*		*	*		**			
средний	ОП	4,1	3,9	–	3,7	4,3	–	4,7	23,0	20,0	57,0
	ИП	2,8	2,5	–	2,3	3,8	*	–5,5	43,0	35,0	22,0
	U	**	**		**	–		**			
	ОМ	4,4	4,0	–	3,8	4,8	*	5,2	43,5	5,0	51,5
	ИМ	3,3	2,9	–	2,6	3,5	*	–4,7	46,7	19,4	33,9
	U	*	*		*	*		**			
старший	ОП	4,8	4,1	*	3,9	4,6	*	–5,9	27,5	15,5	57,0
	ИП	3,8	2,6	–	1,8	3,5	*	–6,2	45,5	35,0	19,5
	U	**	*		**	*		–			
	ОМ	4,7	4,5	–	4,1	4,7	T	–3,5	38,5	0	61,5
	ИМ	4,1	3,9	–	2,7	3,4	*	–3,9	46,7	16,1	37,2
	U	–	T		*	*		–			

Возвращаясь к данным таблицы 1, можно видеть, что персонал инновационных и ординарных компаний, независимо от класса профессий и хронологического возраста, испытывает статистически значимо более высокий уровень стресса. В таблице приведены данные по 5 шкалам из 10, по которым респондентами было отмечено наиболее ошутимое проявление стресса, и суммарный показатель. По сумме баллов статистически значимые различия зафиксированы во всех возрастных группах, причем выраженный уровень стресса (более 20 баллов), выявлен во всех группах персонала ординарных предприятий, у врачей выше, чем у инженеров. Наименования шкал показывают, как проявляется стресс: сотрудницы чувствуют усталость, они нервничают настолько сильно, что долго не могут успокоиться, они чувствуют сильную тревогу, любое дело требует от них затраты очень больших усилий. Речь идет об ординарных компаниях. Все дело, безусловно, во внедряемых менеджментом инновациях, иначе годами отработанные навыки не создавали бы такой тяжелой эмоциональной обстановки. Не удивительно, что персонал в таких условиях в форме психологической защиты стремится снизить иерархический и усилить клановый компонент ОК, характерные для стабильных условий существования ординарных компаний [Захарова и др., 2017].

Известно, как стресс влияет на деятельность. Он разрушает недостаточно освоенную деятельность, т.е. является психологической причиной неуспеха в освоении инновационных технологий. Неудача порождает желание сопротивляться освоению сложных деятельностей. Стресс проявляется в нервном напряжении, беспокойстве, чувстве усталости. Эти переживания, особенно хроническая усталость, интерпретируются как проявление ухудшения здоровья. Кроме того, стресс прямо сказывается на состоянии нервной и сердечно-сосудистой систем.

Как же в возрастном аспекте воспринимают свой персонал менеджеры? Данные таблицы 2 показывают, что во всех возрастных группах, независимо от класса профессий, менеджеры ординарных компаний большую часть персонала воспринимают старше хронологического возраста. Даже в группе хронологически молодого персонала более половины воспринимается менеджерами как психологически «старый» персонал. Позиционирование себя сотрудниками старшего возраста как более молодых не воспринимается менеджерами: 61,5 % врачей и 57 % инженеров воспринимается менеджерами старше хронологического возраста. Обратная ситуация сложилась в инновационных компаниях: большая часть персонала воспринимается менеджерами как более молодая. Среди инженеров старшего возраста старше хронологического только 19,5 %, а среди врачей – 37,2 %, и более 45 % – моложе хронологического возраста.

Есть и своя специфика в оценке возраста персонала менеджерами производственных и медицинских компаний. В отличие от инженерного персонала, в оценках врачей ординарной компании очень низкий процент присутствия оценок, совпадающих с хронологическим возрастом сотрудниц: от 0 до 5 %, в то время как для инженеров это интервал составляет от 10,5 до 20 %. Эти данные явно свидетельствуют о более эмоциональном отношении к происходящему в медицинской компании. Менеджмент, сталкивающийся с сопротивлением внедряемым изменениям, делит персонал независимо от возраста на «молодых», поддерживающих инновации, и сопротивляющихся «старых». В этом усматривается новая специфика возрастного стереотипа: не хронологический возраст, а отношение к инновациям определяет социально-психологическую возрастную категорию персонала.

Становятся понятными и причины неудач с внедрением инноваций в компаниях, менеджмент которых пытается сделать это, не меняя ОК. Источник стресса, скорее всего, не в самих инновациях, т.к. часть предприятий смогла осуществить переход к инновационному вектору развития, но этот переход осуществился вместе с соответствующим изменением ОК, а следовательно, изменением базовых ценностей персонала. Сохранение выраженного иерархического компонента порождает стресс у персонала. В основе его лежит ценностный конфликт: менеджмент упорно пытается внедрить инновации администра-

тивными методами, разделяя ценности иерархии, а персонал под этим давлением все больше становится приверженцем ценностей отношений. И хотя этот конфликт, как правило, протекает в скрытой форме, негативные последствия очень значительны [Захарова и др., 2017]. Его наличие снижает чувство субъективного благополучия женского персонала, что, в свою очередь, негативно сказывается на мотивации принятия инноваций.

Еще одно подтверждение того, что инновации в ординарных компаниях внедряются административными методами, можно получить, обратившись к данным, свидетельствующим о стиле взаимодействия менеджеров с персоналом ординарных и инновационных компаний (см. табл. 2).

Можно видеть, что в ординарных компаниях, независимо от класса профессий, обращения менеджеров к исполнителям в статистически значимой степени более формальны, и это относится и к ситуации трудовой деятельности, и к неформальным ситуациям. Более формальные обращения соответствуют старшим возрастам. Можно видеть, как нарастает формальный компонент вместе с ростом хронологического возраста. В инновационных компаниях обращения значительно более демократичны и концентрируются вокруг обращения по полному имени. С одной стороны, можно полагать, что обращение по имени и отчеству является более уважительным обращением. Но, с другой, уважительное обращение проявляется в отношении к более старшим по возрасту вместе с усилением формального компонента и увеличением психологической дистанции между общающимися, которая в условиях внедрения инноваций административными средствами является дополнительным фактором стресса. Более демократичное обращение дает персоналу определенный стимул социально-психологической молодости, порождая чувство посильности новых требований.

Заметна и большая строгость менеджеров ординарных компаний. И в инновационных, и в ординарных компаниях, когда менеджер не доволен, он увеличивает социально-психологическую дистанцию, но в ординарных компаниях существенно сильнее, чем это происходит в инновационных. У врачей официальная составляющая обращения выражена больше, чем у инженеров. Так, в группе молодых инженеров инновационной компании, если менеджер доволен их работой, он обращается к ним по имени, а если не доволен, то по полному имени (1,9 против 3,3 баллов). Если менеджер ординарной компании доволен работником, то он, обращаясь к молодым инженерам, как правило, использует полное имя (3,3 балла), а если не доволен, то обращается в основном по имени-отчеству (4,5 балла). Следовательно, доминирует не уважительное отношение, а увеличение психологической дистанции.

Отмеченная строгость менеджеров ординарных компаний закономерно в условиях нелегких инновационных преобразований вызывает дополнительный стресс. Безусловно, здесь речь не идет о пользе снисходительного отношения к сопротивляющемуся персоналу. Речь идет о том, что менеджеры ординарных компаний воспринимают свой персонал более психологически старым, они используют больше административных методов, не очень заботясь о том, что называется субъективным благополучием персонала и является эмоциональным регулятором принятия инноваций. Погруженный в переживание стресса персонал, ищущий психологической защиты в кругу своих коллег, находясь в ценностном конфликте с менеджментом, начинает чувствовать себя скорее «старым», чем «молодым», вызывая к себе негативное отношение менеджмента.

Выводы

Итак, показана продуктивность подхода к оценке готовности женского персонала к внедрению инноваций с использованием понятия СПВ. Полученные данные дают первые основания для новой трактовки базиса возрастных стереотипов. Социально-психологические характеристики «старости» и «молодости» в настоящее время все более

перестают быть связанными с возрастными стереотипами, отражающими традиционную связь готовности к инновациям с молодым хронологическим возрастом. Новое основание оценки возраста проявляется как готовность к инновациям, определяя при высокой готовности социально-психологическую молодость, а при ее дефиците – социально-психологическую старость. Организационные условия и стили менеджерского поведения, проявляющиеся в организационной культуре компаний, приобретают приоритетное значение в детерминации СПВ персонала.

Авторами раскрыта сложная детерминация феномена СПВ на уровнях организационной культуры и стресса как элемента психофизиологической регуляции социально-психологического старения. Показан эффект в виде более молодого СПВ женского персонала в организационной культуре рыночно-иерархического типа с выраженным инновационным компонентом. Этот феномен проявляется не только в более молодой самооценке и оценке возраста менеджерами, но и приверженности инновационным ценностям, меньшей усталости, более хорошем состоянии здоровья независимо от хронологического возраста и класса профессии при наличии некоторой профессиональной специфики.

Список литературы

1. Бабинцев В.П., Ушамировский А.Э. 2018. Концепция субъектности молодежи как симулякр социологической науки. Научные ведомости БелГУ, 3(43): 414–419.
2. Гимпельсон В.Е. 2019. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности. Экономический журнал ВШЭ, 2(3):185–237.
3. Григорьева И.А. 2018. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера. Женщина в российском обществе, 1(86): 5–18.
4. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Коробейникова Е.В. 2017. Психологическая жизнеспособность персонала российских предприятий. Н. Новгород, ННГУ, 412 с.
5. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Мартыанова Т.В. 2018. Гендерные проявления социально-психологического возраста персонала предприятий с организационной культурой разного типа. Проблемы теории и практики управления, 7: 107–117.
6. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. 2017. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе. Женщина в российском обществе, 1: 29–40.
7. Климов Е.А. 2004. Психология профессионального самоопределения. 2004. М., Издательский центр «Академия», 304 с.
8. Bowman D. 2014. Statistical representations and stereotypes of youth labor market participation. Insights from Australia. ResearchGate. Conference Paper. July. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/268107501_Statistical_Representations_and_Stereotypes_of_Youth_Labour_Market_Participation_Insights_from_Australia (accessed 30 January 2020).
9. Brettel M., Chomik C., Flatten T.C. 2015. How organizational culture influences innovativeness, proactiveness, and risk-taking: fostering entrepreneurial orientation in SMEs. Small Business Management, 4(53): 868–885.
10. Caesens G., Stinglhamer F., Demoulin S., De Wide M. 2017. Perceived organizational support and employees' well-being: the mediating role of organizational dehumanization. European Journal of Work and Organizational Psychology, 4(26): 527–540.
11. Castellano N., Rocca A., Read R. 2019. Analyzing the gender gap in European labor markets at the NUTS-II level. Cogent Social Sciences, 1(5). [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1080/23311886.2019.1595294> (accessed 17 February 2020).
12. Cameron K.S, Quinn R.E. 2011. Diagnosing and changing organizational culture. Based on the competing values framework. Third ed. San Francisco: Jossey-Bass, 209 p.
13. Desmidt S., Prinzie A. 2019. Establishing a mission-based culture: analyzing the relation between intra-organizational socialization agents, mission valence, public service motivation, goal clarity and work impact. International Public Management Journal, 4(22): 664–690.
14. Fossen F., Sorgner A. 2019. Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs. Foresight and STI Governance, 2(13): 10–18.

15. Global Innovation Index 2019. 12th Edition / Eds S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Cornell SC Johnson College of Business. 2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report> (accessed 04 February 2020).
16. Heilman M.I. 2012. Gender stereotypes and workplace bias. *Research in Organizational Behavior*, 32: 113–135.
17. Kessler R.C., Andrews G., Colpe A. 2002. Short screening scales to monitor population prevalence and trends in non-specific psychological distress. *Psychological Medicine*, 32: 959–956.
18. Kucherov D.G., Zamulin A.L., Tsybova V.C. 2019. How young professionals choose companies: employer brand and salary expectations. *Russian Management Journal*, 1(17): 29–46.
19. Magalhaes J.P., Passos J.F. 2018. Stress, cell senescence and organismal ageing. *Mechanisms of Aging and development*, 170: 2–9.
20. Posthuma R.A. 2009. Age stereotypes in the workplace: common stereotypes, moderators, and future research directions. *Journal of Management*, 1(35): 158–188.
21. Staudinger U.M. 2015. Images of aging: Outside and inside perspectives. *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*, 1(35), 1: 187–210.

References

1. Babintsev V.P., Ushamirsky A.E. 2018. The concept of youth subjectivity as simulacrum of sociological science. *Belgorod State University Scientific Bulletin*, 3(43): 414–419 (in Russian).
2. Gimpelson V. 2019. Age and wage: stylized facts and Russian evidence. *HSE Economic Journal*, 2(3): 185–237 (in Russian).
3. Grigorieva I.A. 2019. Elderly women: over the hill – age and gender wise. *Woman in Russian Society*, 1(86): 5–18 (in Russian).
4. Zakharova L., Leonova I., Korobeynikova E. 2017. *Psikhologicheskaya zhiznesposobnost' personala rossiiskikh predpriyatii*. [Value conflict and psychological resilience of personnel at Russian Enterprises]. Nizhny Novgorod, NSU, 2017, 412 p.
5. Zakharova L.N., Leonova I.S., Martyanova T.V. 2018. Gender manifestations of socio-psychological age of the personnel in companies with organizational culture of different types. *Theoretical and Practical Aspects of Management*, 7, 7: 107–117 (in Russian).
6. Klimenko L.V., Posukhova O.Yu. 2017. Gender aspects of precarization of labour in Russian society. *Woman in Russian Society*, 1: 29–40. (in Russian).
7. Klimov E.A. *Psihologiya professional'nogo samoopredeleniya*. [Psychology of professional self-determination]. 2004. M., Izdatel'skiy centr "Akademiya", 304. (in Russian).
8. Bowman D. 2014. Statistical representations and stereotypes of youth labor market participation. Insights from Australia. ResearchGate. Conference Paper. July. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/268107501_Statistical_Representations_and_Stereotypes_of_Youth_Labour_Market_Participation_Insights_from_Australia (accessed 30 January 2020).
9. Brettel M., Chomik C., Flatten T.C. 2015. How organizational culture influences innovativeness, proactiveness, and risk-taking: fostering entrepreneurial orientation in SMEs. *Small Business Management*, 4(53): 868–885.
10. Caesens G., Stinglhamber F., Demoulin S., De Wide M. 2017. Perceived organizational support and employees' well-being: the mediating role of organizational dehumanization. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 4(26): 527–540.
11. Castellano N., Rocca A., Read R. 2019. Analyzing the gender gap in European labor markets at the NUTS-1 level. *Cogent Social Sciences*, 1(5). [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1080/23311886.2019.1595294> (accessed 17 February 2020).
12. Cameron K.S., Quinn R.E. 2011. *Diagnosing and changing organizational culture. Based on the competing values framework*. Third ed. San Francisco: Jossey-Bass, 209 p.
13. Desmidt S., Prinzie A. 2019. Establishing a mission-based culture: analyzing the relation between intra-organizational socialization agents, mission valence, public service motivation, goal clarity and work impact. *International Public Management Journal*, 4(22): 664–690.
14. Fossen F., Sorgner A. 2019. Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs. *Foresight and STI Governance*, 2(13): 10–18.
15. Global Innovation Index 2019. 12th Edition. Eds S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent.

Cornell SC Johnson College of Business. 2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report> (accessed 04 February 2020).

16. Heilman M.I. 2012. Gender stereotypes and workplace bias. *Research in Organizational Behavior*, 32: 113–135.

17. Kessler R.C., Andrews G., Colpe A. 2002. Short screening scales to monitor population prevalence and trends in non-specific psychological distress. *Psychological Medicine*, 32: 959–956.

18. Kuchеров D.G., Zamulin A.L., Tsybova V.C. 2019. How young professionals choose companies: employer brand and salary expectations. *Russian Management Journal*, 1(17): 29–46.

19. Magalhaes J.P., Passos J.F. 2018. Stress, cell senescence and organismal ageing. *Mechanisms of Aging and development*, 170: 2–9.

20. Posthuma R.A. 2009. Age stereotypes in the workplace: common stereotypes, moderators, and future research directions. *Journal of Management*, 1(35): 158–188.

21. Staudinger U.M. 2015. Images of aging: Outside and inside perspectives. *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*, 1(35), 1: 187–210.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Захарова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии управления Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Леонова Елена Сергеевна, доктор медицинских наук, профессор кафедры профилактической медицины ФДПО Приволжского исследовательского университета Минздрава России, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE ATHORS

Irina S. Leonova, Candidate of Sociological Sciences, associate professor of the Department of field and applied sociology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Liudmila N. Zakharova, Doctor of Psychological Sciences, head of the Department of psychology of management, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Elena S. Leonova, Doctor of Medical Sciences, professor of Department of preventive medicine of the faculty of continuing professional education, Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Kazan, Russia

УДК 316.344

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-259-270

Жизненные шансы в российской провинции

Реутов Е.В., Реутова М.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: reutovevg@mail.ru, reggina77@mail.ru

Аннотация. Дифференциация географического, социального и культурного пространства России на «центр» и «провинцию» выражается в объективном и субъективном неравенстве возможностей достижения жизненных целей и успеха. Узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей региональных экономик, засилье nepoтизма и иных проявлений клановости консервируют традиционалистские ценности большей части жителей российской провинции, формируют неудовлетворенность социальной ситуацией и выталкивают наиболее амбициозных людей за пределы провинциальных социумов. Тем самым российское общество продолжает воспроизводить модель дифференцированного пространственного развития, а провинция остается преимущественно источником ресурсов для ограниченного количества точек роста и инноваций в стране.

Ключевые слова: провинция, пространственная дифференциация, жизненный успех.

Благодарности: работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00474 «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции».

Для цитирования: Реутов Е.В., Реутова М.Н. 2020. Жизненные шансы в российской провинции. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 259–270. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-259-270

Living chance in the russian province

Evgenij V. Reutov, Marina N. Reutova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: reutovevg@mail.ru, reggina77@mail.ru

Abstract. Life chances are considered as the probability of achieving life success, determined by the combination of external conditions (social, institutional, infrastructural) and the strength of the internal motivation of an individual or group. The differentiation of the geographical, social and cultural space of Russia into a «center» and a «province» is expressed, among others, in the objective and subjective inequality of opportunities to achieve life goals and success. The inequality of life chances is acutely recognized by the inhabitants of the Russian province in relation to the economic and cultural «centers» of the country, as well as within the provincial society - between villages and small towns, on the one hand, and regional centers, on the other. The narrowness of labor markets, the low level of salaries in most sectors of the regional economies, the dominance of nepotism and other manifestations of clanism preserve the traditionalist values of the majority of the inhabitants of the Russian province, form dissatisfaction with the social situation and push the most ambitious people beyond the boundaries of provincial societies. Thus, Russian society continues to reproduce the model of differentiated spatial development, and the province remains mainly a source of resources (labor, intellectual, etc.) for a limited number of growth points and innovations in the country.

Keywords: province, spatial differentiation, life chances, life success.

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR. Grant «Mental inequality as a factor of social polarization of Russian province» № 18-011-00474.

For citation: Reutov E.V., Reutova M.N. 2020. Living chance in the russian province. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 259–270 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-259-270

Введение

Осмысление неоднородности социально-экономического, административно-политического и культурного пространства России, помимо иных аналитических концептов, включает измерение «центр – провинция». При всей его условности, использование в научном дискурсе такой модели пространственной и социокультурной дифференциации способствует лучшему пониманию разломов и неравенств российского общества, в основе которых лежат экономические, политические, природно-географические, демографические и социокультурные факторы. Имея первоначально политико-географический смысл (в буквальном переводе с латинского *provincia* – «подвластная территория»), понятие «провинция» стало рассматриваться в более широком культурологическом контексте: «рассматривая хронотоп русской провинции с учетом историко-философских, культурологических, социально-нравственных идей, рожденных в России последних (как минимум) полутора столетий, можно установить, что русская провинция предстает как явление специфическое, мало зависимое от географических координат, имеющее корни в душе человеческой не менее, чем в истории» [Злотникова и др., 2014, с. 129].

Провинциализм часто несет в себе негативные коннотации – как нечто несовершенное, уступающее по уровню развития центру, особенно в условиях жесткой политической централизации. В.Б. Звоновский отмечает, что «под влиянием внешних факторов и целенаправленных действий государства российская провинция долгое время оставалась неполной провинцией, социальной периферией, центр которой находился в столице государства – Москве» [Звоновский, 2003, с. 85]. Однако и современные практики политического управления России, несмотря на закрепленные в Конституции федерализм и де-юре независимое от государственной власти местное самоуправление, зачастую связаны с жестким контролем, а то и подавлением любых проявлений суверенитета локальных общностей. С.Г. Кордонский с соавторами отмечают аксиологическую и методологическую позицию политических элит, «при которой страна рассматривается как объект подражательного реформирования, а не как самобытная и в значительной степени самодостаточная реальность» [Кордонский и др., 2011, с. 5]. По итогам масштабной работы по составлению социокультурных портретов регионов России во второй половине 2000-х гг. Н.И. Лапиным отмечено следующее: «Достаточно высокий по своему уровню культурный потенциал регионов (то есть, по большому счету, провинции) лишь в небольшой своей части трансформируется в культурный капитал. Имеются социально-институциональные факторы, целые сферы деятельности, которые тормозят развитие регионов. В них сосредотачиваются и консервируются негативные характеристики, которые способствуют депрессивному состоянию всего региона» [Лапин, 2010, с. 33].

Под провинцией мы будем понимать совокупность территорий, находящихся на достаточном удалении от административно-политического и культурного центра (центров) государства, а также точек инновационного экономического роста и несущих на себе отпечаток зависимости и вторичности в воспроизводстве социальных практик и отношений.

Разделение России на центр и провинцию или Москву и регионы, а зачастую и противопоставление их друг другу присутствует и в массовом сознании россиян, большая часть которых – именно жители провинции. Острота такого противопоставления, возмож-

но, несколько снизилась с 1990-х гг. – по причинам, связанным с ростом трудовой мобильности россиян, развитием новых макрорегиональных центров экономического роста (Санкт-Петербург, Краснодар), формированием, благодаря интернету, единого информационного пространства. Можно предположить, что в массовом сознании россиян неравномерность территориального развития и неоднородность социального пространства в настоящее время осознается уже не в терминологии системного конфликта, а в понятийном конструкте жизненных шансов – как с точки зрения их неравенства для жителей «центра» и «провинции», так и в отношении тех возможностей, которые мегаполисы предлагают всем амбициозным провинциалам.

Жизненные шансы в качестве комплекса условий для достижения индивидом желаемого статуса, но в большей мере фактора социальной дифференциации и классовой структуры рассматривал М. Вебер. Принадлежность к «классу» М. Вебер определял через «типичные шансы получения прибавочного продукта, внешние условия жизни и личный жизненный опыт, поскольку эти шансы детерминированы объемом и видом власти (либо недостатком таковой) распоряжаться товарами или квалификацией в целях получения дохода в рамках данного экономического порядка» [Вебер, 1994, с. 148].

Трактовка жизненных шансов М. Вебера получила дальнейшее развитие в рамках современной социологии. Концепцию жизненных шансов, встроенную в теорию конфликта, Р. Дарендорф начал развивать во второй половине 1970-х гг. [Dahrendorf, 1979] и систематизировал в 1990-х. О роли концепта «жизненных шансов» в осмыслении социального конфликта говорит его высказывание: «Конфликты современного общества связаны именно с жизненными шансами людей» [Дарендорф, 2002, с. 33]. Трактую жизненные шансы как «нечто большее, чем предпосылки действия, и все же меньшее, чем фактические действия» [Дарендорф, 2002, с. 33], Р. Дарендорф указывал на виртуальный характер жизненных шансов, на тот потенциал для достижения жизненного успеха конкретным индивидом, который лишь заложен в комбинации институциональных и экономических условий, на значимость для реализации жизненных шансов той мотивации, которая формируется у индивида благодаря переплетению культурных ценностей и субъективного целеполагания: «Когда речь пойдет о цели повышения и увеличения человеческих опций, мы будем говорить просто о жизненных шансах... Это, однако, известное упрощение. Жизненные шансы лишь частью являются опциями; другая их часть связана с координатами, внутри которых опции обретают смысл... Вероятно, здесь можно говорить о некоей глубинной культуре, поддерживающей и направляющей людей» [Дарендорф, 2002, с. 35].

Э. Гидденс рассматривал жизненные шансы как «возможности, которыми индивид обладает при распределении социально созданных экономических или культурных благ, присутствующих обычно в любом обществе» [Giddens, 1973, с. 130]. Д. Эйцен и М. Зинн отмечают, что характерная особенность жизненных шансов состоит в том, что они описывают долгосрочную ситуацию в жизни, характеризуя шансы на «качественную жизнь» и «благоприятный опыт на протяжении всего жизненного пути» [Цит. по: Аникин, 2018, с. 46]. Р. Брин задавался вопросом, в какой степени такие вещи, как неравенство в жизненных шансах между индивидами и семьями, структурированы на основе класса и предлагал рассматривать имеющиеся у индивидов жизненные шансы в контексте доступа к редким и ценным благам [Breen, 2005]. В современном обществе, в котором доминирует индивидуализм и возникает, казалось бы, множество шансов, что можно охарактеризовать как «жизнь в мире, полном возможностей, каждая из которых более привлекательна, чем предыдущая» [Бауман, 2008, с. 70], далеко не каждый индивид может в полной мере реализовать эти шансы.

В современной отечественной социологии есть немало исследований, посвященных жизненным шансам представителей различных социальных групп применительно к тем или иным сферам общественной жизнедеятельности [Кузьмина, 2013; Пинская и др., 2014; Ильин, 2019; Каравай, 2019]. Представителями социологии при исследовании лич-

ных планов учащейся молодежи отмечено существование «закономерных связей между факторами, определяющими социальные позиции молодежи (пол, место жительства, социальное происхождение), и их ориентациями и ожиданиями при подготовке в учебные заведения» [Чередниченко, 2005]. То есть речь идет фактически о том же самом наборе альтернативных жизненных траекторий, спектр которых шире, или уже в зависимости от ряда статусных позиций индивида.

Основываясь на существующих в научной литературе трактовках, можно определить жизненные шансы как задаваемую внешними условиями (социальными, институциональными, инфраструктурными) и силой внутренней мотивации индивида или группы вероятность достижения жизненного успеха.

Поскольку жизненные шансы – это, так или иначе, вероятность достижения жизненных целей, при их исследовании необходимо понимание того, какова иерархия жизненных целей в том или ином сообществе и что является критериями жизненного успеха. В российском обществе традиционализм и консерватизм не только обусловлены социокультурной матрицей, но и выполняют компенсационную функцию в условиях непредсказуемости изменений и невозможности большей части населения влиять на принятие политических решений. Соответственно, цели, ценности и установки людей в значительной мере связаны с воспроизводством привычных макро-, но главным образом, микросоциальных структур и процессов, которые, по крайней мере, предсказуемы и не обладают потенциалом внутренних и внешних конфликтов.

Эмпирическая база и методы исследования

Эмпирической базой статьи являются данные социологического исследования «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции», проведенного в Белгородской и Воронежской областях в 2018–2019 гг. В качестве методов сбора информации выступали массовый анкетный опрос (N = 1200 респондентов) и интервьюирование (N = 50 респондентов). Выборочная совокупность анкетного опроса формировалась на основе квотной выборки; параметрами квотирования выступали пол, возраст, поселенческий статус. Белгородская и Воронежская области были представлены равным количеством респондентов. Для отбора участников интервью использовалась стихийная выборка, но с обязательным представительством жителей крупных и малых городов, а также сел и поселков.

Выбор регионов исследования был обусловлен тем, что Белгородская и Воронежская области являются достаточно типичными территориями Российской Федерации. Так, показатели их экономического и демографического развития близки к общероссийским. При этом сами эти регионы отличаются друг от друга размером, численностью населения и в определенной степени уровнем провинциализма.

Основные результаты

При изучении жизненных шансов важно понимать конфигурацию локусов контроля в осознании индивидом возможностей влияния на собственную жизненную траекторию. Так, доминирование внешнего либо, наоборот, внутреннего локуса контроля способно ослабить или, соответственно, усилить действенность внешних по отношению к индивиду условий его самореализации. Чем сильнее выражен внутренний локус контроля, тем больше вероятность проявления индивидом активных адаптационных стратегий. Хотя, конечно, данная ситуация содержит в себе и риск фрустрации – например, в случае сильного диссонанса между явно выраженным внутренним локусом контроля и «барьерными» по отношению к вертикальной мобильности внешними обстоятельствами.

Согласно результатам исследования, ни внутренний, ни внешний локус контроля нельзя отнести к однозначно доминирующим в осмыслении факторов достижения жиз-

ненного успеха. Так, для 60,3 % опрошенных личные усилия и активность являются ключевым фактором достижения или недостижения богатства и успеха. На втором по значимости месте находится помощь со стороны ближайшего окружения индивида, особенно микрогрупповой социализации, выраженные в нашем исследовании параметром «семейное воспитание, помощь семьи и родственников». Его роль в достижении богатства и успеха отметили 40,2 % опрошенных. На третьем месте – стечение обстоятельств, судьба (22,8 %), которые отражают не зависящие ни от индивида, ни от социума обстоятельства. Несправедливость общественного устройства – параметр, в наибольшей мере выражающий внешнюю локализацию жизненного успеха и социального неравенства, находится по своей значимости на четвертом месте (18,8 %). Изначальное неравенство способностей, заложенное самой природой, отметили 15,2 % опрошенных.

Следует отметить наличие четкой обратной связи возраста респондентов и субъективной роли личных усилий в достижении жизненного успеха. Если среди респондентов 60 лет и старше на значимость данного фактора указали 44,2 % опрошенных, то среди представителей возрастной группы 40–59 лет – 55,7 %, 30–39 лет – 63,7 %, а среди молодежи 18–29 лет – 78,6 %. При этом среди молодежи – и наиболее значительная доля тех, кто считает достижение или недостижение жизненного успеха производной от семейного воспитания и помощи семьи и родственников. То есть значительная часть респондентов, особенно молодежи, не усматривает никакого внутреннего противоречия в сочетании двух, казалось бы, различающихся по своему характеру факторах достижения жизненного успеха.

Таким образом, личная активность, хотя и оказалась во главе иерархии факторов достижения жизненного успеха, уступила совокупности всех остальных факторов, имеющих отношение уже к внешнему локусу контроля жизненной ситуации. Многие респонденты, ставящие в основу жизненного успеха личные усилия, считают их все же не вполне эффективными без благоприятствующих им внешних обстоятельств, основным из которых является социальный капитал семьи. Значимость семейно-родственных сетей как ведущего адаптационного ресурса домохозяйств и ресурса развития индивида в современном российском обществе доказано многочисленными исследованиями, в том числе проведенных авторами данной статьи [Реутов и др., 2019].

Основным критерием жизненного успеха для жителей российской провинции, как уже отмечалось авторами, является семейное счастье, субъективно значимое для 64,3 % опрошенных. На втором месте находится материальное благополучие (41,5 %). Важно отметить, что и первый, и второй параметры жизненного успеха, по большому счету, характеризуют приватную сферу. Напротив, профессиональная самореализация, которая выходит за пределы приватности, в качестве критерия жизненного успеха декларируется лишь 26,5 % опрошенных. Еще в меньшей мере достигательские стратегии, лежащие за пределами приватной сферы, связываются с карьерой, которая в качестве критерия жизненного успеха значима лишь для 13,8 % респондентов (среди молодежи 18–29 лет – 21,0 %). На полный отказ от какой-либо личной и социальной активности ориентированы 14,8 % опрошенных – те, которые в качестве критерия жизненного успеха выбрали тихую, спокойную жизнь (чаще всего это респонденты 60 лет и старше – 24,9 %). Малозначимыми критериями жизненного успеха являются признание, одобрение со стороны окружающих (8,9 %) и яркие впечатления (7,3 %) [Реутов, Реутова, 2019, с. 416].

Институциональная структура жизненных шансов задается, прежде всего, институтами образования и рынка труда. Первый формирует профессионально-трудовой потенциал человека, второй способствует его реализации, в том числе исходя из таких жизненных целей, как карьера, профессиональная самореализация и материальное благополучие. Как свидетельствуют данные С.В. Мареевой, «среди наиболее распространенных жизненных целей самым сложным для россиян представляется достижение хорошего заработка и престижной работы, в то время как наиболее доступна возможность быть профессиона-

лом в своей области (считают, что уже добились этого или смогут добиться 86 %; насколько этот профессионализм действительно такого уровня – отдельный вопрос, но в данном случае для нас важны именно субъективные оценки). Высока и доля тех, кто оптимистично оценивает возможности иметь интересную работу и заниматься любимым делом – они составляют более 70 % населения» [Мареева, 2019, с. 333].

И данные массового опроса, и результаты интервью свидетельствуют о достаточно высокой значимости роли образования в субъективном осмыслении факторов жизненного успеха. Многие участники интервью заявляли об этом с категоричностью: «Какова, по-Вашему, роль образования в достижении жизненного успеха? – Высокая. Образование на первом месте (мужчина, 66 лет, поселок, районный центр); «Если человек необразован, он вообще в эти круги [успешных людей] никогда не попадет» (мужчина, 50 лет, село); «Первая, главная, основа, вообще, характера – как учишься, тем и получишься» (женщина, 33 года, город, районный центр).

Некоторые суждения были не столь однозначными. В них образование рассматривалось, скорее, как один из факторов жизненного успеха, и не всегда самый главный: «Нельзя сказать, что без образования нельзя что-то достичь. Можно. Но с образованием людей, которые что-то достигают, процент выше. Образование играет роль, может быть, не ключевую» (мужчина, 53 года, поселок, районный центр); «Ну, образование – это фундамент, а вот что потом как получится дальше – это уже от очень многих факторов зависит. Но и без образования совершенно тоже нельзя. Все-таки образование кругозор расширяет, дает основу» (мужчина, 53 года, город, районный центр).

Но встречались и высказывания, негативные по отношению к образованию как фактору жизненного успеха: «Никакой роли нет. Минимальная. Фактически никакой» (женщина, 50 лет, город, районный центр); «В современной России, я считаю, образование утеряло свою прежнюю роль» (женщина, 26 лет, областной центр).

Количественная оценка роли образования в достижении карьерного и материального благополучия, полученная в ходе массового опроса, оказалась относительно невысокой, но и не низкой. По 5-балльной шкале (где 1 – самая малая, 5 – очень большая) оценка роли образования составила 3,58 балла. При этом 14,5 % опрошенных склонны считать эту связь слабой или скорее слабой, а 53,3 % – сильной или достаточно сильной (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос: «С Вашей точки зрения, какую роль в нынешних российских условиях играет образование в достижении человеком карьерного и материального успеха?», %
 Distribution of answers to the question: «From your point of view, what role does education play in the achievement of human career and material success in the current Russian conditions? %

Значения	Частота	% от опрошенных
3,0 = 3,3	388	32,3
3,8 = 4,1	360	30,0
4,6 = 5,0	279	23,3
1,8 = 2,1	123	10,3
1,0 = 1,3	50	4,2
ИТОГО:	1200	100,0

Примечание: среднее (индекс): 3,58 ± 0,06

Таким образом, лишь половина жителей российской провинции рассматривает институт образования в качестве работающего канала восходящей социальной мобильности, а образование – как прикладной культурный капитал. Но при этом и достаточно заметная часть населения не считает их значимыми для индивидуального жизненного успеха, а относительное большинство опрошенных (32,2 %) оценило вклад образования достаточно скромно. Характерно, что молодежь 18–29 лет оценивает вклад образования в достижение жизненного успеха скромнее, чем по выборке в целом – в 3,28 балла, что свидетельствует о более аномическом мировоззрении молодого поколения, может быть, в определенной мере – о принятии неопределенности в качестве основополагающего параметра современного общества.

И что важно, еще ниже, хотя и ненамного, оказалась оценка респондентами реальных возможностей получения качественного образования в месте своего проживания. Она составила 3,27 балла по 5-балльной шкале. Низкую и очень низкую оценку при этом дали при этом 21,4 % опрошенных, высокую и достаточно высокую – 42,6 %. Относительное большинство респондентов (35,9 %) предпочло остановиться на среднем значении оценочной шкалы. Вполне предсказуемо более высокие оценки возможностям получения качественного образования дают респонденты, проживающие в городах с населением свыше 100 тыс. человек (3,43 балла), нежели те, кто живет в городских поселениях с населением менее 100 тыс. (3,05 балла) или в сельской местности (3,11 балла), хотя эта разница не так уж существенна. Оценка молодежи 18–29 лет (3,25 балла) практически соответствует среднему по выборке значению (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов на вопрос: «Оцените по 5-балльной шкале возможности получения качественного образования в месте Вашего проживания (1 – самые малые, 5 – очень большие)», абс., %
Distribution of answers to the question: «Evaluate on a 5-point scale the possibility of obtaining a quality education in your place of residence (1 – the smallest, 5 – very large)», abs., %

Значения	Частота	% от опрошенных
3,0 = 3,3	431	35,9
3,8 = 4,1	370	30,8
1,8 = 2,1	178	14,8
4,6 = 5,0	142	11,8
1,0 = 1,3	79	6,6
ИТОГО:	1200	100,0

Примечание: среднее(индекс): $3,27 \pm 0,06$.

Таким образом, даже в таких достаточно благополучных субъектах федерации, как Белгородская и Воронежская области, образовательные институты далеко не всегда могут удовлетворить запрос граждан на качественное образование, вынуждая молодых людей к образовательной миграции – как правило, в Москву и Санкт-Петербург, а иногда – и за пределы России. По результатам всероссийского опроса ВЦИОМ (2019 г., телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов), 30 % опрошенных россиян хотели бы, чтобы их дети или внуки (как имеющиеся, так и потенциальные) получили образование за

рубежом, а у 1 % респондентов дети или внуки уже учатся в других странах [Высшее образование...].

Но даже качественное образование, как отмечалось ранее, не гарантирует реализации жизненных планов, достижения материального и профессионального успеха. Слабая дифференциация большинства региональных экономик, узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей, распространенность nepoтизма и иных проявлений клановости не способствуют реализации жизненных планов, связанных с карьерой и профессиональным ростом, и оказывают фрустрирующее воздействие на общественное сознание. В особенности это относится к выпускникам высших учебных заведений, которые сразу по выходу сталкиваются с комплексом проблем, прежде всего, трудоустройства по полученной специальности.

Как свидетельствуют данные общероссийских исследований, в общественном мнении россиян «пространство типичных жизненных шансов у жителей российских столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) представляется в целом шире, чем у жителей провинций, и проживание в столицах связано с большими возможностями для населения в разных сферах» [Мареева, 2018, с. 369]. По данным нашего исследования, условия провинции далеко не всегда позволяют самореализацию в профессионально-деловой сфере. Так, значительная доля респондентов (42,1 %) убеждена в том, что без связей, «блата» в их городе, районе невозможно ни хорошее трудоустройство, ни карьерный рост, ни эффективная предпринимательская деятельность и иные способы профессиональной самореализации. Безусловно, это субъективная оценка, но в ее основании лежат не только стереотипы, но и личный опыт либо опыт, транслируемый в привычных кругах коммуникации. И эта оценка зачастую трансформируется в соответствующую установку, оказывающую негативное воздействие на индивидуальную активность либо канализирующую ее в иных направлениях (миграция, уход в private practices, саморазрушающее поведение и пр.). Еще 32,3 % опрошенных отметили наличие в месте их проживания возможностей для трудоустройства, карьерного роста, развития предпринимательства, но с тем условием, что воспользоваться ими могут лишь очень способные и целеустремленные люди. И лишь 15,9 % респондентов отметили наличие в их городе или районе большого объема возможностей в профессионально-деловой сфере для всех (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Распределение ответов на вопрос: «Как вы думаете, в вашем городе или районе есть все возможности для трудоустройства, карьерного роста, развития предпринимательства и других способов профессиональной самореализации?», %

Distribution of answers to the question: «Do you think that your city or region has all the opportunities for employment, career growth, entrepreneurship and other ways of professional self-realization?», %

Значения	Частота	% от опрошенных
Да, таких возможностей много; дело лишь в желании	191	15,9
Такие возможности есть, но воспользоваться ими могут лишь очень способные и целеустремленные люди	387	32,3
Такие возможности есть только для тех, у кого есть родственные связи, «блат»	505	42,1
Затрудняюсь ответить	117	9,7
ИТОГО:	1200	100,0

Поставленные в ходе проведения полуформализованных интервью вопросы о возможности реализации жизненных шансов и достижении жизненного успеха в месте своего проживания выявили преобладание крайне скептических представлений о соответствующих условиях в селах, малых, а зачастую и крупных городах российской провинции. Безусловно, в ходе интервью фиксировались и высказывания респондентов о том, что активный человек сможет найти свою нишу и достичь жизненного успеха даже в глухой провинции: *«Как вы считаете, где больше шансов преуспеть, добиться успеха в жизни – там, где вы проживаете или где-то в другом месте? – Можно везде абсолютно. Возможно... Ну, конечно, в городе больше вариантов. Но можно и здесь. Вообще проще преуспеть там, где больше людей, потому что в основном на людях деньги зарабатывают. Но, в принципе, можно и в деревне взять 100 гектар. И сажай, выращивай, вези в город. Или в город езжай. Можно везде при желании. А если нету желания, то и под носом ничего не будешь видеть, ничего не делать»* (мужчина, 31 год, село).

Но в подавляющем большинстве случаев в ответах респондентов просматривалась или было прямо выражена неудовлетворенность социальной ситуацией, состоянием рынка труда и набором условий для самореализации в месте своего проживания. В меньшей степени это касается крупных городов, особенно Воронежа, в гораздо большей – сел и поселков, в том числе, районных центров. При этом часть респондентов, хотя и небольшая, в качестве предпочтительных по объему жизненных шансов территорий указывала другие страны. И, что также следует отметить, негативные оценки жизненным шансам в провинции давали представители абсолютно всех возрастных групп: *«Если я захочу чего-то добиться в любом городе, я добьюсь, потому что врачи везде нужны, но в то же время я повторяю, что в таких городах, как Москва и Питер, если я буду хорошим специалистом, то там меня будут ценить больше»* (женщина, 18 лет, живет в селе, учится в областном центре); *«В нашем случае, в России шансов чего-то достичь – это только крупный город. Москва, конечно, прежде всего. Уровень жизни Москвы и всей остальной России – разный»* (мужчина, 53 года, райцентр); *«Людам всегда кажется, что трава зеленее у соседей в саду. Успех практически не зависит от местоположения, но если учесть некоторые особенности нашей области (воровство проектов, обязательные условия открытия), возможно, где-то в другом месте. – А где именно? В другом населенном пункте вашего региона, в другом регионе России или за ее пределами? – За пределами России»* (женщина, 22 года, областной центр); *«У нас не все находят работу, которая нравится. Лучшие уезжают куда-то. У нас нет работы»* (женщина, 60 лет, село); *«Я думаю, перспектива в нашем городе только одна – это все, что непосредственно связано с сельским хозяйством. Мне хотелось бы, чтобы это был другой совсем даже регион. Может быть, даже за пределами России. Я, конечно, была бы безумно счастлива, если бы дети реализовали себя где-то в другой стране»* (женщина, 39 лет, райцентр).

Таким образом, российская провинция предоставляет жизненные шансы, прежде всего, тем, кто способен ими воспользоваться – наиболее активным и амбициозным людям, а также обладателям значительного по объему социального капитала, связанного в основном с семейными ресурсами и связями. В пространственном отношении жизненные шансы распределяются неравномерно – их объем в субъективных оценках жителей достаточно сильно варьирует от сел до областных центров. Но даже в последних жизненные шансы несопоставимы с возможностями мегаполисов или стран Западной Европы, Северной Америки и Китая. И, главное, в огромном количестве случаев жизненные шансы российской провинции сводятся к возможности старта в те самые мегаполисы России или за ее пределы.

Заключение

Рассматривая жизненные шансы как вероятность достижения жизненного успеха, определяемую совокупностью внешних условий (социальных, институциональных, ин-

фраструктурных) и силы внутренней мотивации индивида или группы, следует отметить их пространственную детерминацию. Дифференциация географического, социального и культурного пространства России на «центр» и «провинцию» имеет давнюю традицию, связанную с тем, что «центр», столица выступали триггером экономического, политического и культурного развития периферии. Эта неравномерность сохраняется до настоящего времени и выражается, в том числе, в объективном и субъективном неравенстве возможностей достижения жизненных целей и успеха. Неравенство жизненных шансов достаточно остро осознается жителями российской провинции как применительно к экономическим и культурным центрам – Москве и Санкт-Петербургу, так и внутри провинциального социума – между селами и малыми городами, с одной стороны, и областными центрами, с другой.

Однако все же провинциальные социумы предстают более гомогенными по объему жизненных шансов, точнее, по барьерам и ограничениям их реализации. Узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей региональных экономик, зачастую засилье nepoтизма и иных проявлений клановости консервируют традиционалистские ценности большей части жителей российской провинции и в то же время формируют неудовлетворенность социальной ситуацией и выталкивают наиболее амбициозных людей за пределы провинциальных социумов. Применительно к молодежи – это еще и неудовлетворенность условиями для получения качественного образования, особенно в малых городах и сельской местности. Тем самым российское общество продолжает воспроизводить модель дифференцированного пространственного развития, а провинция остается преимущественно источником ресурсов (трудовых, интеллектуальных и пр.) для ограниченного количества точек роста и инноваций в стране.

Список источников

Высшее образование с иностранным акцентом. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9930> (дата обращения 02.10.2019).

Список литературы

1. Аникин В.А. 2018. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 4: 39–67.
2. Бауман З. 2008. Текущая современность/ пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочкова. Спб., Питер, 240 с.
3. Вебер М. 1994. Основные понятия стратификации. Социологические исследования, 5: 147–156.
4. Дарендорф Р. 2002. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., РОССПЭН, 284 с.
5. Звоновский В.Б. 2003. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты. Общественные науки и современность, 1: 78–89.
6. Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Летина Н.Н., Киященко Л.П. 2014. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры. Вопросы философии, 11: 126–136.
7. Ильин В.И. 2019. Старый русский Север как пространство жизненных шансов: история и современность. Журнал Фронтальных исследований, S4.2 (16): 310–330.
8. Каравай А.В. 2019. Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества. TERRA ECONOMICUS, 3: 128–145.
9. Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э., Бойков Д.В. 2011. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания). Мир России, 1: 3–33.
10. Кузьмина Е.И. 2013. Социальные неравенства и жизненные выборы молодежи. Вестник МГМО Университета, 6: 230–232.

11. Лапин Н.И. 2010. Новые проблемы исследований региональных сообществ. Социологические исследования, 7: 28–37.
12. Мареева С.В. 2018. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 6: 365–385.
13. Мареева С.В. 2019. Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 3: 324–344.
14. Пинская М.А., Косарецкий С.Г., Груничева И.Г. 2014. Жизненные шансы для всех учеников. Образовательная панорама, 1: 10–16.
15. Реутов Е.В., Реутова М.Н. 2019. Ментальность жителей российской провинции: устремленность в будущее и способы его достижения. Научные ведомости Белгородского государственного университета: Философия. Социология. Право, 3: 410–418.
16. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. 2019. Реципрокность в сетях взаимопомощи (на материалах регионального исследования). Социологические исследования, 3: 106–117.
17. Чередниченко Г.А. 2005. Личные планы выпускников средней школы. Социологические исследования, 7: 114–117.
18. Breen, R. 2005. Foundations of a neo-Weberian class analysis. In E. Wright (Ed.). Approaches to Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press: 31–50.
19. Dahrendorf R. 1979. Life chances. Approaches to social and political theory. Chicago: University of Chicago Press, 181 p.
20. Giddens A. 1973. The Class Structure of the Advanced Societies. London: Hutchinson, 336 p.

References

1. Anikin V.A. 2018. Social'naya stratifikaciya po zhiznennym shansam: popytka operacionalizacii dlya massovyh oprosov [Social stratification based on life chances: operationalization for mass surveys]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny, 4: 39–67.
2. Bauman Z. 2008. Tekuchaya sovremennost' [Liquid Times]. SPb.: Piter, 240 p.
3. Weber M. 1994. Osnovnye ponyatiya stratifikacii [Basic concepts of stratification]. Sociologicheskie issledovaniya, 5: 147–156.
4. Dahrendorf R. 2002. Sovremennyy social'nyj konflikt. Ocherk politiki svobody [Der moderne soziale Konflikt. Essay zur Politik der Freiheit]. Moscow: POSSPAN, 284 p.
5. Zvonovskij V.B. 2003. Rossijskaya provinciya: massovoe soznanie i social'nye instituty [Russian province: mass consciousness and social institutions]. Obshchestvennye nauki i sovremennost', 1: 78–89.
6. Zlotnikova T.S., Erohina T.I., Letina N.N., Kiyashchenko L.P. 2014. Russkaya provinciya v filosofskom diskurse: konceptualizaciya metafory. [Russian province in philosophical discourse: conceptualization of metaphor]. Voprosy filosofii, 11: 126–136.
7. Il'in V.I. 2019. Staryj russkij Sever kak prostranstvo zhiznennyh shansov: istoriya i sovremennost' [The old russian north as a space of life chances: history and contemporary period]. Zhurnal Frontirnyh issledovanij, S4.2 (16): 310–330.
8. Karavaj A.V. 2019. Osnovnye modeli social'no-ekonomicheskoy adaptacii v raznyh stratah rossijskogo obshchestva [Basic models of socio-economic adaptation in different strata of Russian society]. Terra economicus, 3: 128–145.
9. Kordonskij S.G., Plyusnin Yu.M., Krasheninnikova Yu.A., Tukaeva A.R., Morgunova O.M., Ahunov D.E., Bojkov D.V. 2011. Rossijskaya provinciya i ee obitateli (opyt nablyudeniya i popytka opisaniya). [Russian province and its inhabitants (observation experience and attempt to describe)]. Mir Rossii, 1: 3–33.
10. Kuz'mina E.I. 2013. Social'nye neravenstva i zhiznennye vybory molodezhi [The youth in Russia: inequalities and living choices]. Vestnik MGMO Universiteta, 6: 230–232.
11. Lapin N.I. 2010. Novye problemy issledovanij regional'nyh soobshchestv. [New problems in the study of regional communities]. Sociologicheskie issledovaniya, 7: 28–37.

12. Mareeva S.V. 2018. Zhiznennye shansy zhitel'ev stolic i provincij v massovom soznanii. [Life chances of population in capitals and provinces in mass consciousness]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 6: 365–385.
13. Mareeva S.V. 2019. Neravenstvo zhiznennykh shansov rossiyan v sfere balansa zhizni i truda [Inequality of life chances in worklife balance of Russians]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 3: 324–344.
14. Pinskaya M.A., Kosareckij S.G., Grunicheva I.G. 2014. Zhiznennye shansy dlya vsekh uchениkov [Vital Opportunities for All Pupils]. *Obrazovatel'naya panorama*, 1: 10–16.
15. Reutov E.V., Reutova M.N. 2019. Mentality of the residents of the Russian province: aspiration for the future and methods of its achievement. *Belgorod State University Scientific bulletin. Issues Philosophy. Sociology. Law*. 3: 410–418. (In Russian)
16. Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. 2019. Reciproknost' v setyah vzaimopomoshchi (na materialah regional'nogo issledovaniya). [Reciprocity in mutual aid networks (on the data of a regional study)]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 3: 106–117.
17. Cherednichenko G.A. 2005. Lichnye plany vypusknikov srednej shkoly. [Personal high school graduate plans]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 7: 114–117.
18. Breen, R. 2005. Foundations of a neo-Weberian class analysis. In E. Wright (Ed.), *Approaches to Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press: 31–50.
19. Dahrendorf R. 1979. *Life chances. Approaches to social and political theory*. Chicago: University of Chicago Press, 181 p.
20. Giddens A. 1973 *The Class Structure of the Advanced Societies*. London: Hutchinson, 336 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Реутов Евгений Викторович, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Реутова Марина Николаевна, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenij V. Reutov, associate professor of the Department of social technologies and public administration, Institute of economics and management, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Marina N. Reutova, associate professor of the Department of social technologies and public administration, Institute of economics and management, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 331.1, 316.3, 316.4
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-271-280

Управление проектной командной работой как социальным техно пакетом

¹Федотова М.А., ²Полушин П.В.

¹Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Россия, г. Москва, 125993, Волоколамское шоссе, 4
²Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
Россия, г. Москва, 129366, ул. Бориса Галушкина, 4
E-mail: fedotova-ma@yandex.ru, petr-poluchin@rambler.ru

Аннотация. Предложена авторская интерпретация развития теории социальных технологий на базе концепции соционавигации в виде техно пакетного подхода к системному управлению проектной командной работой, основанная на представлении этой деятельности как процесса в технологической сети («техно пакета» – ТП). Определены актуальные проблемы системного управления проектной командной работой, решение которых необходимо для повышения эффективности управленческой практики. Введены дополнительные понятия: «развивающая» технология, представляющая собой технологию развития, ключевой, «замыкающей» технологии ТП, которая позволяет совершенствовать ТП, адаптируя его к социальным и технико-технологическим изменениям; «оптимизирующая» технология – позволяющая оптимизировать параметры используемых «базовой» и «продуктовых» технологий. Предложена концепция интегральной системы моделей информационного субпакета техно пакета «системное управление проектной командной работой», основанная на «мягких» вычислениях (МАИ/МАС – технологиях Т. Саати).

Ключевые слова: социальные технологии, соционавигация, техно пакет, МАИ/МАС – технологии Т. Саати, интегральная система моделей, информационный субпакет.

Для цитирования: Федотова М.А., Полушин П.В. 2020. Управление проектной командной работой как социальным техно пакетом. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 271–280. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-271-280

Management of project teamwork as a social technology package

Marina A. Fedotova¹, Pyotr V. Polushin²

¹Moscow aviation institute (National research university)",
4 Volokolamsk highway, Moscow, 125993, Russia
²Academy of The state fire service of the EMERCOM of Russia
4 Boris Galushkin St, Moscow, 129366, Russia
E-mail: fedotova-ma@yandex.ru, petr-poluchin@rambler.ru

Abstract. The author's interpretation of the development of the theory of social technologies based on the concept of socionavigation in the form of a Technopack approach (TP – approach) to the system management of project teamwork, based on the representation of this activity as a process in the technological network ("Technopack" – TP). Actual problems of system management of project teamwork, which solutions are necessary to improve the efficiency of management practice, are identified. New, additional concepts of "developing" and "optimizing" technologies have been introduced: "developing" technology, which is a technology of development, as a rule, the key, "closing" technology of TP. "Developing" technology allows improving the TA, adapting it to social and technical and technological changes. "Optimizing" technology – technology that allows you to optimize the parameters

of the "basic" and "product" technologies used. The concept of an integrated system of models of the information sub-package of the Technopack "system management of project teamwork", based on "soft" calculations (MAI/MAS technologies of T. Saati), is proposed.

Keywords: social technologies, socio navigation, Technopack, MY / MAZ-technologies of T. Saati, integrated system of models as an information sub-package.

For citation: Fedotova M.A., Polushin P.V. 2020. Management of project teamwork as a social technology package. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 271–280 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-271-280

Введение

Для исследования современных социальных явлений и процессов используются более сложные, чем классические дискретные, модели аналитического теоретизирования. Прежде всего, это модели средового анализа и прогнозирования [Переслегин, 2009; Сценарный стратегический прогноз, 2016], позволяющие более корректно представить такие процессы в неравновесных, турбулентных ситуациях («на кромке хаоса»), преобладающих сегодня. Среди существующих концепций средового анализа – описаний будущего, средового прогнозирования, различного вида форсайтов и т.д. – наиболее интересной, на взгляд авторов статьи, является концепция технопакетов С.Б. Переслегина, позволяющая связать стратегии социально-экономического развития с технологизацией, формируя структуру фазового технологического пространства [Переслегин, 2015].

Социальные технологии (СТ), естественным развитием которых является концепция технопакетов, до сих пор не являются предметом системного междисциплинарного научного исследования, их включение в управление носит, по большей части, частный, случайный характер. Существует множество различных видов и классификаций социальных технологий по различным критериям [Щербина, 2007; Тощенко, 2009; Касавин, 2010; Осипов, 2011; Юдин, 2012; Касавин, 2012, Маркова, 2012; Герасимов, Чумак, 2014; Щербина, 2014; Осипов, 2017]. Однако на сегодняшний день эта задача не получила своего практического разрешения. Существует разрыв между социальными науками и практикой принятия макросоциальных решений, несущих высокие риски. Необходима «экологическая», «мягкая», структурно сбалансированная и метрически просчитанная система социальных действий.

Для достижения этой цели нужны новые проектные технологические подходы к социальному управлению, учитывающие сложные взаимосвязи в системе социального управления и технологизации [Касавин, 2010, с. 10], а также решение следующих задач, связанных с внедрением в социальную практику концепции технопакетирования:

1. Определить особенности технопакетного подхода в системном управлении проектной командной работой.
2. Провести диагностику состояния и ключевых факторов социальных технологий, входящих в технопакет, выделить актуальные проблемы системного управления проектной командной работой с точки зрения его технологизации.
3. Расширить и развить содержание технологий, входящих в технопакет, определить пути повышения их эффективности как единой социотехнологической системы, элиминировать формальные аспекты технологизации, игнорирующие социальные ценности и этические аспекты (эта задача решается в рамках концепции соционавигации как социальной практики, основанной на социоэмпатии [Федотова, 2019] и концепции пост-техногенной цивилизации [Лепский, 2019]).
4. Обосновать систему технологического моделирования управления проектной командной работой в виде иерархии моделей, основанных на «мягких» вычислениях.

Объекты и методы исследования

Имеющийся опыт успешного системного управления проектными командами свидетельствует об отсутствии специально сформированного социального технопакета «системное управление проектной командной работой», а также о невысоком уровне компетентности участников проектных команд и, прежде всего, менеджмента команд. Упрощенная схема (критериями или полюсами классификации которой являются параметры: «системность – несистемность», «открытость – закрытость» и «функциональность – структурность») эволюции представлений о развитии социальных технологий командной работы с учетом развития моделей управления командной работой [Федотова, 2018], приведена на рис. 1.

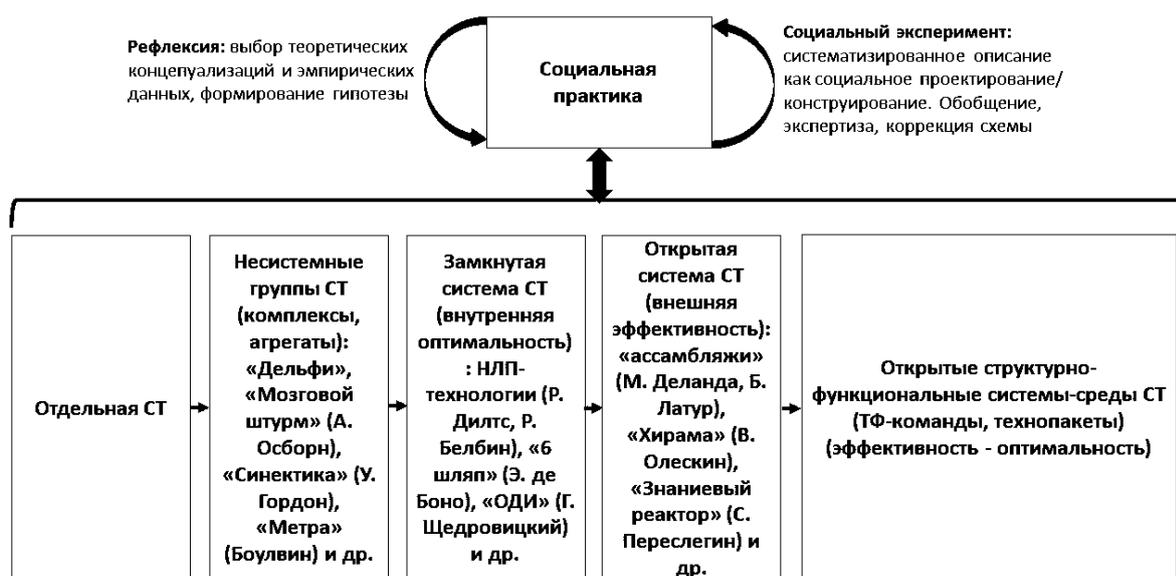

Рис. 1. Эволюция представлений о развитии социальных технологий командной работы

Fig. 1. Evolution of ideas about the development of social technologies of teamwork

Если добавить в классификацию дополнительный параметр масштабности «микро-мезо – макро – мега», то получим полную классификацию социальных технологий, включающую в себя как микроформы СТ [Герасимов, Чумак, 2014], так и мегаформы СТ – «цивилизация как мегатехнология» [Осипов, 2017]. В первой работе социальные технологии, по сути дела, аналогичны технологиям бизнес-проектирования в социальной сфере. Технологический пакет (ТП) – генетически и структурно-функционально связанная совокупность различных технологий, системного характера, реализующая одну из социально-значимых потребностей [Переслегин, 2015]:

1. «Базовая» онтологема – «теоретическая идея или идеологема, метафора/миф, лежащая в основе представлений о пакете» – «один в поле не воин», а также научные дисциплины, участвующие в формировании ТП (социология управления, социология организации, социология микрогрупп, социальная психология, менеджмент и др.).

2. «Базовая» технология (субпакет) – технология, делающая пакет «физически» возможным, развитие которой привело к формированию пакета. В нашем случае, базовой технологией ТП является технология формирования (диагностики) команд.

3. «Продуктовые» технологии (субпакеты) – физические, гуманитарные (управляющие) технологии, обеспечивающие производство, обмен и реализацию или утилизацию конечных товаров услуг, социоформ проектов, в том числе самих команд как «продуктов» проектирования и конструирования. В нашем случае, продуктовыми технологиями явля-

ются технологии управленческого проектирования как классические, так и неклассические (Agile-технологии) технологии, а также технологии системной аналитики [Шевырев, Михеев, Шаламова, Федотова, 2016].

«Замыкающая» технология (субпакет) – системно-организующая технология, связывающая набор отдельных технологий. В нашем случае, «замыкающей» технологией является технология (субпакет) управления образовательно-карьерной и деловой (аутсорсинг) траекторией команд. Наличие «биржи» команд приводит к целесообразной, экономически выгодной трансформации социальной среды, позволяющей эффективно развивать технопакет (в этом случае решение является собственной функцией среды).

«Закрывающие» технологии (субпакеты) – это технологические пакеты, позволяющие удовлетворять существующие потребности на более качественном уровне, чем имеющиеся технопакеты (с меньшими затратами ресурсов и негативными последствиями, свойственными традиционным технопакетам). В нашем случае, это технология использования командной работы на основе искусственного интеллекта (AI) (хотя о меньших негативных последствиях говорить явно преждевременно, нужны дополнительные серьезные исследования в этой области).

Авторами вводятся дополнительные типы технологий: «оптимизирующие» и «развивающие».

«Оптимизирующие» технологии (субпакеты) позволяют рационализировать (оптимизировать) параметры используемых «базовой» и «продуктовых» технологий. В нашем случае, «оптимизирующими» технологиями являются инновационные технологии модерации и фасилитации командной работы («хирама», «знаниевый реактор» и др.), а также новые, «гибкие» фреймворки управления проектами (SCRUM, SMC).

«Развивающие» технологии (субпакеты) – технологии развития, как правило, ключевой, «замыкающей» технологии или парадоксальным образом (что характерно для системно – креативного мышления) «закрывающей» технологии ТП. «Развивающая» технология позволяет совершенствовать ТП, адаптируя его к культурно-социальным и техник-технологическим изменениям в обществе. В случае совместного использования человеческих ресурсов (HR) и искусственного интеллекта (AI) «закрывающая» технология достраивается до «развивающей» (дополненная реальность). В нашем случае, это технология развития человеческих ресурсов (H->H')R (возможно в измененных состояниях сознания), прежде всего, развития когнитивных и коммуникативных метакомпетенций команды и ее единого креативного поля (ЕКП) [Михеев, Федотова, Шевырев, 2013] и их синтеза с искусственным интеллектом (AI):((H->H') & AI)R-технологии. Такой переход, как правило, временный (в виде рекурсивных петель с повышающейся с каждым циклом интенсивностью, «плотностью» когнитивной деятельности), осуществляется на базе измененных состояний сознания (ИСС) [Tart, 1986; Гроф, 1994; Уилбер, 2002] отдельных участников команд и команд в целом. Как известно, исследования ИСС показали, что некоторые виды знания состояние-специфичны (Tart, 1986). Если вы не находитесь в определенном состоянии сознания, то вам будут недоступны некоторые знания специфического характера. Собственно говоря, единое креативное поле команды возникает именно как ИСС, например, аналогично феномену массовой паники [Михеев, Федотова, Шевырев, 2013]. Большая часть физических и управляющих технологий развивается по законам, аналогичным законам биологической эволюции (Г.С. Альтшуллер, Г.Я. Буш). Однако есть исключения («черные лебеди» Н. Талеба), появление таких технологий ведет к кардинальным социально-экономическим и политическим изменениям. Предсказать подобные технологические «скачки», не имеющие технологических и эволюционных предшественников, практически невозможно, такие, совершенно непредсказуемые, технологии были названы «Эдем-технологиями» (спонтанными) (А. Столяров), например, «колесо», «застежка-молния», «канцелярская скрепка» (Переслегин, 2015).

В технопакет включаются также базовые инфраструктура и институты. Базовая инфраструктура – ключевая инфраструктура для развития социальной системы в целом. В нашем случае это коммуникационная среда организации, имеющей корректную HR-стратегию. Любые жизнеспособные HR-решения должны (прежде всего, логически и эмоционально) соответствовать этой инфраструктуре.

Базовыми институтами в нашем случае могут быть любые оргформы командной работы с надлежащим правовым оформлением (см. рис. 1).

Таким образом, технологии, входящие в технопакет, во-первых, взаимозависимы и развиваются совместно; во-вторых, модифицируют друг друга в процессе развития. Структура предлагаемого технопакета с конкретным функциональным наполнением приведена на рис. 2.

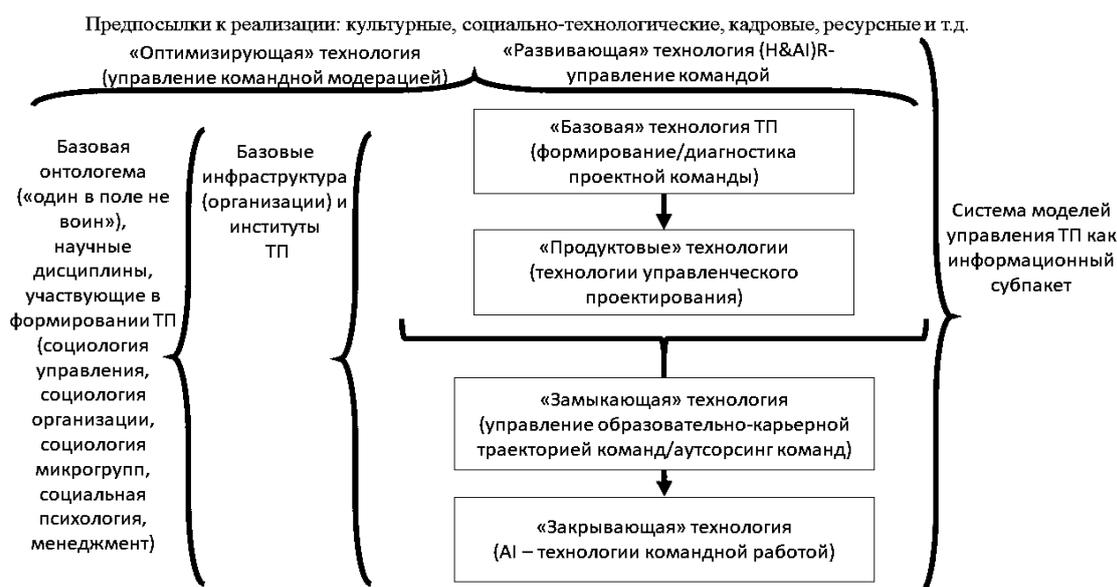

Рис. 2. Структура технопакета
Fig. 2. Technopack Structure

Избыточная технологичность технопакетного подхода нивелируется за счет использования методов соционавигации [Шевырёв, Михеев, Шаламова, Федотова, 2016]. В данной концепции российских авторов эта цель достигается путём формирования и управления единым креативным полем (ЕКП) участников команд и команды в целом на основе социэмпатии как ключевого фактора успешности коммуникаций, а также использованием специальных технологий и моделей мышления в системной аналитике [Шевырёв, Михеев, Шаламова, Федотова, 2013, 2016]. Осуществляется сдвиг к постнеклассическому типу рациональности (переход от целевого и средового планирования к атрибутивному проектированию – наличие атрибутивных свойств системы страхует от незапланированных рисков). От форсайта соционавигация отличается своей направленностью на текущую ситуацию, а от социосерфинга – возможностью (и способностью) «умного» достраивания социальной реальности, используя структурные гипотезы самого высокого уровня абстракции (аналогично, например, принципам суперпозиции, неопределенности и дополненности в квантовой физике). При этом соционавигация максимально приспособлена к неожиданно возникающим новым возможностям, используя принцип «via negativa» (путь отрицания или принцип хрупкости хорошего: о том, что неверно, мы можем судить с большей уверенностью, чем о том, что верно, используя технологию субтрактивного прогнозирования и «эффект Линди» Н. Талеба) [Талеб, 2020]. Смысл социо-

навигации – не попадать в зоны глубокого равновесия (гомеостаза) и хаоса. Необходимо использовать энергию разрушения социальной системы (палингенез А. Тойнби) [Тойнби, 2002] в целях достижения нового динамического равновесия.

Ключевой задачей социального управления, с точки зрения концепций соционавигации и технопакетирования, является поиск (формирование) «закрывающих» и «закрывающих» технологий (желательно, для избегания катастрофических социальных противоречий, с трансформацией (эволюцией) последних в «развивающие» технологии). Для решения этой задачи предлагается использовать методы «мягких» вычислений и технологии проектного управления. Как известно, любой командный проект является сложной системой различных видов деятельности, осуществляемой с помощью управленческого проектирования (либо классического PMBoK, TOC и др., либо неклассического (Agile) – SCRUM, SMC и др., последние более предпочтительны в условиях неравновесного VUCA-мира и замены традиционных концепций менеджмента на постнеклассические инновационно-креативные). Ровно в силу этих же условий, и, прежде всего, невозможности четкого (однозначного) структурирования решаемых задач и проблем малоэффективны чисто аналитические (математические) методы, наиболее часто используемые статистические. Выходом из сложившейся ситуации может быть использование мультиэкспертных методов, основанных на «мягких» вычислениях (нечёткая логика) [Синюк, Шевырев, 2003; Саати, 2008]. В технопакетировании командной работы предлагается использовать МАИ/МАС – технологии Т. Саати в схеме адаптивного планирования (управления, стратегирования) проблемными ситуациями (ПС) [Синюк, Шевырев, 2003]. Схема такого стратегирования приведена на рис. 3.

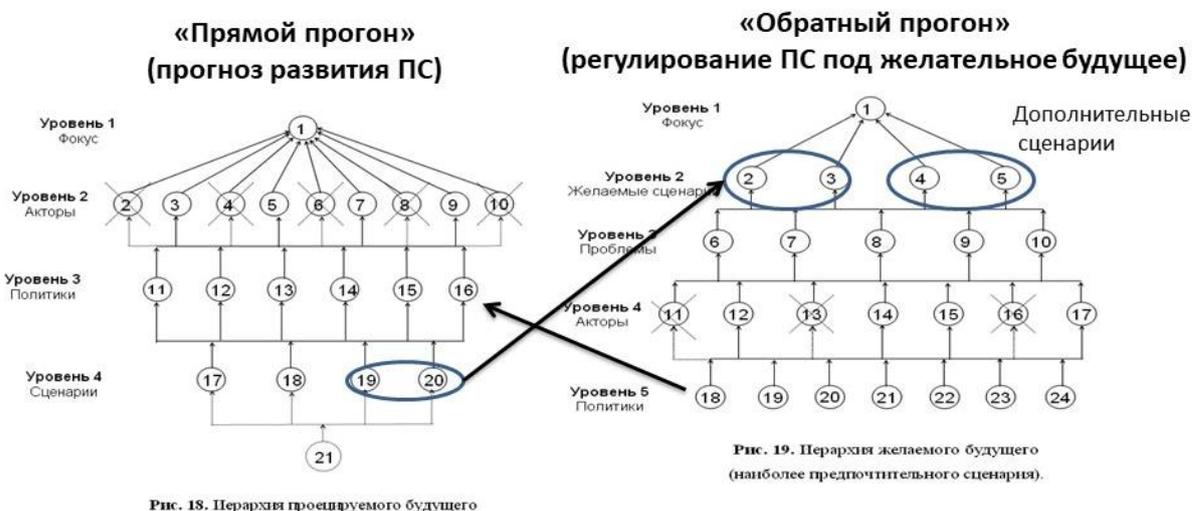

Рис. 3. Управление (стратегирование) проблемными ситуациями
 Fig. 3. Management (Strategizing) problem situations

Стратегическое адаптивное (резонансное) планирование (стратегирование) – это непрерывное «мягкое», в режиме «бриколажа», управление, о котором говорилось выше. Подробное описание процесса приведено в работе Синюка, Шевырева [2003].

В отличие от МАИ, метод анализа сетей (МАС) учитывает возможные обратные связи в иерархии, что в некоторых случаях принципиально необходимо (рис. 4).

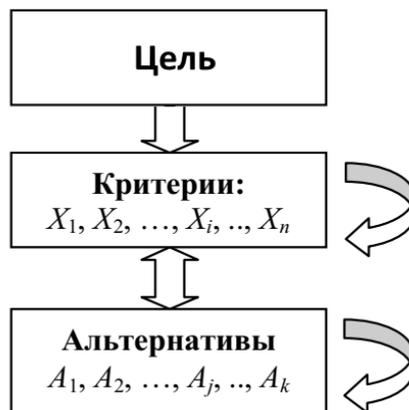

Рис. 4. Схема MAC-технологии
Fig. 4. MAC technology Diagram

Однако этот метод ведет к нежелательному значительному росту размерности суперматрицы «W». В этом случае используется специальная BOCR-модификация МАИ – «выгоды – затраты – возможности – риски».

Управляющим субпакетом (гуманитарной технологией) ТП «Системное управление командной работой» является информационно-аналитический субпакет «Интегральная система моделей управления ТП», предназначенный для системного управления технопакетом в целом. Упрощенное представление интегральной системы моделей управления ТП в виде информационно-аналитического субпакета (гуманитарной (управляющей) технологии) приведено на рис. 5, где $optA_j^i$ – оптимальная j-я характеристика на i-ом этапе процесса системного управления командной работой, используемая как входной параметр на смежном (i+1)-ом этапе).

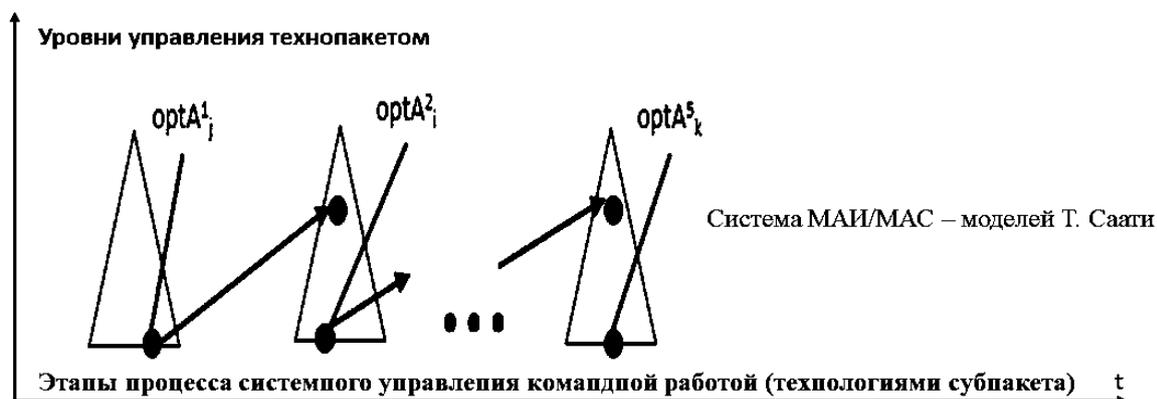

Рис. 5. Интегральная система моделей ТП «системное управление проектной командой»
Fig. 5. Integrated system of TP models system management of the project team

Синтез и общая адаптация к средовым изменениям различных уровней (технологий ТП) иерархии (см. аналогично схеме рис. 3) в предлагаемой интегральной системе моделей осуществляется путем пересчета характеристик, полученных на одном этапе процесса управления субпакетами технопакета, в параметры моделей, используемых на другом (смежном) этапе (см. рис. 5), например, характеристики команд («базовая» технология (субпакет)) влияют на выбор методов управленческого проектирования («продуктовая» технология), которые, в свою очередь, влияют на эффективность командной работы и т.д.

По завершении одного цикла управления пакетом, процесс повторяется по схеме адаптации (см. рис. 3) до получения необходимого результата (достижения желаемого будущего).

Заключение

Во-первых, неопределенность и нестабильность VUCA мира создают серьезные вызовы управлению бизнес-проектами в целом и управлению командами как инструментом управленческого проектирования в частности.

Во-вторых, управление сложными социальными системами недостаточно эффективно из-за неадекватности состояния объектов управления и сложности управляющих систем. В этом случае необходима иерархическая система моделей (технологий (субпакетов) ТП) обеспечения системного управления командами для различных этапов развития проблемной ситуации.

В-третьих, представляется, что наиболее перспективными технологиями системного стратегирования процессами проектной командной работы являются иерархические системы моделирования [Шевырев, Михеев, Шаламова, Федотова, 2016].

В-четвертых, процесс технопакетирования команд значительно повышает эффективность их использования в проектном управлении за счет выделения критических, на данном этапе развития проблемной ситуации, технологий (субпакетов), инициируя их активный поиск (конструирование) и использование.

В-пятых, введение авторами новых понятий в процесс технопакетирования – «оптимизирующих» и «развивающих» технологий позволяет значительно повысить эффективность процесса стратегирования за счет повышения адекватности управляющей системы и объекта управления (закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби).

Список литературы

1. Герасимов Б.Н., Чумак В.Г. 2014. Социальные технологии в управлении. Самара, СамНЦ РАН, 396 с.
2. Гроф С. 1994. Области человеческого бессознательного. М., Институт трансперсональной психологии, 280 с.
3. Касавин И.Т. 2010. Социальные технологии и научное знание. Эпистемология и философия науки, (4): 5–15.
4. Касавин И.Т. 2012. Социальные технологии. теоретические концептуализации и примеры. Общественные науки и современность, (6): 100–111.
5. Лепский В.Е. 2019. Системные основания для перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации. Проблемы цивилизационного развития, (1): 33–48.
6. Маркова Л.А. 2012. Технологии в социальных и технических системах: социальный и гуманитарный анализ. Эпистемология и философия. Наука, (1): 64–72.
7. Михеев В.А., Федотова М.А., Шевырёв А.В. 2013. Рабочая команда как сетевая структура, индуцирующая единое креативное поле. Экономические стратегии, (5): 64–67.
8. Осипов Н.Е. 2017. Еще раз о социальных технологиях. Философия и общество, 1(82): 5–28.
9. Осипов Н.Е. 2011. Содержание и методологическая роль категории «социальная технология» в осмыслении целостности общества. Вопросы философии, (6): 16–21.
10. Переслегин С.Б. 2009. Новые карты будущего, или анти-рэнд. М., АСТ: АСТ МОСКВА, СПб.: Terra Fantastica, 701 с.
11. Переслегин С.Б. 2015. Дикие карты будущего, форс мажор для человечества. М., Алгоритм, 407 с.
12. Саати Т.Л. 2008. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: аналитические сети. М., Издательство ЛКИ, 356 с.
13. Сценарный стратегический прогноз. Пермский край, Россия и мир – 2030. 2016. М., ИНЭС РАН.
14. Талей Н.Н. 2020. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М., КоЛибри, 764 с.

15. Тойнби А.Дж. 2001. Постигание истории: Сборник. Перевод с англ. Е.Д. Жаркова, М., Рольф, 640 с.
16. Тощенко Ж.Т. 2013. Тезаурус социологии. М., ООО «Юнити–Дана», 481 с.
17. Уилбер К. 2002. Око духа: интегральное видение для слегка свихнувшегося мира. М., «Изд-во АСТ», 476 с.
18. Федотова М.А. 2018. Системное управление командной работой: эволюция представлений и перспектива развития. Научный результат. Социология и управление, 4 (4):137–151.
19. Федотова М.А. 2019. Постнеклассическое стратегирование проблемных ситуаций в концепции соционавигации: переход от целевого управления к атрибутивному конструированию. Экономические стратегии, 21 (8 (166)): 94–101.
20. Шевырёв А.В., Михеев В.А., Шаламова Н.Г., Федотова М.А. 2016. Системная аналитика в управлении. Введение в научно–исследовательскую программу (под общей редакцией Шевырёва А.В.). Белгород, ЛитКараВан, 384 с.
21. Щербина В.В. 2014. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние. Социологические исследования, (7):113–124.
22. Щербина В.В. 2007. Социолого–диагностические технологии в управлении: теоретико–методологические аспекты развития и применения. Социологические исследования, (3): 30–42.
23. Юдин Б.Г. 2012. Социальные технологии, их производство и потребление. Эпистемология и философия науки, (1): 55–64.
24. Tart C.T. 1986. Consciousness, altered states, and worlds of experience. The Journal of Transpersonal Psychology, 18 (2): 159–170.

References

1. Gerasimov B.N., CHumak V.G. 2014. Social'nye tekhnologii v upravlenii [Social technologies in the management of]. Samara, SamNC RAN, 396 p.
2. Grof S. 1994. Oblasti chelovecheskogo bessoznatel'nogo [Areas of the human unconscious]. М., Institut transpersonal'noj psihologii, 280 p.
3. Kasavin I.T. 2010. Social'nye tekhnologii i nauchnoe znanie [Social technologies and scientific knowledge]. Epistemologiya i filosofiya nauki, (4): 5–15.
4. Kasavin I.T. 2012. Social'nye tekhnologii. teoreticheskie konceptualizacii i primery [Social technology. theoretical conceptualizations and examples]. Obshchestvennye nauki i sovremennost', (6): 100–111.
5. Lepskij V.E. 2019. Sistemnye osnovaniya dlya perekhoda ot tekhnogennoj civilizacii k sociogumanitarnoj civilizacii [System foundations for the transition from industrial civilization to civilization Humanities]. Problemy civilizacionnogo razvitiya, (1): 33–48.
6. Markova L.A. 2012. Tekhnologii v social'nyh i tekhnicheskikh sistemah: social'nyj i gumanitarnyj analiz [Technologies in social and technical systems: social and humanitarian analysis]. Epistemologiya i filosofiya. Nauka, (1): 64–72.
7. Miheev V.A., Fedotova M.A., Shevyryov A.V. 2013. Rabochaya komanda kak setevaya struktura, induciruyushchaya edinoe kreativnoe pole [A work team as a network structure that induces a single creative field]. Ekonomicheskie strategii, (5): 64–67.
8. Osipov N.E. 2017. Eshche raz o social'nyh tekhnologiyah [Once again about social technologies]. Filosofiya i obshchestvo, 1(82): 5–28.
9. Osipov N.E. 2011. Soderzhanie i metodologicheskaya rol' kategorii «social'naya tekhnologiya» v osmyslenii celostnosti obshchestva [Content and methodological role of the category "social technology" in understanding the integrity of society]. Voprosy filosofii, (6): 16–21.
10. Pereslegin S.B. 2009. Novye karty budushchego, ili anti-rend [New maps of the future, or anti-Rand]. М., АСТ: АСТ МОСКВА, SPb.: Terra Fantastica, 701 p.
11. Pereslegin S.B. 2015. Dikie karty budushchego, fors mazhor dlya chelovechestva [Wild cards of the future, force majeure for humanity]. М., Algoritm, 407 p.
12. Saati T.L. 2008. Prinyatie reshenij pri zavisimostyah i obratnyh svyazyah: analiticheskie seti [Decision making with dependencies and feedbacks: analytical networks]. М., Izdatel'stvo LKI, 356 p.
13. Scenarnyj strategicheskij prognoz [Scenario-based strategic forecast]. Permskij kraj, Rossiya i mir – 2030. 2016. М., INES RAN.

14. Taleb N.N. 2020. Antihrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz haosa [Antifragility. How to capitalize on chaos]. М., KoLibri, 764 p.
15. Tojnbi A. Dzh. 2001. Postizhenie istorii: Sbornik [A study of history: a Collection of] perevod s angl. E.D. ZHarkova, М., Rol'f, 640 p.
16. Toshchenko ZH.T. 2013. Tezaurus sociologii [Thesaurus of sociology]. М., ООО «YUniti-Dana», 481 p.
17. Uilber K. 2002. Oko duha: integral'noe videnie dlya slegka svihnuvshegosya mira [Eye of spirit: integral vision for a slightly deranged world]. М., «Izd-vo AST», 476 p.
18. Fedotova M.A. 2018. Sistemnoe upravlenie komandnoj rabotoj: evolyuciya predstavlenij i perspektiva razvitiya [System management of team work: the evolution of ideas and prospects for development]. Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie, 4 (4):137–151.
19. Fedotova M.A. 2019. Postneklassicheskoe strategirovanie problemnyh situacij v koncepcii siconavigacii: perekhod ot celevogo upravleniya k atributivnomu konstruirovaniyu [Postnonclassical strategizing problematic situations in the concept of sociological: the transition from task management to attribute design]. Ekonomicheskie strategii, 21 (8 (166)): 94–101.
20. Shevyryov A.V., Miheev V.A., SHalamova N.G., Fedotova M.A. 2016. Sistemnaya analitika v upravlenii. Vvedenie v nauchno-issledovatel'skuyu programm [System Analytics in management. Introduction to the research program (under the General editorship of A.V. Shevyrev)]. Belgorod, LitKaraVan, 384 p.
21. Shcherbina V.V. 2014. Social'nye tekhnologii: istoriya poyavleniya termina, transformaciya sodержaniya, sovremennoe sostoyanie [Social technologies: the history of the term, content transformation, current state]. Sociologicheskie issledovaniya, (7):113–124.
22. Shcherbina V.V. 2007. Sociologo-diagnosticskie tekhnologii v upravlenii: teoretiko-metodologicheskie aspekty razvitiya i primeneniya [Socio-diagnostic technologies in management: theoretical and methodological aspects of development and application]. Sociologicheskie issledovaniya, (3): 30–42.
23. Yudin B.G. 2012. Social'nye tekhnologii, ih proizvodstvo i potreblenie [Social technologies, their production and consumption]. Epistemologiya i filosofiya nauki, (1): 55–64.
24. Tart C.T. 1986. Consciousness, altered states, and worlds of experience. The Journal of Transpersonal Psychology, 18 (2): 159–170.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Федотова Марина Александровна, к.э.н., доцент кафедры «Управление персоналом» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), г. Москва, Россия

Marina A. Fedotova, Ph. D. in Economics, associate Professor of the Department of personnel Management at the Moscow aviation Institute (national research University), Moscow, Russia

Полушин Петр Владимирович, заместитель начальника учебного отдела учебно-методического центра Академии Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Москва, Россия

Pyotr V. Polushkin, Deputy head of the training Department of the training and methodological center of the Academy of The state fire service of the EMERCOM of Russia, Moscow, Russia

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 1 (075.8)

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-281-288

Символика в практиках конструирования ландшафтного дизайна

Тикунова С.В., Калинина Г.Н., Рожкова Е.В.

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

E-mail: svetlanatikunova@yandex.ru, galakalinina@inbox.ru

Аннотация. Представлено теоретико-методологическое обоснование проблемы репрезентации символики в практиках конструирования ландшафтного дизайна с позиции концепта «культурный ландшафт» как целостного феномена, включающего в себя человеческий и природный миры, и с использованием образцов реализованных авторских дизайнерских проектов. В качестве средства концептуализации материала, придающего дискурсу философско-культурологический статус, выбраны культурологически ориентированные семиотические концепции Ю. Лотмана, тезаурусной динамики М.К. Петрова. Авторами разработана философско-культурологическая интерпретация культурного ландшафта как семиотического феномена, что является новацией личного вклада в контексте раскрытия человекообразующей функции в природно-культурной среде, ее авторского понимания и трактовки как освоенной в утилитарных, семантических и символических практиках человека.

Ключевые слова: культурный ландшафт, природно-культурной среда, знаковая система, проектирование, природный антропогенный компонент, семиотика, семантика, утилитарность, человекообразующие, границы, техника «выеденного яйца».

Для цитирования: Тикунова С.В., Калинина Г.Н. 2020. Символика в практиках конструирования ландшафтного дизайна. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 281–288. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-281-288

Symbolism in the practices of design-landscape design

Svetlana V. Tikunova, Galina N. Kalinina, Ekaterina V. Rozhkova

State Institute of arts and culture,

7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: svetlanatikunova@yandex.ru, galakalinina@inbox.ru

Abstract. The paper presents a theoretical and methodological substantiation of the problem of symbolism representation in landscape design practices from the perspective of a new reading of the concept "cultural landscape" as an integral phenomenon, including the human and natural worlds, and using samples of implemented author's design projects ("Provence", "Barsky garden", "Yalta", and other individual landscape projects under the unified legend of the European garden). As a means of conceptualizing the material that gives the discourse a philosophical and cultural status, culturologically oriented semiotic concepts of Yu. Lotman, M. K. Petrov's thesaurus dynamics. The author has developed a philosophical and cultural interpretation of the cultural landscape as a semiotic phenomenon, which is

an innovation of personal contribution in the context of revealing the human-creating function in the natural and cultural environment, its author's understanding and interpretation as mastered in the utilitarian, semantic and symbolic practices of man. This confirms the thesis that all theorizations and conceptualizations only have potential in the horizons of dialectics if they are implemented in real life, implemented in practice, including design landscape design and construction of a modern natural and cultural environment.

Keywords: cultural landscape, natural and cultural environment, sign system, design practices, design, natural anthropogenic component, semiotics, semantics, utilitarianism, human creation, borders, the "eaten egg" technique".

For citation: Tikunova S.V., Kalinina G.N. 2020. Symbolism in the practices of design-landscape design. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 281–288 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-281-288

Введение

Мы в рассуждениях опираемся и ссылаемся на часть опубликованных ранее работ, посвященных рассматриваемой проблематике, в которых получили апробацию наиболее существенные новационные идеи, связанные с новым философско-культурологическим прочтением проблемы семиотизации природы в основных типах культурного ландшафта.

В тематическом контексте наших рассуждений представляется уместным вначале дать уточнение смысловых значений и трактовок основных понятийного и концептуального рабочего аппарата, обзорно обратившись к энциклопедическим трактовкам и собственным выводным интерпретациям. Так, под понятием «семиотизации» подразумевается явление, при котором обозначающие знаки выходят на первый план, а физические референты уходят на второй и позже могут вовсе исчезнуть. В свою очередь, знаковая система – это система однообразно интерпретируемых и трактуемых сообщений или сигналов, которыми можно обмениваться в процессе общения.

В нашей работе такая схема понимается как процесс, когда знаковые системы помогают структурировать непрерывный континуум общения – взаимодействия – согласованности (согласия) природы и культуры, ландшафтного пространства и человека, «окультуривающего «под себя» или «для себя» разного типа ландшафтную среду. Отсюда становится понятным тезис, который мы склонны отстаивать и в правомерности которого мы убеждены. Он состоит в том, что человек в культурном ландшафте выступает «деятелем», преобразователем и творцом одновременно, что мы, собственно, показали в тексте работы, при том, однако, что зачастую не соблюдаются границы такой «деятельности» и активности человека (а это наносит безусловный вред и человеку, и культурно-природной среде).

Не менее важно также уточнение о нашем собственном понимании концепта «культурный ландшафт», отличном от его традиционных трактовок.

Объекты и методы исследования

Далее представляется значимым в контекстуальном поле статьи определиться с методологической основой наших рассуждений, поскольку без этого не представляется возможной концептуализация места, роли и значения символики в практиках конструирования ландшафтного дизайна. В данной связи мы отмечаем, что такой платформой нам послужили классические труды западных и отечественных учёных, в которых с позиций семиотических интерпретаций решались проблемы социального преобразования природного мира и культурной антропологии.

Мы понимаем это так, что человек (антропологический фактор) участвует и влияет на культурное изменение пространства, ландшафтной среды своего обитания и деятельности. В анализе заявленной проблематики мы опираемся на методологические всеобщие

принципы диалектики, сравнительно-исторический метод, культурно-цивилизационный и деятельностный подходы, которые позволили нам дать предельно широкую (а не узкую, фрагментарную) общефилософскую интерпретацию культуры и сделать это с должной глубиной и широтой (это прослеживается во всех главах работы, применяясь как ее исходная методологическая посылка). Помимо всего, мы применяли феноменологический, герменевтический, системный, контекстный принципы и подходы, что позволило нам: а) осуществить реконструкцию смысловых значений и трактовок основных концептов («природный», «антропогенный», «культурный ландшафт» и др.); б) рассмотреть культурный ландшафт в широком контексте культуры как культурно-исторический феномен, сопряженный с другими типами ландшафта, где вырабатываем собственное понимание культурного ландшафта [Наследие М.К. Петрова, 2016].

Строго говоря, в результате изучения генезиса и историко-культурных трансформаций культурного ландшафта, рассмотренного нами с позиций междисциплинарного подхода, в котором ведущую роль играет дискурс семиотики, мы приходим к выводам, усиливающим, прежде всего, актуальность данной проблематики. Вопрос осложняется тем, что, несмотря на обилие специальной литературы по данной проблематике, остаётся в стороне комплексность рассматриваемых вопросов и семиотическая специфика культурного ландшафта. В этом контексте в качестве средства концептуализации материала, придающего дискурсу философско-культурологический статус, мы избираем культурологически ориентированные семиотические концепции [Наследие М.К. Петрова, 2016; Семиотизация культурного ландшафта в музеях-заповедниках, 2005, с. 43-58]. Так, семиотическая концепция культуры (в основном мы опирались на труды Ю. Лотмана), которая работает в тексте как методологический каркас, то есть позволяет исследовать ландшафт в процессе его воплощения в знаково-символических системах и кодах культуры. Семиотическая концепция дополняется концепцией тезаурусной динамики М.К. Петрова, которая позволяет нам проследить динамику культурного изменения людей и вещей в «мире знака». Разумеется, комплексный характер предмета исследования потребовал (помимо семиотики, которая играет ключевую концептуальную роль в исследовании знаковой системы культурного ландшафта), обращения к дискурсам геоэкологии, герменевтики, ландшафтоведения, терминологический аппарат которых мы постарались достаточно обоснованно использовать в наших рассуждениях.

Результаты и их обсуждение (экспериментальная часть)

В существе своем все наши публикации посвящены исследованию культурного ландшафта как целостного феномена, включающего в себя человеческий и природный миры, позволяя дать трактовку природно-культурной среды как освоенной в утилитарных, семантических и символических практиках человека [Тикунова, 2017]. Это значит, что именно в русле семиотического подхода к пониманию и трактовке культуры, на который мы опираемся как на центральную методологическую идею, проявляет себя семиотическая роль и широкое назначение всех компонентов (в том числе, утилитарных) культурного ландшафта как универсальной формы бытия культуры и его семантика. Соответственно «культурный ландшафт» предстает не столько географическим феноменом (это «узкое» его понимание, характерное, заметим, преимущественно для ландшафтоведческих концептуализаций), сколько рассматривается в поле философии культуры, то есть интерпретируется нами, по меньшей мере, в трех взаимодополняемых измерениях [Тикунова, 2016], а именно как аксиологическое, художественно-эстетическое и нравственно-духовное отношение человека к миру в единстве с его утилитарными и рационально полагаемыми целевыми установками по преобразованию природы и культуры.

Именно такое комплексное понимание мы постарались воплотить в наших собственных дизайнерских проектах, работа над которыми замысливалась и сопряжена с тео-

ретическими концептуализациями и их прикладным значением в сегодняшних культурных практиках. При этом каждый проект имеет свою скрытую символику и может быть интерпретирован смотрящим исходя от его личного восприятия. Но есть «ключи», которые одинаково читаются независимо от диалекта, несут свою культурно-символическую смысловую нагрузку.

Сошлемся в качестве примера на некоторые из последних авторских работ. В частности, проект «Прованс» включает в себя все символы, присущие французскому саду: короткостриженный сочный газон, максимально открытое для просмотра пространство, симметрия в радиальных прогулочных дорожках и буйство ярких цветовых акцентов на клумбах и рокариях. В проекте использовались текстуры, передающие атмосферу старой Европы: брусчатка, кованые классические фонари, скамейки с ковкой и душистые травы [Лавренова, 2010; Лефевр, 2010].

Или, скажем, проект «Барский сад» задумывался нами изначально в историко-культурном контексте, создавался с отсылкой к ключевым символам русской усадьбы XIX в. Основой ландшафта служит густой яблоневый сад, кусты гортензии и барбариса, веранда для чаепития и густые перголы из вьющихся роз. Дендрологической основой являются исконно русские породы деревьев: береза, рябина черноплодная, ива плакучая и ромашка полевая.

Проект «Ялта» был олицетворением крымского пейзажа, перемещенного в пределы нашего континентального климата, и вполне успешно. Здесь читаются такие ключи, как пихта, туи, можжевельники, черная сосна и осока. Сам каркас проекта выполнен по английскому типу садово-паркового стиля: узкие извилистые тропинки, ярусный ландшафт и бассейн с террасой из яхтной доски и шезлонгами.

Так же можно охарактеризовать целый ряд индивидуальных ландшафтных проектов под единой легендой европейского сада. Все они читаются при взаимодействии эстетического наслаждения вечнозелеными пирамидальными кустарниками, идеальным по густоте и укывистости газоном, экзотическими цветами и душистыми травами. В таких садах всегда продуманны места для тихого отдыха, пейзажные сценарии и маршрут, обвивающий весь сад и ведущий к партеру. Очень тонкими и значимыми ключами являются текстуры поверхностей и декорации, например, тротуары с имитацией каменной брусчаткой, фонтаны, фонари, ротонды и перголы.

Обобщая проиллюстрированный выше обзорный проектный дискурс, отметим, что, во-первых, все эти образцы являются проектами, в которых явно или неявно присутствует человекосозидательная составляющая, раскрывают символику в практиках конструирования ландшафтного дизайна. Это свидетельствует о том, что знаково-символические образы природы, присутствуя во всех без исключения культурно-исторических ландшафтных типах, позволяют по-новому взглянуть на геокультурное пространство», то есть идентифицировать его как глобальную культурно-семиотическую знаковую систему, как организм, вмещающей сложные процессы взаимодействия культуры и пространства [Калинина, Тикунова, 2016; Тикунова, 2018].

Надо сказать, сегодня такие конструкции и техники дизайнерского проектирования намеренно включаются в направления градостроительной политики, что, на наш взгляд, совершенно правильно и необходимо. В философском ключе подобная модель взаимосопрежения общества и природы является дальновидной и находит свою поддержку среди основного потребителя ресурса дизайнерского проектирования, то есть в гражданском обществе.

Такой позитивный опыт, мы знаем, есть и в нашем регионе, в г. Белгороде, когда при реконструкции старого жилого или промышленно-хозяйственного фонда, отслужившего свой срок, не проводится его тотальное уничтожение «под корень», а применяется корректный демонтаж внутреннего помещения при бережном сохранении или частичной реконструкции внешнего фасада здания, подлежащего перестройке. Заметим, эта уже достаточно распространенная и получившая признание в Европе так называемая

техника «выеденного яйца» выступает определенной и, по нашему мнению, неплохой альтернативой агрессивным технологиям, наносящим ущерб, а то и непоправимый вред сохранению культурного наследия, ценности исторического архитектурного богатства [Бондарев, Тикунова, 2011]. Ее важный культурно-исторический смысл лично мы целиком разделяем и приветствуем в профессии (заметим, о важности такого подхода много говорил наш выдающийся соотечественник и патриот Д.С. Лихачев) [Аналитический научный обзор, 2011].

Во-вторых, посредством преломления теории и практики (идеи исследования в сочетании с авторскими дизайнерскими проектами) мы можем заключить о культурно-пространственной специфике природно-антропогенных и геоэкологических факторах генезиса культурных ландшафтов как сложной природно-антропогенной геосистемы [Бондарев, Тикунова, Титовская, Шевченко, 2006] и на этом основании предложить некоторые собственные идеи о необходимости аксиологических границ культурной и природной среды, окружающей человека (данный аспект ориентирует на приоритетность разумных и дальновидных подходов проективного моделирования культурной среды в горизонтах диалектики. Тем самым любые концептуальные идеи имеют действенную живительную силу, когда они воплощаются в практике, включая культурные дизайнерские проекты, как в нашем случае.

Заключение

Таким образом, теоретические идеи, представленные авторами, усиливают свое значение во многом потому, что перед современным человечеством стоят непростые задачи, требующие решения, в том числе, в природно-культурной среде. Они связаны с назревшей ситуацией в области глобальной проблематики и апеллируют к тому, чтобы человек пересмотрел и изменил характер развития технико-производственной деятельности, технической среды и технологии. Подобные попытки уже предпринимаются, другое дело – как оценивать их результаты (будущая цивилизация, конечно, тоже будет основана на технике, которая будет более безопасной для жизни и развития человечества) [Розин, 2006], а также соотношения техники и социальности, без отождествления таковых. «Отсюда должны меняться наши представления и видение, чтобы началось движение к новому пониманию социальности и техники» [там же, с. 249]. С этим нельзя не согласиться. Примерно об этом пишет и С.С. Неретина, говоря, что «упование на культуру не имеют прежнего веса... о ней так много говорят, потому что она преставилась» [Неретина, 2005, с. 226].

С нашей точки зрения, речь идет о кардинальной парадигме гуманитарного и проективного мышления, коэволюционного по своей сути, когда наши современники пересмотрят утилитарно-потребительскую модель сосуществования в природе и культуре, включая в эту орбиту и ландшафтную среду (в широком смысле, речь о том, что «необходима критика культурного разума...») [Неретина, Огурцов, 2000, с. 14; Межуев, 1995]), а возможно, новый регулятивный принцип социальной детерминации поведения, осуществляющейся с помощью знаков [Выготский, 1982]. Сказанное проецируется на проблему семиотизации природной среды в культурном ландшафте, приемлемость ее ограниченно-го понимания (скажем, фокусированность на географических трактовках культурного ландшафта как целесообразно преобразованных природно-территориальных комплексах и пр. Однако на сегодняшний день мы констатируем отсутствие комплексного подхода к изучению ландшафта, то есть специалистами в основном используется геоэкологический (В.В. Докучаев); эколого-ландшафтный (А.Г. Исаченко, В.Б. Сочава, А.А. Чибилев и др.), культурологический (В.А. Николаев, В.С. Преображенский и пр.), юридический (В.Н. Калущков, Т.М. Красовская, Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко, Е.И. Кириленко и др.).

Отсюда следует, что основной массив источников выполнен в рамках культурной географии [Головнева, 2018; Кузьменко, 2001; Кулешова, 2000; Шишкина, 2011] и исторического, лингвистического литературного дискурса, в то время как необходима рекон-

струкция парадигм и видов антропогенного ландшафта как семиотической системы культуры, как сферы ее пространственных знаков, символов и социокодов.

С нашей точки зрения, «в своей специфике культурный ландшафт представлен в качестве природной среды, преображённой в пространственных представлениях человека и кодах культуры, как универсальная семиотическая система и целостное знаково-символическое тело культуры. С известной долей уверенности правомерно рассматривать культурный ландшафт как специфическую ноосферную геосистему, обладающую аксиологическими и проективными измерениями, а семиотика взаимодействия «культура – природа», воплощённая в знаково-символических и информационно-знаковых образах всех типов ландшафта, обладает собственным семантическим полем и особой «генетикой» [Тикунова, 2017, 2018, 2019]. В перспективе настоящих и будущих горизонтов человечества мы склонны отстаивать тезис о необходимости синтеза природно-антропогенных и геоэкологических факторов, сопряженных с соблюдением этических границ ландшафтных трансформаций и аксиологическом измерении этого процесса.

Все вышеизложенное позволило нам, во-первых, концептуализировать классическую оппозицию «природа – культура», обосновать, что человек оказывается той творческой силой, которая не просто преобразует природу в искусственных артефактах, но и задаёт смысловое напряжение семиотическому бытию природы в культуре. И, во-вторых, по-новому пойти к проблеме глобальных ландшафтных трансформаций и задать аксиологические границы формирования семиотической среды бытия человека. [Кулешова, 2000; Лавренова, 2010; Головнева, 2018]. В целом же мы полагаем, что прикладной спектр раскрытых нами идей вполне очевиден и состоит, в том числе, в возможности практического применения в культурно-экологических проектах; в схемах взаимодействия дискурсивных практик, связанных с культурным ландшафтом, в изучении специфики информационно-знаковых процессов в сфере ландшафтной архитектуры, ландшафтного дизайна и пр.

Список литературы

1. Научно-аналитический обзор источников по теме «Культурная география». 2011. Под рук. Проф. М. С. Уварова. Номер проекта: 23.23.1420.2011. СПГУ.
2. Бондарев Ю.И., Тикунова С.В. 2011. Эстетическое освоение нехудожественного бытия. V Международный студенческий форум «Образование, наука, производство». Белгород. БГТУ им. В.Г. Шухова. URL: пресс-релиз. <http://www.bstu.ru/>.
3. Бондарев Ю.И., Тикунова С.В., Титовская А.А., Шевченко Н.И. 2016. Архитектура в структуре эстетической деятельности: проблема эстетического, утилитарного и художественного. В кн.: Экономика. Общество. Человек. Материалы международной научной конференции «Социально-культурные и экономические процессы в условиях нестабильности» (памяти профессора Л.Г. Галкина). Выпуск XXVII. Белгород: БГТУ им. В.Г. Шухова. С. 47–67.
4. Выготский Л.С. 1982. Мышление и речь. Собр. соч. Т. 2, Москва, Педагогика. 504 с.
5. Головнева Е.В. 2018. Конструирование региональной идентичности в современной культуре. Автореф. дис. д. филос. н. 09.00.13. Екатеринбург. 238 с.
6. Калинина Г.Н., Тикунова С.В. 2016. Культурный ландшафт как сфера пространственных представлений и кодов культуры. Наука. Искусство. Культура, 3 (11): 108–115.
7. Кузьменко Н.М. 2001. Семиотическая концепция культуры М. К. Петрова: Лингвокультурологический контекст и специфика: дисс ... к. филос. наук : 24.00.01. Ростов-на-Дону, 145 с.
8. Кулешова М. Е. 2000. Культурные ландшафты: общие представления, понятия, подходы к оценке. В кн.: Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Москва, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия: 37–52.
9. Культурный ландшафт. 2001. В кн.: Культурология: краткий тематический словарь. Под ред.: Г.В. Драч, Т.П. Матяш. Ростов н/Д.: Феникс, 192 с.
10. Лавренова О.А. 2010. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. Москва, Институт Наследия. 330 с.

11. Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта. Автореф. дисс. д. филос. н.: 24.00.01. Теория и история культуры. Москва. 38 с.
12. Лефевр А. 2010. Парки и сады. 2010. Москва: ЗАО «Фитон+», 168 с.
13. Лотман Ю.М. 2000. Статьи по типологии культуры. Искусство. Санкт–Петербург. 498 с.
14. Лотман Ю. М. 2000. Семиосфера. Культура и взрыв. СПб., Искусство Санкт–Петербург. 704 с.
15. Межуев В.М. 1995. Классическая модель культуры: проблема культуры в философии Нового времени. В кн.: Культура: теории и проблемы. Москва.
16. Петрова М.К. 2016. Наследие: философия, культурология, науковедение, регионалистика. Под ред. М.А. Дидык, А.Н. Ерыгина, В.П. Римского. Белгород: ИПК БГИИК. С. 204–209.
17. Неретина С.С., Огурцов А.П. 2000. Время культуры. СПб., Изд–во РХГИ. 343 с.
18. Неретина С.С. 2005. Точки на зрении. Санкт–Петербург. 359 с.
19. Розин В.М. 2006. Понятие и современные концепции техники. Москва. 255 с.
20. Семиотизация культурного ландшафта в музеях–заповедниках (на примере музея–заповедника «Томская писаница»). География искусства. Вып. 4. Москва, 2005. С. 43–58.
21. Тикунова С.В. 2016. Концепт «культурный ландшафт»: философско–культурологическая экспликация. Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология Право», 17 (238): 105–111.
22. Тикунова С.В. 2017. Знаково–символические образы природы в культурно–исторических типах ландшафта. Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология Право», 17 (266): 152–155.
23. Тикунова С.В. Калинина Г.Н. 2018. Понятие и методология исследования культурного ландшафта. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 5. С. 10–17.
24. Тикунова С.В. 2019. Эстетика концепт–образов культурного ландшафта в раннем искусстве. Наука. Искусство. Культура, 1 (21): 100–105.
25. Шишкина А.А. 2011. Культурный ландшафт: основные концепции. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 1 (21): 151–157.

References

1. Analytical scientific review. Scientific–analytical review of the literature on the subject of "Cultural geography". 2011. Under the arms. Prof. M.S. Uvarova. Project number: 23.23.1420.2011. SPSU. (In Russian)
2. Bondarev Yu.I., Tikunova S.V. 2011. Esthetic development of non–artistic existence. V international student forum "Education, science, production". Belgorod: BSTU im. V.G. Shukhov. (In Russian)/ URL: press release. <http://www.bstu.ru/>
3. Bondarev Yu.I., Tikunova S.V., Titovskaya A.A., Shevchenko N.I. 2016. Architecture in the structure of aesthetic activity: the problem of aesthetic, utilitarian and artistic. In: Economics. Society. Person. Materials of the international scientific conference "Socio–cultural and economic processes in conditions of instability" (in memory of Professor L. G. Galkin). Issue XXVII. Belgorod: BSTU im. V.G. Shukhov. Pp. 47–67. (In Russian)
4. Vygotsky L.S. 1982. Thinking and speech. Coll. Op. Vol. 2, Moscow: Pedagogika. 504 p. (In Russian)
5. Golovneva E.V. 2018. Construction of regional identity in modern culture. 09.00.13–philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical Sciences), Yekaterinburg, 38 p. (In Russian)
6. Kalinina G.N., Tikunova, S.V. 2016. Cultural landscape as a sphere of spatial concepts and codes of culture. Science. Art. Culture, 3 (11): 108–115. (In Russian)
7. Kuzmenko N.M. 2001. A semiotic concept of culture by M. K. Petrov: linguistic and cultural context and specifics: Diss ... candidate of philosophical Sciences. science: 24.00.01. Rostov-on-don. 145 p. (In Russian)
8. Kuleshova, M.E. 2000. Cultural landscapes: General concepts, approaches to assessment. Environmental problems of preserving historical and cultural heritage. Moscow: Russian research Institute of cultural and natural heritage. Pp. 37–52. (In Russian)
9. The cultural landscape. 2001. In: Cultural studies: a brief thematic dictionary. Ed: G.V. Drach, P.T. Matyas. Rostov, Phoenix, 192 p. (In Russian)

10. Lavrenova O.A. 2010. Spaces and meanings: Semantics of cultural landscape. Moscow: Institute of Heritage. 330 p. (In Russian)
11. Lavrenova O.A. 2010. Semantics of cultural landscape. Abstract. Diss. doctor of philosophy. n.: 24.00.01. Theory and history of culture. Moscow. 38 p. (In Russian)
12. Lefevre A. 2010. Parks and gardens. Moscow: ZAO "Fiton+". 168 p. (In Russian)
13. Lotman Yu. M. 2000. Articles on typology of culture. Iskusstvo–Saint Petersburg. 498 p. (In Russian)
14. Lotman Y.M. 2000. Universe of The Mind. Culture and explosion. SPb., Art–Saint Petersburg. (In Russian)
15. Mezhujev V. M. 1995. Classical model of culture: the problem of culture in the philosophy of Modern times. In: Culture: theories and problems. Moscow. (In Russian)
16. The legacy of M. K. Petrov: philosophy, cultural studies, science, regionalism. Scientific collection. 2016. Ed. M.A. Didyk, A.N. Erygin, V. p. Rimsky. Belgorod: IPC of BGIK. Pp. 204–209. (In Russian)
17. Neretina S.S., Ogurtsov A. P. 2000. Time of culture. SPb., Publishing house of RGGI, 343 p. (In Russian)
18. Neretina S.S. 2005. Points on vision. Saint Petersburg. 359 p. (In Russian)
19. Rozin V.M. 2006. Concept and modern concepts of technology. Moscow. 255 p. (In Russian)
20. Semiotization of the cultural landscape in museums–reserves (on the example of the Museum-reserve "Tomskaya Pisanitsa"). 2005. Geography of art. Vol. 4. Moscow. Pp. 43–58. (In Russian)
21. Tikunova, S.V. 2016. Concept "cultural landscape": philosophical and cultural explication. Scientific Bulletin of the Belarusian state University. Series " Philosophy. Sociology Of Law", 17 (238): 105–111. (In Russian)
22. Tikunova S.V. 2017. Sign and symbolic images of nature in the cultural and historical types of landscape. Scientific Bulletin of BelSU. Series " Philosophy. Sociology Of Law", 17 (266): 152–155. (In Russian)
23. Tikunova S.V, Kalinina G N. 2018. Concept and methodology of cultural landscape research, Bulletin of the Moscow state University of culture and arts, 5: 10–17. (In Russian)
24. Tikunova S.B. 2019. Aesthetics the concept of cultural landscape images in early art. Science. Art. Culture. No. 1 (21). (In Russian)
25. Shishkina A. A. 2011. Cultural landscape: basic concepts. Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. A series of Social science, 1: 151–157. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калинина Галина Николаевна, доктор фило-
лос. н., профессор кафедры философии, куль-
турологи и науковедения БГИИК, г. Белгород,
Россия

Тикунова Светлана Владимировна, аспи-
рант кафедры философии, культурологи и
науковедения БГИИК, г. Белгород, Россия

Рожкова Екатерина Владимировна, аспирант
кафедры философии, культурологи и науковедения
БГИИК, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina N. Kalinina, Ph.D., Professor at the De-
partment of Philosophy, Cultural Studies and Sci-
ence of Science, Belgorod State Institute of Cul-
ture, Belgorod, Russia

Svetlana V. Tikunova, Senior Lecturer Depart-
ment of Architectural Environment Design, Belgo-
rod State Technological University named after
V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

Ekaterina V. Rozhkova, Postgraduate Department
of Philosophy, Cultural Studies and Science of Sci-
ence, Belgorod State Institute of Culture, Belgorod,
Russia

УДК 7.01

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-289-298

Визуальное восприятие искусства как первый шаг в познании культурно-мировоззренческой основы цивилизации

Лопин Р.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: lopin@bsu.edu.ru

Аннотация. Актуализированы проблемы бережного отношения к визуально-художественным образам традиционной культуры, которые неразрывны с духовными основами формирования культурно-цивилизационного пространства. Показано, как человек в культурно-цивилизационном пространстве соединяется с окружающими его предметами материальной культуры не только по принципу определения их утилитарных качеств, но и в естественном чувстве гармонии и красоты окружающего мира, выражающего духовные идеалы культуры. Они являются фактором выражения и формирования мировоззренческих основ человека, ей принадлежащего, от которых напрямую зависят положения, принятые для руководства в его жизни, его убеждения: социальные, политические, религиозные и др. Данный фактор исторически свойственен процессу культурной идентификации человека и присущ любой цивилизации.

Ключевые слова: культура, цивилизация, искусство, религия, православие, история, храм, икона, календарь, образ, символ, Россия.

Для цитирования: Лопин Р.А. 2020. Визуальное восприятие искусства как первый шаг в познании культурно-мировоззренческой основы цивилизации. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 289–298. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-289-298

Visual perception of art as the first step in the knowledge of the cultural and ideological basis of civilization

Roman A. Lopin

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: lopin@bsu.edu.ru

Annotation. The problems of careful attitude to the visual and artistic images of traditional culture, which are inseparable from the spiritual foundations of the formation of cultural and civilizational space, are actualized. It is shown how a person in the cultural and civilizational space connects with the surrounding objects of material culture not only by the principle of determining their utilitarian qualities, but also in a natural sense of harmony and beauty of the surrounding world, which expresses the spiritual ideals of culture. They are a factor in the expression and formation of the worldview foundations of a person belonging to it, which directly affect the provisions adopted for guidance in his life, his beliefs: social, political, religious, etc. This factor is historically inherent in the process of cultural identification of a person and is inherent in any civilization.

Keywords: culture, civilization, art, religion, Orthodoxy, history, temple, icon, calendar, image, symbol, Russia.

For citation: Lopin R.A. 2020. Visual perception of art as the first step in the knowledge of the cultural and ideological basis of civilization. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 289–298 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-289-298

Культура любой цивилизации лучше всего раскрывается в памятниках искусства, ее олицетворяющих. Они повествуют об истории, культурной целостности и самобытности цивилизации, открывают основы культурно-исторического единства общности народов, ее составляющих, – духовно-мировоззренческие принципы, формирующие традиции ее культуры. Специфике или отличительным, характерным особенностям цивилизаций, составляющих единое мировое цивилизационное пространство, присуще собственное выражение их духовного мира или метафизического начала в материальном воплощении, в способе и уровне овладения природным пространством, его художественном преобразовании.

Генезис цивилизаций в истории тесно сопряжен с религиозным мировоззрением человека. Религия и сегодня играет важную роль в определении характера той или иной цивилизации [Кин, 2006]. В большей степени мировые религии по сегодняшний день регламентируют порядок развития глобального цивилизационного пространства, определяя особенности локальных цивилизаций, традиционность их культур. Историческое происхождение культур, впоследствии в своем развитии культурно-исторических типов, их отличительные особенности сформировались в процессе духовного поиска человека. Само понятие культуры изначально ориентирует на внутренний духовно-мировоззренческий уклад человеческого естества [Спекторский, 2013, с. 33].

В современном мире можно выделить существование следующих цивилизаций: I – Евроатлантическая (чаще ее называют Западной) цивилизация, II – Русская (Восточно-христианская или Православная) цивилизация, III – Исламская цивилизация, IV – Восточная цивилизация [Переслегин, 2005, с. 102]. Они имеют свой «тип верования», который определяет в них аксиологию духовно-нравственной жизни человека с момента их возникновения и в процессе последующего развития, и воплощают в себе совокупный духовный опыт человечества.

Каждая культурно-цивилизационная конфигурация как внешнее очертание в своем пространстве во взаимном расположении предметных образов – это тип культуры или «вторая природа», реализовавшаяся в человеческой истории. Такая конфигурация закреплена в особых символических образах. В них локальные культуры неповторимы в реализации через искусство духовно-ценностных принципов своего существования, в визуализации которых, как представлении в форме, удобной для зрительного восприятия этого образа, каждая из цивилизаций в многообразии мирового пространства узнается, раскрывается. Цивилизация характеризует себя в собственном мировоззренческом идеале как форме отражения объективной действительности ее мироустройства, выраженном в искусстве с позиции определенного эстетического созерцания человека, ее представляющего.

Искусство как форма воспроизведения образов, истолкования жизни и ценностей культуры в создании эстетически воздействующих объектов может восприниматься в историческом процессе как определенная система их производства и функционирования в обществе, как система эстетических ценностей, обеспечивающая понимание духовно-мировоззренческой аксиологии культуры в целом [Культурология..., 1996, с. 552]. Оно, будучи высшим проявлением творческой самореализации человека, в практико-материальном воплощении духовной культуры раскрывает ее тип и характер в созидании и преобразовании материала и выражается в архитектуре, живописи и многих других его видах. История развития искусства характеризуется большим многообразием форм. Они

неповторимы и отражают определенное отношение человека к миру, к самому себе [Спекторский, 2013].

Примером визуализации цивилизаций, их художественного воплощения в символических образах искусства являются памятники традиционных культур.

Так, например, художественные образы культуры индуизма включают в себя знаменитые *мандиры* (храмы) индуизма – *Береговой храм семи пагод* (Махабалипурам, Индия, VII в.), *Скальный храм Кайласа – Кайласанатха* (Эллора, Западная Индия, VIII в.), *Храм солнца – Конарак*, (Орисса, Восточная Индия, XIII в.), *Великий храм* (Танджавур, Южная Индия, XI в.), *Гопура – Храм Минакши* (Мадурай, Южная Индия, XII–XIII в.) и т.д.; художественное изображение индуистских богов – *Брахма*, *Вишну* (десять инкарнаций Вишну), *Шива-Натарджа* (Владыка танца) и их атрибуты; художественное изображение богинь индуизма – *Лакшми* (богиня богатства, жена Вишну), *Сарасвати* (богиня знания, дочь Брахмы), *Кали* (богиня разрушения, двойник Шивы); художественные изображения множества божеств индуизма (индуизм как любая языческая культура имеет почти бесконечное число божеств, многие из которых женского пола). Все они имеют мужские и женские качества, а также сложные атрибуты – *Индра* (бог войны и дождя, сидящий на слоне), *Агни* (бог огня с двумя головами, отвечающими за домашний и жертвенный огонь, иногда в сопровождении барана), *Дурга* (мать-богиня и истребительница демонов), *Бхикшатана* (обнаженный отшельник с котелком для подаяний), *Парвати* (благодетельная мать и жена Шивы), *Ардханарисвара* (владыка, который является наполовину женщиной) [Наглядно о религиях, 2000; Самсонова, 2017] и др.

Художественные образы культуры буддизма включают в себя буддийские храмы – китайская *пагода*, *вад* (Таиланд), *шукото* – японский храм, *дагоба* – ступа-реликвалий (Шри-Ланка) – имеющие отличительные особенности не только в своей архитектурной композиции, но и в символике; художественные изображения *Бодхисаттвы* – «просветленной сущности» – в буддизме-махаяна *Авалокитешвара*, в тибетской мифологии *Тара* (женский аналог Авалокитешвары), в буддизме-махаяна *Манджушири*, *Амитаба* (Амида), будда «бесконечного света», *Майтрейя*, грядущий будда; символические статуи и образы Будды – *Будда в позе лотоса* с руками в положении поучения, *Истощенный Сиддхартха Гаутама*, *Амида*, будда бесконечного света (жизни), *Японский Будда*, одетый монахом, *Будда в полной позе лотоса* для медитации [Наглядно о религиях, 2000; Емохонова, 2007] и др.

Художественные образы ислама включают в себя в храмовой архитектуре мечети, например, «*Купол скалы*» (Иерусалим), *Бад-шахи-масджид* (Индия), *Большая мечеть в Самарре* (Ирак) и м.д.; минареты (они отражают и своеобразный инструментарий звукоферы исламской цивилизации); искусство каллиграфии [Наглядно о религиях, 2000; Буркхардт, 2009] и др.

Кроме того, духовное начало любой цивилизации имеет отражение и в других художественных проявлениях собственной культуры, начиная с геральдики государств, ее представляющих, и заканчивая символически-художественным бытоустройством народов, входящих в ее состав, в том числе в хронологии летоисчисления – календаре. Визуальные символы цивилизации раскрывают признаки объективной ее общности, нашедшей выражение в общих фундаментальных чертах ментальности социума, которые в большей мере обусловлены духовно-религиозным ее началом. Художественно воплощенные в преобразованной материи, они понимаются через раскрытие духовных основ цивилизации, духовного, надфизического, метафизического начала ее культуры. В рамках цивилизации на метафизическом начале культуры формируется определенный набор и иерархия ценностей – система онтолого-метафизической аксиологии, которая выступает в качестве наиболее высокого уровня социально-культурной регуляции, где предметы материальной культуры – явление образов культуры духовной, выражение коллективного духа народа, ее представляющего.

По этой причине исторические корни возникновения цивилизаций имеют непосредственное отношение к развитию духовной культуры в истории человечества, что необходимо учитывать при рассмотрении их своеобразия в материальной, духовной и социальной жизни. Так, при рассмотрении истории русской цивилизации решающую роль в понимании ее культуры имеет ее духовно-онтологическая связь с историей христианской цивилизации по той причине, что Русь на определенном этапе своего развития стала частью христианского цивилизационного пространства, в истории которого она неотделима от истории Православия.

Для русской культуры с момента становления русской государственности на протяжении всей истории было свойственно единство национального жизнестроительства и начала религиозного аскетизма, как принципа жизнедеятельности русского народа, формирующего саму культуру России. В ней высшие образцы художественного творчества включаются в процесс формирования собственной культурно-цивилизационной конфигурации, которая отражает духовное развитие сознания народа, их создающего, являясь разным воплощением его идеалов, мировоззрения, самосознания.

Эстетика таких символично-визуальных образов, как специфическое проявление ценностного отношения человека к миру, содержит в себе принципы морали как высшего проявления этических норм общежития, коллективное мироощущение, усвоенные критерии добра и зла, шкалу жизненных ценностей, веры в высочайший идеал и смысл жизни. В соблюдении этих принципов в художественном творчестве русского народа заложена целостность его культуры. Эта целостность сформировала национально-культурную ментальность – глубинную основу характера и поведения человека, принадлежащего к ней. В своем развитии образность искусства в таком случае отражает движение к истине, освоение ее и воплощение в культуре как образе жизни, идею исторического движения – поступательного развертывания истории – христианской историософии.

Историософия как понимание истории, нашедшая выражение в художественных символах как смыслообразях русской культуры, открывает суть неразрывности составляющих элементов христианской культуры [Новоселов, 2004]. Она содержит в себе три основных элемента: *догматический*, *мистический*, *этический*, которые определяют ее сущность как культуры, имеющей метафизическое начало. Исключение в ней одного из них приводит к неполноте или искажению не только христианства как мировоззренческой основы, но и самой культуры, какую в неискаженном виде является культура русского народа, русской цивилизации. Эти элементы в ней всегда понимались следующим образом: догматический – знание о Боге; мистический – знание Бога; этический – следование Богу.

Символом культуры русской цивилизации стал символ Воскресшего Бога – Христа, в ставрографии раскрывающий путь преображения мира, человека [Цеханская, 2013]. Этот символ бытия русского человека, который отражает в высшем проявлении смысловой фундамент русской культуры, духовное состояние русского человека, его мировоззрение, понимание им добра и зла, красивого и безобразного – аксиома православия в русской культуре [Русский крест..., 2006]. Он вошел в ставрографию и историю символики под названием «Русский-православный» [История развития..., 1997, с. 17] шестиконечный крест, оно и сегодня сохраняется в энциклопедической литературе по символике. Он стал вместе с «двуглавым орлом», символом цивилизационной преемственности Русью восточного христианства из Византии, в геральдике России онтологическим образом культуры, которая имеет характерные для нее черты: *христоцентричности*, Новозаветного начала, где Христос – единственное «средство» ипостасного соединения Божественной и человеческой природы; *триадоцентричности*, ипостасийности Троицеобразного Бога – Отца, Сына и Святого Духа; *церковноцентричности*, неотъемлемости Христа и Церкви. В ней материальная культура и внешнее украшение жизни не входили в непосредственные цели. Скорее, сотериологические требования подобной культуры регламентировали подчинение материальных потребностей духовным. В ее системе основной целью жизни человека яв-

лялось душеспасение. Однако устремление к высшему идеалу в такой системе духовного развития стало свойственным стремлением и в бытоустройстве как преобразении мира в высшем творческом порыве культурно-художественного воплощения. Историческое наследие сотериологии культуры Древнего Египта нашло выражение в грандиозности образов духовного устремления египтянина – пирамидах. В русской традиции духовные идеалы воплощались в храмовом зодчестве, синтезируя в себе все достижения русского искусства.

Храм в процессе формирования христианской культуры, как символическое воплощение Церкви – духовного единения христиан во Христе, восходит к ветхозаветному периоду истории человечества, к Скинии пророка Моисея и Храму царя Соломона, к новозаветному периоду становления христианской цивилизации на развалинах языческого Рима, к раннехристианской духовной культуре – периоду развития храмового устройства, живописи, символики. В истории развития храмостроения на западе и востоке христианской цивилизации по историческим причинам под влиянием их собственных культур и видения христианства сложились разные типы храмового зодчества.

На западе храм, вобрав в себя «базиличную» (базилика греч. «царский дом» – большое общественное здание, возводившееся в центре древнеримских городов, в котором проходили собрания, совершались суды, заключались торговые сделки) архитектурную схему устройства здания, приспособленную ранним христианством для богослужения, в большей степени сохранив генетическую преемственность Рима как законодательного центра цивилизации, сохранил в себе статику античного его величия. Рим «папской власти» довольно ярко проступает в основных стилях храмостроения, позднее получивших распространение в западноевропейской культуре: романском, готическом и возрождения. Все они, несмотря на свою внешнюю разность, отражают сущность западной ментальности – глобального идеологического центра [Любимов, 1976].

В восточнохристианском зодчестве динамика поиска художественного воплощения сложившихся церковных символов обусловила появление в нем, кроме «базиличной», разных форм храма уже в византийский период: храм в виде круга, равностороннего креста, прямоугольника, близкого к квадрату. Каждая из форм в храмовом зодчестве получила символическое значение: «Церковь – корабль спасения», «Крест Христов», «вечность, бесконечность» и т.д. Сам храм, увенчанный крестом, стал символом прославления Христа. В византийском храмостроении венцом символики прославления Христа стала крестово-купольная конструкция храма. Она воплотила в себе и во внешнем облике, и во внутреннем содержании главную идею христианства – нисхождения к человеку Бога, смысла человеческой истории как пути преобразования в Боге, вселенскости Церкви как знамения всего мироздания во главе с Богом-Творцом. Святая София Константинопольская – визуализация такого знамения – Вселенско-Соборного Царьграда [Борзова, 2002].

С принятием христианства на Руси храмы становятся сосредоточием ее культуры, центром любого поселения русского человека, что обусловило зарождение русской церковной архитектуры как символа христианского мира, органически включающего Русь во вселенское христианство. Воздвигнутые храмы служили этой цели, ориентируя сознание русского человека через литургически опытную жизнь, определяя дальнейшее развитие его самосознания – причастности к христианскому миру, что стало отправной точкой в развитии русской культуры, русского искусства. Они посвящались Христу Спасителю, Богородице, Живоначальной Троице или святым.

София Константинопольская стала образцом храмостроения для Руси. По образу Софии Константинопольской строились главные храмы древнерусских культурных центров – София Киевская, София Новгородская, София Полоцкая, в чем выражалась идея духовного единства русской земли.

Несмотря на то, что древнерусскому храмовому зодчеству присущи многие черты храмостроения Византии и европейских стран, в нем сложились достаточно яркие особен-

ности самостоятельного творчества и поисков русских зодчих, нашедшие отражение в конструкциях, во внешнем и внутреннем декорировании храма собственно как культурно-цивилизационного явления. Храм в подобном явлении, раскрывая свою культурную принадлежность, символизировал и раскрывал саму сущность русской цивилизации во всей исторической динамике, которую можно рассмотреть по известным памятникам: Киево-Новгородской Руси – *«Десятинная» церковь* (к сожалению, на сегодняшний день не сохранившаяся), *Спасо-Преображенский собор в Чернигове*, *Собор Святой Софии в Киеве*, *Золотые ворота в Киеве с Благовещенской церковью* (образ *Золотых Ворот Константинополя*), *Собор Михаила Златоверхого в Киеве*, *Церковь Параскевы Пятницы в Чернигове*, *Софийский собор в Новгороде*, *Николо-Дворищенский собор Новгорода*, *Георгиевский собор Юрьева монастыря*, *Рождественский собор Антониева монастыря*, *Церковь Федора Стратилата по Ручью*, *Церковь Спаса на Ильине улице*; Владимиро-Суздальской земли – *Церковь Бориса и Глеба в Кидекше*, *Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском*, *Успенский собор во Владимире*, *Церковь Покрова на Нерли*; Московской Руси – *Успенский собор Московского Кремля*, *Благовещенский собор Московского Кремля*, *Архангельский собор Московского Кремля*, *Церковь прп. Иоанна Лествичника*, *Собор Василия Блаженного*, *Церковь Вознесения в Коломенском*, *Церковь Преображения в селе Остров*, *Воскресенский собор Новоиерусалимского монастыря*, *Церковь Рождества Богородицы в Путинках*; Санкт-Петербурга – *Петропавловский собор*, *Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры*, *Церковь Рождества св. Иоанна Предтечи*, *Князь-Владимирский собор*, *Николо-Богоявленский собор*, *Исаакиевский собор*, *Казанский собор*, *Храм Воскресения Христова*. Все эти памятники как объекты изучения культурного наследия углубляют знания об исторической эпохе их создания, духовной культуре, искусстве, развитии строительной техники, открывают возможность зрительного представления – визуализации метафизики русской цивилизации.

Безусловно, центром визуализации русского мира является Московский Кремль, а позднее и Храм Христа Спасителя – символы России. Первый в истории России, сформировавшись как духовно-политический центр, стал ее «сердцем», первопрестолом страны (отсюда престольный град, столица). В своей архитектурной композиции, в своей православной символике Московский Кремль стал образом алтаря «русского Царьграда» – «Третьего Рима» и «Второго Иерусалима», напоминая золотом своих куполов зажженные свечи, идею молитвенного предстояния Руси в «Граде Божиим» – ее столице. В Московском Кремле (в Успенском соборе – Московской Софии) хранились знаковые предметы мировой и русской истории, такие православные святыни, как риза Господня, гвоздь, которым был прибит к Кресту Спаситель, десница апостола Андрея Первозванного, нательный крест Константина Великого, «Мономахов трон» и многое др.

Второй, Храм Христа Спасителя, построенный русским народом в благодарность за заступничество Всевышнего за Россию в критический период ее истории, – памятник мужества русского народа в борьбе с наполеоновским нашествием 1812 г. [Храм Христа Спасителя..., 1993] в своей истории стал не только главным храмом Русской Православной Церкви, храмом-памятником, «храмом-мучеником» [там же], но и символом возрождения России, сохранения русской цивилизации.

Параллельно с художественным образом храма – метафизике, воплощенной в камне, – в русской культуре развивалась иконография, воплощающая богословско-догматическое учение христианской веры в красках. Она внесла огромный вклад в процесс визуализации духовного идеала русской культуры, раскрытие духа сознания русского человека, выработав новые формы художественного воплощения духовной реальности.

Иконопись нигде, как в русской культуре, не достигла такого высокого развития, не создала такое количество шедевров, не стала таким излюбленным видом изобразительного искусства для народа на протяжении многих столетий, как в России [Цеханская, 2013, с. 95]. Для русской иконописи характерны и свой способ отражения жизни, и свои

живописные приемы, и свой язык – свои секреты мастерства, привнесенные в церковную живопись русскими иконописцами.

Икона в культурном пространстве русской цивилизации – явление повсеместное: в монастырях, интерьерах храмов, для церковных служб (выносные, аналойные, иконы-мошевики), венчальные и для отпевания, домовые (для домашних иконостасов), именные, семейные, мерные (особый вид иконы, которая пишется по «размеру», по росту новорожденного), иконы-ладанки для ношения, вратарные и т.п., дающее целостное представление о мировоззренческих идеалах русского человека. Для него иконографический образ был источником познания смысла существования человека [Трубецкой, 1993], общества и мира в целом.

Многовековая история иконописания началась с первых изображений Иисуса Христа, пройдя сложный путь своего становления от создания первых символических изображений Иисуса Христа в раннехристианский период до формирования иконографических образов не только Христа, но и Троицы, Богородицы, святых, отражая в себе Священное Писание и Священное Предание Церкви. Оно выработало правила, по которым пишутся иконы, – иконописный канон.

Изображение Христа в русской иконографии, следуя каноническому правилу письма, включает в себя оглавное, оплечное, поясное его изображения, а также изображение во весь рост. Христоцентричность русского сознания в ней выразилась в таких образах, как *Спас Нерукотворный* (Спас на чрепии и Спас на убресе), *Пантократор*, *Господь на престоле*, *Спас в Силах*, *Спас Еммануил*.

Воплощение триадоцентричности русской культуры наиболее ярким образом было осуществлено в религиозно-мистическом символизме иконы «Троица» Андрея Рублева. Она, являясь величайшей святыней русского народа, символом русской культуры, православной цивилизации, олицетворяет собой наивысшее ее достижение в художественной культуре. Появление «Троицы» связано с отождествлением православной державы – России с центром вселенского православия, с самосознанием русской цивилизации, имеющей отличия от любой другой (католико-протестантской или магометанской и т.п.) цивилизации, с русским центризмом, вобравшим в себя христианское миссианство, став лучшим образом живописи Московской Руси на рубеже XIV–XV вв., живописным синонимом всей средневековой русской культуры. Сюжет «Троицы» богословски связует ветхозаветные события с новозаветными, открывает историческую преемственность новозаветной культуры с актом творения человечества, связь с его Творцом, что раз и навсегда утверждает в русской культуре идеал истины (не случайно с 1868 г. Мамврийский дуб – историческое свидетельство явления Троицы – стал достоянием Русской Духовной Миссии). Лица Святой Троицы в ней: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух – идея единства и нерасторжимости трех Лиц Троицы, образ триипостасного Божества, символ Евхаристии, образ божественной любви – высший идеал бытия цивилизации, к которому она, несмотря на все сложности и неоднозначность происходящих событий в ее истории, обязана стремиться и стремится в своем существовании.

Образ Божией Матери – излюбленный жанр русской иконографии – занимает в истории и культуре России особое место. В русском иконописании было создано множество икон Богородицы (более 700 наименований). Ее образ – это символ, раскрывающий богочеловеческую сущность Христа, возможность пути преображения во Христе для человека [Губарева, 2006]. В почитании образа Пресвятой Богородицы раскрывается церковноцентричность, соборность русского сознания, олицетворявшего русскую землю с Ее уделом, с Ее покровительством над ней (икона «Дерево государства Российского» Симона Ушакова XVII в. и икона Божией Матери «Державная», обретенная в 1917 г., – свидетельства великого почитания Пресвятой Богородицы как покровительницы Руси).

Из всего многообразия икон Божией Матери принято выделять три основных типа: Оранта, Одигитрия, Елеуса. Они, имея свое древнее происхождение, в основном бы-

ли присущи и русской иконографии: иконы Божией Матери «Оранта» – основные примеры: *Оранта Софии Киевской, икона Великая Панагия, Мирожская икона Божией Матери, Курская-Коренная икона Божией Матери, Новгородская икона Божией Матери «Знамение», Абалакская икона Божией Матери «Знамение»; иконы Божией Матери «Одигитрия» – Иверская икона Божией Матери, Иерусалимская икона Божией Матери, икона Божией Матери Казанская, Смоленская икона Божией Матери, Тихвинская икона Божией Матери, икона Божией Матери «Троеручица», икона Божией Матери «Скоропослушница», икона Божией Матери «Споручница грешных»; иконы Божией Матери «Умиление» (Елеуса) – икона Божией Матери Владимирская, Донская икона Божией Матери, икона Божией Матери «Взыграние», икона Божией Матери «Взыскание погибших», Корсунская икона Божией Матери, Почаевская икона Божией Матери, Толгская Божия Мать, Феодоровская икона Божией Матери, Киккская-Владимирская икона Божией Матери.*

В иконографии Божией Матери, кроме основных типов Ее изображения, существуют еще так называемые избранные. К ним относят икону *Божией Матери «Неопалимая Купина», икону Божией Матери «Семистрельная», икону Божией Матери «Неупиваемая Чаша», икону Божией Матери «Утоли моя печали», икону Божией Матери «Нечаянная Радость», икону Божией Матери «Прибавление ума», икону Божией Матери «Всецарица», икону Божией Матери «Державная»* и др. Данная иконография отражает в себе историю Церкви, историю христианской цивилизации, причастности русского мира к ней.

Жизнь русской цивилизации как части христианского мира в ее культурно-исторической хронологии нашла свое выражение в собственном (собственное построение и осмысление календарной системы – это достояние и на сегодняшний день любой цивилизации [Бургуэн, 2006]) календаре, регламентирующем цикл жизни человека, принадлежащего к ней. Календарный цикл в большей степени в ней выражал ее метафизическое начало в совокупности взаимосвязанных культурно-исторических процессов, что обусловило в ее пространстве законченную, стройную систему регламента духовной жизни человека, временного промежутка – дня, недели, месяца, года (декретом Совнаркома о введении западноевропейского календаря 14 февраля 1918 г. по политическим мотивам многовековая календарная система была отменена). Художественно реализованный в иконографии календарный цикл дал возможность развития ряда иконографических образов, его отражающих, – икон православных праздников.

Наиболее важные из них (Воскресение Христово и 12 великих двенадцатых праздников) отражают в своих сюжетных композициях события земной жизни Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы, Церкви, выражая метафизическую сущность христианской культуры: икона *Воскресения Христова* – «праздников праздника» (на пасхалии основан весь цикл христианского календаря); иконы двенадцатых неподвижных праздников (приводятся в хронологической последовательности событий): *Рождество Пресвятой Богородицы* – 8 сентября (21 сен. н.с.), *Введение во храм Пресвятой Богородицы* – 21 ноября (4 дек. н.с.), *Благовещение Пресвятой Богородицы* – 25 марта (7 апр. н.с.), *Сретение Господне* – 2 февраля (15 фев. н.с.), *Успение Пресвятой Богородицы* – 15 августа (28 авг. н.с.), *Рождество Христово* – 25 декабря (7 янв. н.с.), *Богоявление или Крещение Господне* – 6 января (19 янв. н.с.), *Преображение Господне* – 6 августа (19 авг. н.с.), *Воздвижение Креста Господня* – 14 сентября (27 сен. н.с.); иконы двенадцатых подвижных Господских праздников: *Вход Господень в Иерусалим* (празднуется за одну неделю до Пасхи), *Вознесение Господне* (Празднуется на 40-й день после Пасхи), *Пятидесятница или День Святой Троицы* (празднуется на 50-й день после Пасхи).

Икона в данном контексте – это духовно-художественный символ православия, визуальный образ русской культуры, художественный символ Руси. Наивысшего своего художественно-эстетического расцвета она достигла в развитии именно русского искусства. Русская икона и наиболее чтимые и распространенные иконографические типы – это глу-

боко прочувствованные русским народом образы, которые воплощали в своих сюжетах идеи добра и всепрощения, любви и согласия, смирения и духовности, стойкости и готовности к самопожертвованию. Они давали русскому человеку целостное представление о мире, о Боге. В них был отражен смысложизненный вектор существования человека, общества и мира. Ее визуальный образ является эффективным способом зрительного воздействия, духовно-нравственного воспитания человека.

Осмысление русского иконографического искусства и храмостроения как самодостаточных компонентов отечественной художественной культуры позволяет рассматривать их как составляющую базиса духовной жизни народа, в котором нашли отражение основы народного самосознания, мировосприятия. Так обращение к феномену русской иконы как визуальному отражению духовной культуры может быть выражением потребности современников в осмыслении своей духовно-культурной идентичности.

Сегодня, несмотря на общемировую тенденцию стирания культурных особенностей в последние столетия, через политические преобразования и искусственное создание всемирной модели ценностей (данный трансформирующий процесс затронул все глобальное культурно-цивилизационное пространство, меняя в нем уклад жизни народов, видоизменяя ландшафтное пространство сооружениями прогрессивно-безликого техногенного дизайна) цивилизации хранят свою культурную идентичность, заложенную началом их возникновения. Они хранят свой культурно-исторический тип в собственной словесности, праве, культуре быта, искусстве. Последнее наиболее ярко проявляется в визуализации духовного начала их культур в памятниках храмового зодчества, изобразительного искусства (живописи, скульптуре) как первый шаг в познании культурно-мировоззренческой основы цивилизации, ее фундаментальных ценностей.

Современные тенденции глобальной культурной коммуникации в большей степени направлены на освоение общего мирового пространства, но в то же время локальные цивилизации стремятся сохранить свою культуру как основу своего бытия в преемственности ее духовного начала, где преемственность – залог существования любой из них в мировом пространстве.

Список источников

1. Культурология. Основы теории и истории культуры. Учебное пособие. 1996. Под. ред. И.Ф. Кефели. СПб, «Специальная литература»: 602 с.
2. Храм Христа Спасителя в Москве: Составлено по книге М.С. Мостовского, издание 1918 г. Сост. и авт. послесл. С.Н. Романова. М., 1993. Отечество, Крайтур: 96 с.
3. Шейдаев Э., Анашкевич М. 2006. Русский крест. Символика православного надглавного креста. М., АСТ, Астрель: 300 с.
4. Грэй Р., Хэнлон Д. 2000. Наглядно о религиях. Пер. с англ. П.А. Самсонова. Минск, ООО «Попурри»: 224 с.

Список литературы

1. Борзова Е.П. 2002. История мировой культуры. СПб, Лань: 672 с.
2. Бургуэн Ж. 2006. Календарь. История и современность. М., Астрель; АСТ. 144 с.
3. Буркхардт Т. 2009. Искусство ислама. Язык и значение. Таганрог, Ирби: 288 с.
4. Губарева О.В. 2006. Божия Матерь в Ее иконах. Опыт художественно-богословского анализа. М., Паломник: 160 с.
5. Емохонова Л.Г. 2007. Художественная культура буддизма. М., Издательский центр «Академия»: 96 с.
6. Кузнецов В.П. 1997. История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии. М., Альманах «Жизнь вечная»: 40 с.
7. Кин М. 2006. Религии мира. Харьков, «Клуб семейного досуга»: 240 с.
8. Любимов Л.Д. 1976. Искусство Западной Европы. Средние века. Возрождение в Италии. М., Просвещение: 320 с.

9. Новоселов М.А. 2004. Догмат и мистика в Православии, Католичестве, Протестантстве. М., Лепта-Пресс: 384 с.
10. Переслегин С.Б. 2005. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М., АСТ; СПб, Terra Fantastica: 619 с.
11. Самсонова Е.М., Ковальчук М.А. 2017. Индийская скульптура: от архаики до средневековья (XXII в. до н. э. – XVII в. н. э.). Хабаровск, Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та: 200 с.
12. Спекторский Е.В. 2013. Христианство и культура. М., Центр стратегической конъюнктуры: 360 с.
13. Трубецкой Е. 1993. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. В кн.: Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология. Сост., общ. ред. и предисл. Н.К. Гаврюшина. М., Прогресс: 195–219.
14. Цеханская К.В. 2013. Почитание православных святых в России. М., Паломник: 400 с.

References

1. Borzova E.P. 2002. Istoriya mirovoi kul'tury. [History of world culture]. SPb, Lan': 672 p.
2. Burguen Zh. 2006. Kalendar'. Istoriya i sovremennost'. [Calendar. History and modernity]. M., Astrel'; AST. 144 p.
3. Burkkhardt T. 2009. Iskusstvo islama. Yazyk i znachenie. [The art of Islam. Language and meaning]. Taganrog, Irbi: 288 p.
4. Gubareva O.V. 2006. Bozhiya Mater' v Ee ikonakh. Opyt khudozhestvenno-bogoslovskogo analiza. [The mother of God in her icons. Experience of artistic and theological analysis]. M., Palomnik: 160 p.
5. Emokhonova L.G. 2007. Khudozhestvennaya kul'tura buddizma [Artistic culture of Buddhism]. M., Izdatel'skii tsentr «Akademiya»: 96 p.
6. Kuznetsov V.P. 1997. Istoriya razvitiya formy kresta. Kratkii kurs pravoslavnoi stavrografii [History of the development of the cross form. Short course of Orthodox stavrography]. M., Al'manakh «Zhizn' vechnaya»: 40 p.
7. Kin M. 2006. Religii mira. [World religion]. Khar'kov, Klub semeinogo Dosuga: 240 p.
8. Lyubimov L.D. 1976. Iskusstvo Zapadnoi Evropy. Srednie veka. Vozrozhdenie v Italii. [Art Of Western Europe. Middle ages. The Renaissance in Italy]. M., Prosveshchenie: 320 p.
9. Novoselov M.A. 2004. Dogmat i mistika v Pravoslavii, Katolichestve, Protestantstve. [Dogma and mysticism in Orthodoxy, Catholicism, and Protestantism]. M., Lepta-Press: 384 p.
10. Pereslegin S.B. 2005. Samouchitel' igry na mirovoi shakhmatnoi doske. [Tutorial of the game on the world chess Board]. M., AST; SPb, Terra Fantastica: 619 p.
11. Samsonova E.M., Koval'chuk M.A. 2017. Indiiskaya skul'ptura: ot arkhaike do srednevekov'ya (XXII v. do n. e. – XVII v. n. e.). [Indian sculpture: from the archaic to the middle ages (XXII century bc – XVII century ad)] Khabarovsk, Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta: 200 p.
12. Spektorskii E.V. 2013. Khristianstvo i kul'tura. [Christianity and culture]. M., Tsentr strategicheskoi kon'yunktury: 360 p.
13. Trubetskoi E. 1993. Umozrenie v kraskakh. Vopros o smysle zhizni v drevnerusskoi religioznoi zhivopisi. [Speculation in colors. The question of the meaning of life in old Russian religious painting]. In: Filosofiya russkogo religioznogo iskusstva XVI–XX vv. [The philosophy of Russian religious art of XVI–XX centuries]. Anthology. Comp., General editorship and Foreword. N.K. Gavryushina. M., Progress: 195–219.
14. Tsekhanskaya K.V. 2013. Pochitanie pravoslavnykh svyatykh v Rossii. [Veneration of Orthodox shrines in Russia]. M., Palomnik: 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лопин Роман Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman A. Lopin, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 342.7

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-299-306

Конституционно-правовые ограничения свободы мысли и слова в интернете: опыт правоприменения

Аристов Е.В., Ларионова М.А.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24
E-mail: znakomyi72@mail.ru, mariyaL1885@gmail.com

Аннотация. Рассмотрен вопрос соблюдения конституционно-правового баланса между свободой мысли и слова и допустимыми пределами его использования в сети интернет. Анализу подвергнуты ряд судебных актов, рассматривающие вопросы защиты прав и свобод в сети интернет. Выделены дополнительные принципы конституционно-правовых ограничений, свободного распространения информации в интернете, не указанные напрямую в Конституции РФ, но вытекающие из ее смысла. Авторы рассмотрели основные сферы нарушения прав и свобод посредством использования права на свободу мысли слова.

Ключевые слова: право на свободу мысли и слова; конституционно-правовые ограничения; принципы ограничения.

Для цитирования: Аристов Е.В., Ларионова М.А. 2020. Конституционно-правовые ограничения свободы мысли и слова в интернете: опыт правоприменения. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 299–306. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-299-306

Constitutional and legal limitations on freedom of thought and expression on the Internet: experience in law enforcement

Evgeny V. Aristov, Maria A. Larionova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Russia,
24 Sibirskaja Street, 614990, Perm, Russia
E-mail: znakomyi72@mail.ru, mariyaL1885@gmail.com

Abstract. In the article considers the issue of observing the constitutional balance between the freedom of thought and speech and the permissible limits of its use on the Internet. A number of judicial acts were examined that examined the protection of rights and freedoms on the Internet. Additional principles of constitutional and legal restrictions, free distribution of information on the Internet, not directly indicated in the Constitution of the Russian Federation, but arising from its meaning, are highlighted. The authors examined the main areas of violation of rights and freedoms through the use of the right to freedom of thought. In the presented article, the authors intend to consider some aspects of constitutional and legal restrictions in the implementation of the right to freedom of speech and thought on the Internet as a constitutional balance. The methodological basis of the study is based on the application of various

general scientific techniques and methods of scientific knowledge (analysis, synthesis, deduction, induction), as well as private scientific methods - formal legal, comparative legal and interpretative.

Key words: the right to freedom of thought and speech; constitutional and legal restrictions; principles of limitation.

For citation: Aristov E.V., Larionova M.A. 2020. Constitutional and legal limitations on freedom of thought and expression on the Internet: experience in law enforcement. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 299–306 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-299-306

Введение

Современные средства распространения информации вышли далеко за пределы традиционных «бумажных» СМИ и оказывают огромное влияние не только на формирование представлений о происходящем в мире, но и становятся причиной возникновения правовой диффамации (ущемление чести, достоинства и деловой репутации), могут способствовать разжиганию социальной, религиозной и иных форм розни.

Мироощущение в режиме офлайн и онлайн зачастую молодыми людьми отождествляются. В потоке огромного объема информации значительно сложнее стало отделить реальные события от fake news (фейковых новостей). Благодаря социальным сетям произошло размывание границ между частным и публичным, что влечет за собой нарушение прав в различных сферах: вмешательство в частную жизнь; нарушение авторского права; распространение информации, запрещенной на территории России; уголовное или административное преследование за «лайки» и другое. Многие интернет-пользователи, размещая свои отзывы на сайтах интернет-магазинов, высказывая свое мнение в мироблогах, зачастую не подозревают, что тем самым могут нарушить действующее законодательство, влекущее наказание. Одной из задач конституционно-правового регулирования распространения мысли и слова в интернете становится сохранение баланса между границами дозволенной свободы, поскольку выход за ее пределы утрачивает смысл самого права, и установления разумных ограничений, которые бы не исключали возможности реализации предоставленного права по своему усмотрению.

В России учеными исследовались вопросы права на свободу мысли и слова в конституционно-отраслевом аспекте [Дубровина, 2007; Нудненко, Живогляд, Филатенкова, 2008; 2019; Гелуненко, 2018], с точки зрения особенностей ограничения и защиты слова в сети интернет [Синцов, Дудков, 2013; Буянова, Подолянский, 2017], с позиции субъективного права на свободу мысли и слова [Догужева, Кучиев, 2017; Маханькова, 2018], в контексте ограничений права на свободу мысли и слова [Колмакова, 2015; Щукина, 2016; Черемнова, 2019].

Объекты и методы исследования

В представленной статье авторы намерены рассмотреть некоторые аспекты конституционно-правовых ограничений в реализации права на свободу слова и мысли в сети интернет в качестве конституционного баланса.

Методологическая основа исследования сформирована на основе применения различных общенаучных приемов и способов научного познания (анализа, синтеза, дедукции, индукции), а также частнонаучных методов – формально-юридического, сравнительно-правового и интерпретационного.

Результаты и их обсуждение

В теории прав человека выделяются абсолютные и относительные права человека. Критерием такого разделения можно выделить наличие возможности ограничения того или иного права федеральным законодательством, о чем говорится в ч. 3 ст. 55 и

ст. 56 Конституции России. Однако ограничения не могут иметь произвольный характер. Преследуя законную цель воспрепятствовать злоупотреблению правом, с тем чтобы осуществление конституционных прав не вторгалось и не нарушало права и свободы других лиц, правовое регулирование должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные целями меры.

В соответствии со статьей 19 Всеобщей декларации прав человека, статьей 19 Международного пакта гражданских и политических прав, статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации гарантируется каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации. Однако пользование этими правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Ограничения, налагаемые законом, преследуют цель уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения¹.

Необходимость ограничительных мер свободному распространению информации в сети интернет обусловлено современной ситуацией доступности для любого лица собирать, формировать, распространять информацию не только через общественных акторов, или специальных субъектов (СМИ), но и позволяют быть самостоятельным участником новостных событий, что влечет за собой значительные правовые последствия. В связи с этим вызывает определенный интерес рассмотреть особенности конституционно-правовых ограничений свободы слова и мысли в сети интернет.

Обращаясь к причинам, порождающим необходимость внедрения ограничений на свободу слова и мысли, мы должны отметить, что в отечественной судебной практике и практике Европейского суда по правам человека сформировалась интересная позиция, которая повлияла непосредственно на соблюдение баланса прав, свобод и обязанностей в допустимых пределах реализации права на свободу мысли и слова.

Часто потребители, недовольные оказанными услугами, стремятся высказать свое недовольство неопределенному кругу лиц, используя в этих целях соцсети, полагая тем самым «сказать правду». Или же комментируют действия должностных лиц, поскольку не согласны с их действиями, и оценивают не только принятые решения, но и ответственных за принятие и реализацию соответствующих решений, лиц. В подобных ситуациях и возникает общественная дискуссия – «где начинается и где заканчивается мое право на свободу мысли и слова».

При рассмотрении дел, связанных с распространением информации в сети Интернет, требуется разграничение между фактологическими утверждениями и оценочными суждениями. «... *Существование фактов можно доказать, в то время как правдивость оценочных суждений не подлежит доказыванию. Требование доказать правдивость оценочного суждения невозможно выполнить, и оно посягает на саму свободу убеждений, которая является основополагающей частью права, гарантируемого статьей 10 Конвенции*» (п. 30)². Соответствующей позиции придерживаются и отечественные суды, указывая следующее: «позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, яв-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 27.10.2017 (дата обращения 01.02.2020).

² Гринберг против России (Grinberg v. Russia): Постановление Европейского Суда по правам человека от 21.07.2005 (жалоба № 23472/03) // СПС КонсультантПлюс.

ляясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности»¹. Между тем в судебной практике выработался подход, согласно которому выражение субъективного мнения (оценочные суждения) не должно носить оскорбительного характера².

Если информация, указывающая на противоправный характер поведения истца, носит оскорбительный характер, то даже при условии ее изложения как субъективного мнения автора ее распространение может быть основанием для заявления требования о защите деловой репутации. В частности, если речь идет о противоправном поведении организации, особенно если порочащие сведения изложены в форме утверждений о такой деятельности³.

Таким образом, размещая, например, на своей странице сайта «ВКонтакте» информацию о некачественных услугах, оказанных управляющей компанией, в утвердительной форме, которые не могут быть подтверждены документально, является основанием для привлечения к ответственности⁴.

В свою очередь, ограничения должны отвечать принципу правовой определенности и учитываться в каждой конкретной ситуации. Принцип недопустимости формулирования законодателем таких положений, которые в силу своей неопределенности и при отсутствии законных пределов усмотрения правоприменителя могут применяться произвольно⁵. Несмотря на общий запрет цензуры, предусмотренный статьей 29 Конституции Российской Федерации, положения ее статьей 56 и 87 допускают возможность ограничения свободы массовой информации в качестве временной меры в условиях чрезвычайного или военного положения. В этих случаях цензура может вводиться и осуществляться в порядке, установленном Федеральными конституционными законами «О чрезвычайном положении» и «О военном положении»⁶, но такие ограничения должны иметь временный характер.

Суды также отмечают такой важный принцип, как достаточность основания для ограничения права на свободу мысли и слова, не выходя за пределы социально-значимой цели. Преследование одной лишь цели рациональной организации деятельности органов власти – не достаточное основание для ограничения прав и свобод. При допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату⁷.

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.08.2019 № Ф01-3793/2019 по делу № А17-9661/2018 // СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.02.2019 № Ф07-761/2019 по делу № А56-50960/2017 // СПС КонсультантПлюс.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.03.2018 по делу № 305-ЭС17-19225, А40-97932/2015 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Постановление № Ф09-5973/2019, 24.09.2019 г. Дело № А47 8679/201 http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6ffda8ee-39c8-42a1-9372-c3e84b379fbc/50c3bf92-8c45-48c3-a9f0-6463b2cb93f8/A47-8679-2018_20190924_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 02.02.2020).

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2-3.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.

Разграничение на частное и публичное в условиях разнообразия интернет-ресурсов и социальных сетей фактически отсутствует, что влечет специфический правовой режим реализации и защиты гражданских прав, что подтверждается судебной практикой.

Гарантируя и охраняя право на неприкосновенность и тайну частной жизни, запрет на сбор, хранение и распространение информации о частной жизни человека без его согласия (ст. 23 и 24 Конституции РФ), необходимо учитывать способы получения соответствующей информации. Под собиранием сведений о частной жизни лица понимаются умышленные действия, состоящие в получении этих сведений любым способом, например, путем личного наблюдения, прослушивания, опроса других лиц, в том числе с фиксированием информации аудио-, видео-, фотосредствами, копирования документированных сведений, а также путем похищения или иного их приобретения. Распространение сведений о частной жизни лица заключается в сообщении (разглашении) их одному или нескольким лицам в устной, письменной или иной форме и любым способом (в частности, путем передачи материалов или размещения информации с использованием информационно, телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет). Иными словами, противоправный характер сбора информации о человеке будет оцениваться как «тайный», скрытый от самого человека процесс, осуществляемый без необходимого на то основания или согласия самого носителя персональной информации.

Однако не любой сбор информации может быть оценен как противоправный. Не может повлечь уголовную ответственность собирание или распространение таких сведений в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если сведения о частной жизни гражданина ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле¹. Таким образом, размещая на своих страницах в соцсетях фотографии или иные личные сведения, пользователи фактически сами предоставляют доступ к своей личной информации, отказываясь от защиты своего права на охрану тайны своей личной и семейной жизни, давая тем самым неопределенному кругу лиц свое «согласие» на ее сбор и распространение любым способом.

Признание личных аккаунтов в социальных сетях в качестве публичных источников информации накладывает на ее владельца определенную ответственность за содержание размещаемой информации.

Так, по приговору суда Нуров Ш.Ж. признан виновным в умышленном размещении на личной странице «Шавкатжон Нуров» в социальной сети «ВКонтакте», доступной неограниченному кругу лиц, десяти текстов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма; в склонении гражданина А. в совершение преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ (*Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем*).

Несмотря на тот факт, что сами тексты являются комментариями Корана исламского богослова из Саудовской Аравии Абдуррахмана ибн Насир ас-Саади, которые были даны в период его жизни с 1889 по 1957 годы, не относятся к современному периоду и были размещены на странице с помощью «репоста», однако вынесенный судом приговор был обвинительным.

Приговор был основан на экспертизе, которая указала, что десять текстов не являются цитатами из Корана, а являются вольными трактовками и личными комментариями Абдуррахмана ибн Насира ас-Саади, которые содержат высказывания и побуждения к

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

осуществлению определенных действий (насильственных, вооруженных, направленных на лишение жизни, а также на призыв тратить денежные средства на подготовку к вооруженной борьбе) одной группы лиц (мусульман) против другой, объединенных по признакам отношения к религии (не мусульман), а также обоснование необходимости и допустимости осуществления таких действий¹.

В России действует административный запрет на распространение определенных символов, среди которых нацистская свастика. Нацистской атрибутикой и символикой являются атрибутика и символика, которые использовались организациями, признанными Нюрнбергским международным военным трибуналом преступными. К таковым относят, в частности, знамена, значки, атрибуты униформы, приветственные жесты и пароли, свастику, а также их воспроизведение в любой форме.

Демонстрацией нацистской символики признается ее публичное выставление, показ, ношение, вывешивание, изображение, воспроизведение на страницах печатных изданий или в фото-, кино- и видеоматериалах, тиражирование и другие действия, делающие ее восприятие доступным².

Конституция РФ признает и гарантирует каждому свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ). Нарушение авторских прав в сети Интернет также становится предметом судебных споров, однако и здесь мы должны учесть баланс защиты авторских прав и свободы на доступ и использование литературного и творческого наследия. Согласно пп. 4 ч. 6 т. 1259 ГК РФ не являются объектами авторских прав сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (например, сообщения о новостях дня). В отношении таких сообщений требование предварительного согласования недопустимо, за исключением случаев, установленных федеральными законами³.

Для законного использования результатов интеллектуальной собственности необходимо соблюдать требования действующего гражданского законодательства, в частности обязательно указывать имя автора и источник заимствования (т.е. должна быть указана работа, из которой взята цитата). Несоблюдение данного условия означает нарушение личных неимущественных прав автора. Или, например, такое требование, как запрет на извлечение прибыли, возможность беспрепятственного использования произведения в учебных целях. Использовать произведения исключительно в информационных целях допускается только опубликованные в газетах и журналах либо переданные в эфир, к ним не относятся электронные варианты газет и журналов, размещенные в сети Интернет. Кроме того, подобное использование предполагает использование статьи полностью. Использование фрагментов статьи возможно в рамках правил цитирования произведения. Нельзя без согласия автора вносить в его произведение изменения, сокращения и дополнения, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями⁴.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 03.07.2018 № 203-АПУ18-12 // СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Верховного Суда РФ № 24-АД 18-6 Москва, 11 декабря 2018 г. // https://sudact.ru/vsrf/doc/OsXS7n9NwBHN/?vsrf-txt=%D1%81%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0+&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1575465327331&snippet_pos=1552#snippet (дата обращения 02.02.2020).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.11.2018 № 80-КГ18-12 // СПС КонсультантПлюс.

Заключение

Свобода мысли и слова в сети Интернет гарантируется как международными актами, так и Конституцией Российской Федерации. Свободное распространение информации допустимо в пределах установленных ограничений. Рассмотренные основные принципы конституционно-правовых ограничений дополняются и расширяются судебной практикой, свидетельствующей, что значимость свободного использования информации в современном мире только возрастает, что говорит о необходимости повышать уровень правовой компетентности носителей субъективных прав в области свободы мысли и слова и их ответственности.

Список литературы

1. Буянова А.В., Подольский М.С. 2017. Ограничение свободы слова в условиях демократизации Российской Федерации. Социально-политические науки, 2: 102–105.
2. Гелуненко В.В. 2018. Конституционная формализация свободы слова в конституциях государств восточной Европы. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки, 4: 333–337.
3. Догузова О.Р., Кучиев А.З. 2017. Проблемы практической защиты и реализации конституционного права на свободу мысли и слова в современной России. Достижения науки – сельскому хозяйству. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной). Владикавказ: 255–258.
4. Дубровина М.А. 2007. Защита конституционного права на свободу мысли и слова в современной России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: 26 с.
5. Живогляд А.О., Филатенкова М.С. 2019. К вопросу о сущности права граждан РФ на свободу слова и мысли. Модели и методы повышения эффективности инновационных исследований. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Самара: 163–166.
6. Колмакова Т.Н. 2015. Особенности конституционно-правового ограничения свободы слова. Вестник Московского университета МВД России, 1: 62–65.
7. Маханькова Н.А. 2018. Проблемы защиты права на свободу слова в актах Конституционного Суда Российской Федерации. 25 лет конституционного развития России и проблемы государственного управления: материалы межвузовской научно-практической конференции. Краснодар: 103–106.
8. Нудненко Л.А. 2008. Конституционное право на свободу мысли и слова. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки, 2 (2): 15–20.
9. Синцов Г.В., Дудков А.М. 2013. Ограничение права на распространение информации как гарантия информационной безопасности. Черные дыры в Российском законодательстве, 2: 127–130.
10. Черемнова Н.А. 2019. Ограничивают ли статья 282 УК РФ и статья 20.3 КоАП РФ конституционное право человека на свободу мысли и слова? Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: 75–77.
11. Щукина А.Е. 2016. Свобода слова и правовые основы ее ограничения. Человек, общество, государство. Межвузовский сборник научных работ преподавателей, аспирантов, студентов. М., РУСАЙНС: 207–214.

References

1. Buyanova A.V., Podolyanskij M.S. 2017. Ogranichenie svobody slova v usloviyah demokratizacii Rossijskoj Federacii [Restriction of freedom of speech in the conditions of democratization of the Russian Federation]. Social'no-politicheskie nauki, 2: 102–105.
2. Gelunenکو V.V. 2018. Konstitucionnaya formalizaciya svobody slova v konstituciyah gosudarstv vostochnoj Evropy [Constitutional formalization of freedom of speech in the constitutions of Eastern Europe]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki, 4: 333–337.
3. Doguzova O.R., Kuchiev A.Z. 2017. Problems of practical protection and implementation of the constitutional right to freedom of thought and speech in modern Russia. In: Achievements of science

– to agriculture. Materials of the All-Russian scientific-practical conference (in absentia). Vladikavkaz: 255–258. (In Russian).

4. Dubrovina M.A. 2007. Defense of the constitutional right to freedom of thought and speech in modern Russia: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov: 26 p.

5. ZHivoglyad A.O., Filatenkova M.S. 2019. K voprosu o sushchnosti prava grazhdan RF na svobodu slova i mysli [To the question of the essence of the right of citizens of the Russian Federation to freedom of speech and thought]. In: Modeli i metody povysheniya effektivnosti innovatsionnykh issledovaniy. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Models and methods for increasing the effectiveness of innovative research. Collection of articles of the International scientific-practical conference]. Samara: 163–166.

6. Kolmakova T.N. 2015. Osobennosti konstitucionno-pravovogo ogranicheniya svobody slova [Features of the constitutional and legal restrictions on freedom of speech]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 1: 62–65.

7. Mahan'kova N.A. 2018. Problemy zashchity prava na svobodu slova v aktah Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [Problems of protecting the right to freedom of speech in acts of the Constitutional Court of the Russian Federation]. In: 25 let konstitucionnogo razvitiya Rossii i problemy gosudarstvennogo upravleniya materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [25 years of constitutional development of Russia and problems of public administration materials of the inter-university scientific and practical conference]. Krasnodar: 103–106.

8. Nudnenko L.A. 2008. Konstitucionnoe pravo na svobodu mysli i slova [Constitutional right to freedom of thought and speech]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: YUridicheskie nauki, 2 (2): 15–20.

9. Sincov G.V., Dudkov A.M. 2013. Ogranichenie prava na rasprostranenie informacii kak garantiya informacionnoj bezopasnosti [Restriction of the right to disseminate information as a guarantee of information security]. Chernye dyry v Rossijskom zakonodatel'stve, 2: 127–130.

10. Cheremnova N.A. 2019. Ogranichivayut li stat'ya 282 UK RF i stat'ya 20.3 KoAP RF konstitucionnoe pravo cheloveka na svobodu mysli i slova? [Do article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation and article 20.3 of the Administrative Code restrict the constitutional right of a person to freedom of thought and speech?]. In: Realizaciya Konstitucii Rossijskoj Federacii: sostoyanie i perspektivy. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Implementation of the Constitution of the Russian Federation: state and prospects. Materials of the All-Russian scientific-practical conference]. Omsk: 75–77.

11. SHCHukina A.E. 2016. Svoboda slova i pravovye osnovy ee ogranicheniya [Freedom of speech and the legal basis of its restrictions]. In: Chelovek, obshchestvo, gosudarstvo. Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh rabot prepodavatelej, aspirantov, studentov [Human, society, state. Interuniversity collection of scientific works of teachers, graduate students, students]. M., RUSAJNS: 207–214.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аристов Евгений Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь, Россия

Ларионова Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aristov Evgeny Vyacheslavovich, doctor of law, associate Professor, Professor of the Department of legal disciplines and methods of teaching law, Perm state University for the Humanities and education, Perm, Russia

Maria Larionova, PhD in law, associate Professor of the Department of legal disciplines and methods of teaching law, Perm state University for the Humanities and education, Perm, Russia

УДК 342.417

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-307-314

Органы государственной безопасности советской России и обеспечение экономической безопасности страны, 1921–1928 гг.: механизм, проблемы, противоречия (на материалах Курской и Воронежской губерний)

Богданов С.В., Остапюк В.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: bogdanov@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию государственной политики обеспечения безопасности в экономической сфере после прихода к власти большевистского правительства. Анализируются особенности развития политики экономической безопасности в один из самых противоречивых периодов развития Советского государства – годы реализации новой экономической политики. Выявлены факторы, способствовавшие криминализации экономических отношений, широкому распространению коррупции в советском обществе. Рассмотрены основные мероприятия государственных органов по обеспечению экономической безопасности. Выявлены проблемы и противоречивый характер механизмов обеспечения экономической безопасности, использовавшихся в 1920-е годы.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономические преступления, ОГПУ, нэп.

Для цитирования: Богданов С.В., Остапюк В.Г. 2020. Органы государственной безопасности советской России и обеспечение экономической безопасности страны, 1921–1928 гг.: механизм, проблемы, противоречия (на материалах Курской и Воронежской губерний). НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 45 (2): 307–314. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-307-314

State security bodies of soviet Russia and ensuring economic security of the country, 1921-1928: mechanism, problems, contradictions (on materials of Kursk and Voronezh provinces)

Sergey V. Bogdanov, Vladimir G. Ostapyuk

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: bogdanov@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the formation and development of the state policy of security in the economic sphere after the Bolshevik government came to power. The author analyzes the features of the development of economic security policy in one of the most controversial periods of the development of the Soviet state – the years of implementation of the new economic policy. The years of the implementation of the new economic policy (1921–1928) in Soviet Russia revealed a large number of socio-economic, political, legal and ideological contradictions. The revival of entrepreneurial activity inevitably entailed property and social differentiation. The inevitable bureaucratization of the Soviet system of government created favorable conditions for the theft of state and public property. The author identifies the factors that contributed to the criminalization of economic relations and the widespread corruption in Soviet society. The main activities of state bodies to ensure economic security are considered. The problems and contradictory nature of economic security mechanisms used in the 1920s are revealed.

Keywords: economic security, economic crimes, Cheka, OGPU, NEP.

For citation: Bogdanov S.V., Ostapuk V.G. 2020. State security bodies of soviet Russia and ensuring economic security of the country, 1921–1928: mechanism, problems, contradictions (on materials of Kursk and Voronezh provinces). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 307–314 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-307-314

Введение

Особое внимание российских властных элит к сфере экономической безопасности государства проявлялось на самых различных этапах развития страны. Безусловно, на формирование государственной концепции, а также комплекса практических мер по обеспечению устойчивого развития социально-экономической сферы и минимизации потенциальных угроз на данном направлении оказывали влияние многочисленные обстоятельства как внутреннего, так и внешнего характера. Поэтому обращение к основным этапам становления и развития государственной политики и правового обеспечения экономической безопасности имеет как теоретический, так и практический интерес для современных исследователей.

Обращение к достаточно обширной литературе, посвященной проблемам экономической безопасности, позволяет выявить следующие наиболее характерные черты. Рассмотрение вопросов экономической безопасности государства и общества осуществлялось преимущественно через призму противодействия преступлениям в сфере экономики. Так уже на рубеже XIX–XX столетий появляются первые работы российских авторов по данной проблематике [Тарновский, 1889, 1898, 1900]. Характеристика должностных преступлений среди российского чиновничества была представлена в работах Н.Д. Сергеевского [1890], М.И. Фридмана [1905], Ф.П. Купчинского [1908], П. Берлина [1910].

Период Гражданской войны и военной интервенции прервал поступательное развитие отечественной правовой мысли, посвященной изучению различных проявлений преступлений в сфере экономики. Однако переход к нэпу в начале 1920-х гг. вновь обострил интерес среди специалистов к феномену экономической преступности – теперь уже в советском обществе. Наиболее плодотворно на данном направлении работали Н. Яковченко [1925], Н.М. Полянский [1926], В. Ширяев [1926], М. Анцелович [1926], И.С. Кондурушкин [1927].

Весьма тщательному анализу в работах А.И. Потяева [1925], П.Н. Кумыкина [1927] были подвергнуты преступления, связанные с контрабандой. Это явилось закономерным следствием оживления внешнеэкономической деятельности, а также нормализации внутренней торговли.

Безусловно, одной из самых ярких работ того периода, посвященных различным криминальным проявлениям в сфере экономики, является работа известного советского партийного публициста Ю. Ларина [1927], которая в концентрированном виде представляла взгляды партийного руководства на данные проблемы.

Особенности воспроизводства экономических преступлений в период нэпа

По мере разрастания очагов Гражданской войны и сопротивления свергнутых социальных групп большевистское руководство активизирует свою деятельности по совершенствованию слаженности работы «карающего органа революции» – Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе со спекуляцией и саботажем [Богданов, Ельчанинов, 2017].

На протяжении 1919 – первой половины 1920 гг. Орграспредотдел ЦК РКП(б) постоянно ориентировал местные партийные комитеты усилить их совместную деятельность с территориальными органами ВЧК по выявлению и своевременному пресечению фактов шпионажа, саботажа, должностных преступлений, дезертирства и антисоветских настроений. При этом количество документов, подлежащих отправке в территориальные органы ВЧК, имело тенденцию к нуклонному увеличению [Образование и деятельность..., 1961].

Переход к нэпу способствовал катализации огромного числа противоречий советского общества, которые в годы Гражданской войны и военной интервенции были загнаны вглубь, но вовсе не уничтожены. Наряду с многочисленными кадровыми перестановками на уровне губерний в центральном ведомстве было вновь реорганизовано ИНФО в составе обновлённого Секретно-оперативного управления ОГПУ¹.

Окончание Гражданской войны и провал военной интервенции имели одним из своих следствий укрепление авторитета большевистского правительства, но это вовсе не означало, что страна вступала в период мирного процветания. Напротив, стремительный отказ от политики «военного коммунизма» и переход к нэпу способствовали развязыванию большого количества проблем и противоречий, в том числе в сфере обеспечения экономической безопасности государства, для решения которых требовались принципиально иные средства, методы и подходы.

Наглядным противоречием нового экономического курса явилось провозглашение свободы торговли с одной стороны, и резкий рост «мешочничества» – своеобразного рецидива периода «военного коммунизма», когда отдельные городские жители обменивали на дефицитные промышленные товары столь необходимые селянам продукты питания, с другой. Последние доставлялись в города и по спекулятивным ценам сбывались городским жителям. Голод 1921 г., разразившийся в Поволжье, послужил толчком для массовой спекуляции хлебом, которая спровоцировала рост цен на продовольствие в июне 1921 г. в тех губерниях, где отмечался приток беженцев из голодных территорий. Не осталась в стороне от массового распространения спекуляции и Курская губерния².

В экономической сфере, свобода предпринимательской деятельности способствовала реализации трудового потенциала наиболее активной и предприимчивой части населения страны, многие из которых ещё помнили оживленные рынки, разнообразную торговлю и частные предприятия времен царской России. Не случайно в беспрецедентно сжатые сроки в нэповской России был ликвидирован товарный голод и былой дефицит товаров. В отношении частника сошлемся на выдержку из выступления одного из видных партийных идеологов 1920-х гг. Ю. Ларина: «Я предлагаю открыто заявить, что мы буржуазию расстреливаем и будем расстреливать и впредь. Советская Республика есть боевое государство, которое истребляет своих противников, а не заботится о перевоспитании Рябушинских» [Третья сессия ВЦИК..., с. 85].

Анализ государственной политики в отношении частного предпринимательства свидетельствует о ее неустойчивости, что проявилось в чередовании как периодов его поощрения, так и всевозможных ограничений. Нестабильность существования предпринимательской деятельности в 1920-е гг. способствовало уходу ее «в тень», смыканию с уголовной преступностью.

В мае 1923 г. начальником Валуйской милиции Воронежской губернии было получено инструктивное письмо, согласно которому следовало незамедлительно провести переучет всех частных торговцев хлебом, особо выделив среди этого перечня тех лиц, которые были внесены губернским исполнительным комитетом в список как злостные нарушители государственного ограничения цен на хлеб³.

Спустя два месяца, в постановлении Валуйского УИК за № 17 от 4.07.1923 предписывалось: «...в связи с неудовлетворительными видами на урожай и удержанием производителями для собственной потребности имеющихся остатков хлеба урожая 1923 г. на тер-

¹ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее ЦА ФСБ РФ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 157. Л. 70.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 387. Л. 437.

³ ГАБО. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 6. Л. 107.

ритории уезда замечаются затруднения в снабжении хлебом потребляющей части населения. В связи с этим в обязанности милиции и финансовых инспекторов вменяются регулярные обследования рынков и базаров в целях выявления фактов спекуляции хлебом»¹.

С середины 1920-х гг. негативное отношение советского государства к негосударственному сектору экономики и его носителям – частным предпринимателям – начинает усиливаться, а в социальном плане приобретает черты фактического социального вытеснения. В отчете руководителя Валуйской уездной милиции по итогам 1927 г. констатировалось: «В области работы по борьбе за ослабление влияния частника на кожсырьевом рынке привлечено за нарушение обязательного постановления № 23 в административном порядке 106 человек, на коих наложено штрафа 985 рублей, каковой и взыскан; кроме того, в соответствии с постановлением УИКа от 16.12.1927 за № 43/72 Милиция принимала активное участие по оказанию содействия Комиссии по обследованию кожевенных предприятий в уезде, в результате чего все частные предприятия закрыты, и выделанный товар поступил на местах ПО и сырье – кожсиндикату, в дальнейшем на эту работу обращено серьезное внимание в области наблюдения за возможностью функционирования частных кожпредприятий»².

В 1928 г. реализация государственной линии по вытеснению частника из сфер производства и торговли на территории Курской губернии вступила в свою решающую стадию. В начале февраля 1928 г. руководство Курского ОГПУ направило в адрес ЭКУ ОГПУ отчет о проведенной оперативной работе по вытеснению частника из экономики губернии.

Еще один из специфических факторов развития советского общества в период нэпа, который способствовал устойчивому воспроизводству широкого спектра преступлений экономического характера: хищениям государственного и общественного имущества, взяточничеству, различным злоупотреблениям служебным положением, всевозможным махинациям, являлась масштабная бюрократизация всей системы управления.

Несмотря на то, что основатель советского государства В.И. Ленин настойчиво призывал к борьбе с бюрократизмом на всех уровнях государственного управления, тем не менее эти призывы по большей части так и остались не реализованными на практике. Рост чиновничьего аппарата происходил не только в центре, но и на местах. Так, только для контроля над сбором продовольственного налога, принятого взамен продразверстки в марте 1921 г., в Курской губернии местное чиновничество сразу же увеличилось на 1000 человек³.

Проблемы повышения эффективности функционирования всей системы управления в Курской и Воронежской губерниях неоднократно становились предметом многочисленных заседаний, совещаний и принимавшихся по их итогам решений. В качестве иллюстрации приведем выдержку из одного документа Курского ГИК от 14.02.1923, в котором отмечалось, что «...одной из причин слабости работы в волостях Советского аппарата являются неправильное распределение обязанностей между членами Волисполкома, а в иных случаях совершенное отсутствие разграничения деятельности каждого из них»⁴.

Политическая риторика большевистского руководства о «каждой кухарке, которая сможет управлять государством» к 1922–1923 гг., т.е. в начале нэпа, сменилась окончательным утверждением номенклатурного принципа. Правящей партии нужен был послушный и хорошо контролируемый государственный аппарат, служащие которого ре-

¹ ГАБО. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 7. Л. 48–48 об.

² ГАБО. Ф. Р-1522. Оп. 1. Д. 30. Л. 22 об.

³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 387. Л. 437.

⁴ ГАБО. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 11. Л. 47 – 47 об.

крутировались из числа преданных делу революции граждан. Такой подход способствовал созданию определенной привилегированной социальной группы населения. Их особый статус начинает закрепляться уже в 1920 г., когда Оргбюро ЦК РКП(б) соглашается с предложением Ф.Э. Держинского о недопустимости судебного разбирательства в отношении коммуниста без предварительного согласования с местной партийной организацией [Пашин, Богданов, 2004].

В начале февраля 1926 г. руководитель Валуйской уездной милиции направил секретный циркуляр подчиненным ему начальникам волостных милиций, в котором в кратчайшие сроки «приказывалось немедленно передать ему секретной почтой все заведённые уголовные дела в отношении членов РКП(б) и членов РЛКСМ»¹.

Дальнейшие события показали, что по мере углубления нового экономического курса партийная элита советской России продолжала идти по пути дальнейшего совершенствования номенклатурной системы управления. Подтверждение тому является разосланная губернским партийным организациям секретная инструкция ВКП(б) с весьма красноречивым названием «О порядке привлечения к судебной ответственности ответственных работников-коммунистов»².

Однако уже в первые годы перехода к нэпу среди различных представителей правящей партии ощущалась растерянность, а иногда и острое неприятие происходящего в советском обществе. В мае 1924 г. с трибуны XIII съезда РКП(б) открыто звучало: «Боллезненные, уродливые явления как в области идеологии, так и в области быта членов партии, морали – все они явственно обнаружались, гнойник прорвался» РКП(б)» [Тринадцатый съезд РКП(б)..., с. 279].

Безусловно, немаловажную роль в возникновении подобного социального негатива сыграли такие явления, как стремительная имущественная и социальная дифференциация, масштабная безработица, рост преступности. При этом низовое чиновничество оказалось практически на дне социальной пирамиды. Неслучайно возникновение многочисленных социальных соблазнов, явившихся порождением нэпа, явилось чрезвычайно привлекательным для отдельных представителей советских госслужащих. Это в свою очередь способствовало всплеску растрат и хищений государственной и общественной собственности, всевозможных махинаций и финансовых афер, коррупционных сделок, в которые по сведениям ОГПУ были втянуты представители самых различных государственных ведомств, даже Народного комиссариата по военным и морским делам СССР³.

Характеризуя становление номенклатурной системы управления в Курской губернии в середине 1920-х гг. Е.В. Долженкова отмечает: «...соблазн нэпа породил ещё одну чрезвычайно острую проблему, затронувшую все вертикали власти и распадавшуюся на три взаимосвязанные составляющие: онэпивание, обрастание и излишества. Борьба с ними продолжалась все десятилетие, однако стремление к "залезанию в государственный карман" полностью изжить не удалось» [Долженкова, 2012, с. 25].

Анализ многочисленных сообщений территориальных органов ОГПУ о состоянии преступности на подведомственной территории свидетельствует о том, что среди регистрируемых преступлений все чаще встречаются упоминания о фактах взяточничества, которое поражает широкие слои советских служащих, начиная от низовых сельских советов и заканчивая чиновниками губернского масштаба. Объяснялось данное положение вещей преимущественно деятельностью враждебных элементов: «...материальная небеспеченность работников низового советского аппарата даёт достаточную возможность

¹ ГАБО. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 11. Л. 47–47 об.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 34. Д. 6. Д. 137. Л. 58.

³ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 16. Л. 43–76.

проникновению в него кулацкого элемента. Материальная необеспеченность сельсоветов и волисполкомов делает их неработоспособными. Те же сельсоветы, в которых засел кулацкий элемент, непопулярны среди населения, так как всячески злоупотребляют своей властью. Взятничество, пьянство, халатное отношение к делу, помощь кулакам сем[енным] материалом и даже агитация против Советской власти»¹.

Еще одним из факторов, который способствовал значительному взлету различных проявлений противоправного поведения в советском обществе периода существования нэпа, являлся правовой нигилизм – отрицание норм права. Следует отметить, что данное явление не являлось исключительным приобретением 1920-х гг. Почва для данного негативного социального явления была заложена на протяжении всех предшествующих десятилетий, отличительной особенностью которых являлись масштабные катаклизмы: февральский, а затем октябрьский перевороты 1917 г., Гражданская война и военная интервенция. Поэтому к началу 1920-х гг. в советском обществе был накоплен мощнейший потенциал социальной деструкции, одним из проявлений которого явилось пренебрежительное отношение к праву, которое охватило широкие слои населения.

Заключение

Итак, рождение концепции экономической безопасности Советского государства, произошедшее сразу после 1917 г., было инициировано пролетарской властью. Естественно, это предопределило классовые приоритеты политики обеспечения экономической безопасности. В годы Гражданской войны указанная концепция была воплощена в политике «военного коммунизма». Но с провозглашением нового экономического курса в начале 1920-х гг. произошёл переход к иным регуляционным механизмам в сфере обеспечения экономической безопасности советского общества.

Однако по мере развития нэпа нарастали серьёзные проблемы и противоречия, которые во многом приобрели характер системных деформаций и проявились в следующем: широкое распространение правового нигилизма, снисходительное отношение к правонарушителям из пролетарской среды, наделение правовым иммунитетом представителей партийной номенклатуры. Данные тенденции деформировали систему обеспечения экономической безопасности советской России. Не случайно уже на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. партийно-государственное руководство СССР резко изменило устоявшуюся политику в этой сфере. На смену половинчатому и непоследовательному либерализму нэпа пришла новая тоталитарная государственность. В связи с этим принципиально иными стали основное содержание и методы поддержания экономической безопасности СССР.

Список источников

1. Третья сессия ВЦИК IX созыва. Стенографический отчет. 1923. М., Госиздат, 26.
2. Тринадцатый съезд РКП(б). 23–31 мая 1924 г. Стенографический отчет. 1924. М., Красная Новь, 765.

Список литературы

1. Анцелович М. 1927. Получение, дача и провокация взятки по УК редакции 1926 г. Ежедневник советской юстиции. 16: 465–496.
2. Берлин П. 1910. Русское взяточничество, как социально–историческое явление. Современный мир. 8: 48–56.
3. Богданов С.В., Ельчанинов П.М. 2017. Преступность и борьба с ней на территории Центрального Черноземья в 1920-е годы (на материалах Курской и Воронежской губерний): монография. М., РУСАЙНС, 274 с.

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 122–123.

4. Долженкова Е.В. 2012. Отечественный исторический опыт в области подбора и расстановки руководящих кадров в 1920-е годы (На материалах Курского края): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Курск, 28 с.
5. Кондурешкин И.С. 1927. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. М.–Л., Гос. Изд-во, 240 с.
6. Кумыкин П.Н. 1927. Контрабанда и борьба с ней. М., Госюриздат, 302 с.
7. Купчинский Ф.П. 1908. «Герои» тыла. Очерки преступной деятельности чинов Интендантского ведомства во время русско-японской войны. СПб, Молодая мысль, 344 с.
8. Ларин Ю. 1927. Частный капитал в СССР. М.–Л., Гос. изд-во, 312.
9. Образование и деятельность местных чрезвычайных комиссий (1917–1921 гг.). Сб. док. и материалов. 1961. М., ВШ КГБ СССР, 377 с.
10. Пашин В.П., Богданов С.В. 2004. Партийная номенклатура (1917–1930-е годы): зарождение, развитие, безраздельное могущество. Белгород, 316 с.
11. Полянский Н.М. 1926. Должностные растраты. Их уголовное преследование. М., Правовая защита, 42 с.
12. Потяев А.И. 1925. Контрабанда и борьба с ней. М.: РИО НКВД, 186.
13. Сергеевский Н.Д. 1890. О мошенничестве по русскому действующему праву. Юридическая летопись. Ноябрь: 373–448.
14. Тарновский Е.Н. 1898. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России. Журнал Министерства юстиции. 8: 73–106.
15. Тарновский Е.Н. 1889. Изменение преступности в различных общественных группах. Юридический вестник. 5: 32–54.
16. Тарновский Е.Н. 1900. Статистика преступности лиц дворянского сословия. Вестник права. 10: 14–41.
17. Фридман М.И. 1905. Наша финансовая система. Опыт характеристики. СПб., 476 с.
18. Ширяев В. 1926. Растрата и растратчики. Кн. 2. М., Изд-во НКВД, 194.
19. Яковченко Н. 1925. О борьбе с растратами. Рабочий суд. 49–50: 1855–1858.

References

1. Ancelovich M. 1927. Poluchenie, dacha i provokaciya vzyatki po UK redakcii 1926 g. [Receiving, giving and provoking a bribe according to the Criminal Code of 1926]. Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii [Weekly of Soviet Justice]. 16: 465–496.
2. Berlin P. 1910. Russkoe vzyatochnichestvo, kak social'no-istoricheskoe yavlenie [Russian bribery as a socio-historical phenomenon]. Sovremennyy mir [Modern world]. 8: 48–56. (in Russian)
3. Bogdanov, S.V., El'chaninov P.M. 2017. Prestupnost' i bor'ba s nej na territorii Central'nogo SChernozem'ya v 1920-e gody (na materialah Kurskoj i Voronezhskoj gubernij) [Crime and the fight against it in the territory of the Central Black Earth Region in the 1920s (based on materials from the Kursk and Voronezh provinces)]: monografiya. M., RUSAJNS, 274 p.
4. Dolzhenkova E.V. 2012. Otechestvennyj istoricheskij opyt v oblasti podbora i rasstanovki rukovodyashchih kadrov v 1920-e gody (Na materialah Kurskogo kraja) [Domestic historical experience in the selection and placement of leading cadres in the 1920s (Based on materials from the Kursk Territory)]: Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Kursk, 28 p.
5. Kondurushkin I.S. 1927. CHastnyj kapital pered sovetskim sudom. Puti i metody nakopleniya po sudebnym i revizionnym delam 1918–1926 gg. [Private capital before a Soviet court. Ways and methods of accumulation in judicial and revision cases 1918–1926]. М.–Л., Gos. izd-vo, 240 p.
6. Kумыкин P.N. 1927. Kontrabanda i bor'ba s nej. Praktika tamozhennogo dela [Smuggling and the fight against it]. М., Gosyurizdat, 302 p.
7. Kupchinskij F.P. 1908. «Geroi» тыла. Oчерки преступной deyatel'nosti чинов Intendantskogo vedomstva vo vremya rusско-yaпonskoj vojny ["Heroes" of the rear. Essays on the criminal activities of officials of the Quartermaster's Office during the Russo-Japanese War]. SPb, Molodaya mysl', 344 p.
8. Larin YU. 1927. CHastnyj kapital v SSSR [Private capital in the USSR]. М.–Л., Gos. izd-vo, 312 p.
9. Obrazovanie i deyatel'nost' mestnyh chrezvychajnyh komissij (1917–1921 gg.) [The formation and activities of local emergency commissions (1917–1921)]. Sb. dok. i materialov. 1961. М., VSH KGB SSSR, 377 p.

10. Pashin V.P., Bogdanov S.V. 2004. Partijnaya nomenklatura (1917–1930–e gody): zarozhdenie, razvitie, bezrazdel'noe mogushchestvo [Party nomenclature (1917–1930s): origin, development, undivided power]. Belgorod, 316 p.
11. Polyanskij N.M. 1926. Dolzhnostnye rastraty. Ih ugovnoe presledovanie [Official waste. Their criminal prosecution]. M., Pravovaya zashchita, 42 p. (in Russian)
12. Potyaev A.I. 1925. Kontrabanda i bor'ba s nej [Smuggling and the fight against it]. M.: RIO NKVT, 186.
13. Sergeevskij N.D. 1890. O moshennichestve po russkomu dejstvuyushchemu pravu [About fraud under Russian law]. YUridicheskaya letopis' [Legal Chronicle]. Noyabr': 373–448. (in Russian)
14. Tarnovskij E.N. 1898. Vliyanie hlebnyh cen i urozhaev na dvizhenie prestuplenij protiv sobstvennosti v Rossii [The influence of grain prices and yields on the movement of crimes against property in Russia]. ZHurnal Ministerstva yusticii [Journal of the Ministry of Justice]. 8: 73–106.
15. Tarnovskij E.N. 1889. Izmenenie prestupnosti v razlichnyh obshchestvennyh gruppah [Change in crime in various social groups]. YUridicheskij vestnik [Legal Bulletin]. 5: 32–54. (in Russian)
16. Tarnovskij E.N. 1900. Statistika prestupnosti lic dvoryanskogo sosloviya [Crime statistics of persons of the nobility]. Vestnik prava [Bulletin of law]. 10: 14–41.
17. Fridman M.I. 1905. Nasha finansovaya sistema. Opyt harakteristiki [Our financial system. Experience characteristics]. SPb., 476 p.
18. SHiryayev V. 1926. Rastrata i rastratchiki [Waste and waste]. Kn. 2. M., Izd-vo NKVD, 194.
19. YAKovchenko N. 1925. O bor'be s rastratami [On the fight against waste]. Rabochij sud [Working court]. 49–50: 1855–1858.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Богданов Сергей Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Остапюк Владимир Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Bogdanov, doctor of historical Sciences, associate Professor, Professor of the Department of administrative law and procedure, Belgorod state national research University, Belgorod, Russia

Vladimir G. Ostapyuk, candidate of law, associate Professor, head of the Department of administrative law and procedure of the Belgorod state national research University, Belgorod, Russia

УДК 343.985

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-315-322

К вопросу о содержательных аспектах киберпреступности

Долженко Н.И., Хмелевская И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: dolzhenko@bsu.edu.ru, 1199147@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены понятия «киберпреступность» и «киберпреступление», базисной составляющей которых выступает киберпространство как особая сфера деятельности в информационном пространстве. Возникновение данных понятий обусловлено глобальной компьютеризацией общества, которая и определяет непрекращающуюся модернизацию информационных технологий и появление новых видов преступлений, совершаемых с помощью киберпространства. Однако в настоящее время как в рамках международных актов, так и в отечественном законодательстве отсутствуют общепринятые дефиниции указанных понятий наряду с отсутствием единого подхода к определению их содержательного аспекта. Кроме того, не существует единого мнения и относительно перечня киберпреступлений. В связи с чем возникает необходимость в детальной проработке национального законодательства и международных актов, которые предусматривают ответственность за совершение киберпреступлений.

Ключевые слова: киберпреступление, киберпространство, компьютерные преступления, информационные технологии.

Для цитирования: Долженко Н.И., Хмелевская И.Г. 2020. К вопросу о содержательных аспектах киберпреступности. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 315–322. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-315-322

To the question of the content aspects of cyber crime

Natalia I. Dolzhenko, Irina G. Khmelevskaya

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: dolzhenko@bsu.edu.ru, 1199147@bsu.edu.ru

Abstract. In the realities of modern society, it is almost impossible to imagine a full life without information technology. They have penetrated and are widely used in all spheres of human activity; however, in addition to the goals of optimizing various processes, recently information technologies often become a platform for committing crimes. The global computerization of society, mediated by the rapid development of technology, has led to the emergence of concepts such as “cybercrime” and “cybercrime”. The article discusses these concepts, the main component of which is cyberspace as a special area of activity in the information space. Despite the fact that every year the number of committed cybercrimes increases, both in international documents and in the legislation of the Russian Federation, there are still no generally accepted definitions of these concepts along with the lack of a unified approach to determining their substantive aspect. The authors analyze the views of modern scientists on the definition of the concepts of “computer crime”, “cybercrime.” It is noted that in the Russian legal doctrine the category “computer crime” is mainly used. In addition, there is no consensus on the list of

cybercrimes. In this regard, there is a need for a detailed study of national legislation and international acts, including responsibility for committing cyber crimes.

Keywords: cybercrime, cyberspace, computer crime, information technology.

For citation: Dolzhenko N.I., Khmelevskaya I.G. 2020. To the question of the content aspects of cyber crime. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 315–322 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-315-322

Введение

В реалиях современного общества уже невозможно представить полноценную жизнь без информационных технологий. Они проникли и широко используются во всех сферах деятельности человека. Однако помимо целей оптимизации различных процессов информационные технологии зачастую становятся платформой для совершения преступлений. На данный момент в нашей стране и за рубежом интенсивно осуществляется процесс внедрения информационных технологий путем создания информационных баз с хранением в них конфиденциальных данных. К ним можно отнести информационные базы налогоплательщиков ФНС РФ, базы правоохранительных органов, банковских структур и т.п. Именно такого рода информация чаще всего похищается и используется злоумышленниками для совершения преступлений.

Глобальная компьютеризация общества, опосредованная стремительным развитием технологий, привела к возникновению таких понятий, как «киберпреступность» и «киберпреступление».

Отметим, что статистические данные свидетельствуют о значительном росте количества киберпреступлений в последнее время. Так, за период январь–декабрь 2019 года органами МВД России зарегистрировано более 294 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что превышает на 70 % показатель за аналогичный период прошлого года.

Половина таких преступлений совершается с использованием сети «Интернет», а более трети – с помощью средств мобильной связи. Среди наиболее часто встречающихся видов киберпреступлений фигурируют неправомерный доступ к информации, создание и распространение вредоносных утилит.

Определение понятий «киберпреступность» и «киберпреступление»

Несмотря на значительное число совершаемых киберпреступлений, на сегодняшний день ни в международных актах, ни в рамках отечественного законодательства не существует легальных дефиниций «киберпреступности» и «киберпреступления». Более того, в современной доктрине права нет единого подхода к содержательному аспекту данных понятий.

Так, согласно мнению экспертов Организации Объединенных Наций, понятием «киберпреступность» охватывается любое преступление, совершаемое посредством эксплуатации компьютерной системы (сети), в ее рамках либо против нее [Ищенко, 2015, с. 336]. По мнению Е.П. Ищенко [2015, с. 336], под «киберпреступностью понимаются преступления в сфере высоких информационных технологий, совершаемые злоумышленниками, использующими эти технологии в противоправных целях». Другие авторы определяют киберпреступность через понятие «киберпространство» [Вепрев, Нестерович, 2018]. Киберпреступность, с их точки зрения, – это преступность в киберпространстве.

Сам термин «киберпространство» в Российской Федерации на официальном уровне впервые был использован лишь в 2013 году. В Проекте Концепции Стратегии кибербезопасности Российской Федерации под киберпространством понимается «сфера деятельно-

сти в информационном пространстве, образованная совокупностью коммуникационных каналов сети «Интернет» и других телекоммуникационных сетей, технологической инфраструктуры, обеспечивающей их функционирование, и любых форм осуществляемой посредством их использования человеческой активности (личности, организации, государства)»¹.

Приведенная дефиниция подчеркивает ключевые особенности киберпространства, в наибольшей степени раскрывает его природу, так как, во-первых, отражает отношение киберпространства к информационному пространству как частного к общему, а во-вторых, специально обращает внимание на тот факт, что информационно-телекоммуникационные сети (в том числе и сеть Интернет) являются материальными составляющими киберпространства.

Взяв за основу термин «киберпространство», В.А. Номоконов и Т.Л. Тропина определяют киберпреступность как «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» [Номоконов, Тропина, 2012, с. 48].

В свою очередь, М.А. Простосердов [2016] также использует термин «киберпространство», но уже для раскрытия содержания понятия «киберпреступление». Под киберпреступлением он понимает «преступление, причиняющее вред разнородным общественным отношениям, совершаемое дистанционно, путем использования средств компьютерной техники и информационно-телекоммуникационных сетей и образованного ими киберпространства» [Простосердов, 2016, с. 43]. В приведенном определении киберпространство выступает в качестве непосредственного средства совершения преступления.

По нашему мнению, определение сущности понятий «киберпреступность» и, соответственно, «киберпреступление» через понятие «киберпространство» представляется разумным, поскольку его использование позволяет не только наиболее полно раскрыть особенности явлений, которые происходят в различных информационных сетях, но и охватить гораздо больший круг общественных отношений: так, конкретное преступление не будет ограничиваться отдельно взятым объектом посягательства и информационно-телекоммуникационной сетью, что опосредует возможность отнесения к киберпреступлениям как неправомерного доступа к компьютерной информации, так и, к примеру, мошенничества в сети Интернет.

Однако отметим, что ряд авторитетных ученых придерживается мнения о том, что использование понятия «киберпространство» в отечественной юридической науке пока находится под вопросом [Дремлюга, 2008]. Более того, в целях избежания чрезмерного использования англицизмов в наши дни целесообразно обращаться к иной терминологии [Степанов-Егиянц, 2005]. В настоящее время наряду с термином «киберпреступность» в отечественной юридической науке зачастую используются такие понятия, как «преступления в сфере компьютерной информации» и «преступления, совершаемые с использованием информационных технологий».

В научной литературе можно встретить разные подходы к их пониманию и использованию. Позиция одних ученых заключается в том, что существует разница между этими терминами [Шевко, 2016]. Сторонники второй точки зрения считают, что поскольку данные понятия используются для названия одних и тех же общественно-опасных деяний, то

---

¹ Проект Концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/ru> (дата обращения: 15.01.2020)

их можно считать равнозначными [Акимов, 2017]. Представляется, что вторую позицию нельзя признать верной.

Во-первых, в соответствии с нормами УК РФ преступления в сфере компьютерной информации, образуют всего четыре состава (ст. 272–274.1)¹. Это законодательное определение преступлений.

Понятием «преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий», охватываются все преступные деяния, которые посягают на компьютерную информацию и совершаются с использованием компьютерных технологий» [Авдеева, Бобрицкий, 2015]. То есть термин «преступления, совершенные с использованием информационных технологий» является обобщающим как для указанных в Главе 28 УК РФ, так и для всех преступлений, которые в принципе можно совершить с использованием информационных технологий.

Совершенно очевидно, что и термин «киберпреступность» трактуется гораздо шире так как по смыслу включает себя оба понятия.

Кроме того, если обратиться к первоисточнику – иностранной терминологии – можно заметить, что за рубежом понятия «computercrime» и «cybercrime» имеют содержательные различия. Первым термином охватываются только преступления, посягающие на компьютерные данные, в то время как второй включает в себя преступные деяния с использованием как глобальных сетей, информационных технологий, так и компьютеров. [Валько, 2016], что также доказывает более широкое значение понятия «киберпреступность».

Научные труды зарубежных исследователей, среди которых Morrison P. [Morrison, 1991], Colin B. [Colin, 1997], Parker Donn B. [Parker, 1998], Brenner S.W. [Brenner, 2002], Shelley, Louise I. [Shelley, 2003], Williams P. [Williams, 2005], Sieber U. [Sieber, 2007] и др., посвящены анализу киберпреступности, содержат представления об этом явлении. Однако данные исследования практически не имеют отношения к Российскому пространству и не охватывают российское законодательство. Несмотря на это, они дают устойчивые теоретические основы в целях изучения киберпреступности в глобальном направлении.

Вопросы типологии киберпреступлений

Отметим, что сегодня нет единого мнения и относительно перечня киберпреступлений. Так, по информации Управления ООН по наркотикам и преступности обширный диапазон киберпреступлений условно можно разделить на три группы: совершаемые с целью извлечения материальной выгоды; связанные с использованием информации, хранящейся в компьютерах; направленные против целостности, конфиденциальности и доступности компьютерных систем².

В свою очередь, Конвенция о киберпреступности, подписанная в г. Будапеште, содержит более детальную градацию, где киберпреступления сосредоточены уже в 5 группах³. Стоит заметить, что упомянутая Конвенция стала первым официальным документом, содержащим классификацию киберпреступлений.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019). СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

² Всестороннее исследование проблемы киберпреступности. Проект, февраль 2013 года. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf (дата обращения: 18.01.2020).

³ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 20.01.2020).

Однако Российская Федерация не участвует в Будапештской Конвенции о киберпреступности, находя некоторые ее положения неприемлемыми. В частности, камнем преткновения выступает пункт «b» статьи 32 документа, который предусматривает возможность доступа одного государства к данным, хранящимся на территории другого государства, без его согласия. По мнению российской стороны, приведенная норма может привести к нарушению принципа государственного суверенитета¹.

Кроме того, директор департамента МИД Российской Федерации по вопросам новых вызовов и угроз И.И. Рогачев считает, что Будапештская Конвенция значительно устарела и имеет большое количество недостатков, так как была разработана еще в 1997–2001 годах, когда киберпреступления сами по себе были гораздо проще. Она закрепляет лишь девять видов киберпреступлений, а по заявлению А.В. Крутских – спецпредставителя Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, – можно говорить о выделении уже тридцати самостоятельных видов.

Стоит отметить, что в конце декабря 2019 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла предложенную Российской Федерацией резолюцию, дающую начало разработке международной конвенции для борьбы с киберпреступностью. Причем данная инициатива не противопоставляется вышеуказанной Будапештской конвенции, а предполагает ее модернизацию.

Отечественный законодатель избрал собственный подход в типологии киберпреступлений. В настоящее время ответственность именно за преступления в сфере компьютерной информации предусмотрена 28 главой Уголовного кодекса РФ и включает в себя всего лишь 4 состава. При этом следует учесть тот факт, что к киберпреступлениям можно отнести и другие составы, закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации, не охваченные указанной главой, к примеру, мошенничество с использованием электронных средств платежа (статья 159.3), мошенничество в сфере компьютерной информации (статья 159.6) и т. д.

Исследователи отмечают, что законодателем не уделяется должного внимания к отдельным составам киберпреступлений:

- кибертерроризм – это использование информационных технологий для осуществления террористической деятельности;
- киберторговля наркотиками – это создание сайтов по продаже наркотических средств с внедрением наркоторговцами новейших технологий кодирования сообщений;
- кибер-порнография – это создание преступниками сайтов, где пользователи размещают и соответственно распространяют порнографические видеозаписи и фотографии [Сидоренко, 2020].

Для решения этих важнейших проблем необходимо совершенствование правовых механизмов УК РФ. Добиться этого можно путем усовершенствования уже имеющихся статей УК РФ или же с помощью разработки новых статей УК РФ, которые будут дополнять уже имеющиеся. Также следует предпринять дополнительные шаги к изучению уголовно-правовой типологии киберпреступлений.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в реалиях современного общества наиболее оптимальным термином, охватывающим всю совокупность преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных сетей, выступает термин «киберпреступность», что опосре-

---

¹ Распоряжение Президента РФ от 22 марта 2008 г. № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности». URL: https://base.garant.ru/2565696/#block_1 (дата обращения: 22.01.2020).

довано более широкой сферой его применения по сравнению с иными понятиями, употребляющимися в отношении совокупности указанных преступных деяний. Подчеркнем, что, на наш взгляд, базисной составляющей понятия «киберпреступность» выступает киберпространство как особая сфера деятельности в информационном пространстве.

Мы полагаем, что необходимо детально проработать национальное законодательство и международные акты, предусматривающие ответственность за совершение киберпреступлений. Данная необходимость вызвана непрекращающейся модернизацией информационных технологий, опосредующих появление новых видов преступлений, совершаемых с помощью киберпространства.

Список источников

1. ГА ООН приняла резолюцию России по разработке конвенции для борьбы с киберпреступлениями. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7439717> (дата обращения: 24.01.2020).
2. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). URL: <https://base.garant.ru/4089723> (дата обращения: 20.01.2020).
3. Проект Концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/ru> (дата обращения: 15.01.2020).
4. Распоряжение Президента РФ от 22 марта 2008 г. № 144–рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557–рп «О подписании Конвенции о киберпреступности». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 22.01.2020).
5. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2019 г. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 16.10.2019 г.). СПС Консультант Плюс.

Список литературы

1. Авдеева Г. К., Бобрицкий С.М. 2015. Инновации в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий. Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: сборник материалов Международной научно–практической конференции. 22.12.2015. Москва: 327–337.
2. Акимов В.В. 2017. Криминалистическая особенность киберпреступлений. Центр исследования компьютерной преступности. М.: 54–55.
3. Валько Д.В. 2016. Киберпреступность в России и мире: сравнительный анализ. Управление в современных системах, 3(10): 29–40.
4. Вепрев С.Б., Нестерович С.А. 2018. Киберпреступность как новая форма преступности. Расследование преступлений: проблемы и пути их решения, 3(21):78–82.
5. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности. Февраль 2013 г. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian. (дата обращения: 18.01.2020).
6. Ищенко Е.П. 2015. О криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования киберпреступлений. В кн.: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. В 2 томах. Том 1. Иркутск: 336–337.
7. Номоконов В.А. Тропина Т.Л. 2012. Киберпреступность как новая криминальная угроза. Криминология: вчера, сегодня, завтра, 24: 45–55.
8. Простосердов М.А. 2016. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им. Диссертация ... кандидата юридических наук. Москва: 232.

9. Тропина Т.Л. 2005. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно–правовые меры борьбы. Диссертация ... кандидата юридических наук. Владивосток: 234 с.
10. Шевко Н.Р. 2016. Особенности раскрытия и расследования киберпреступлений: проблемы и пути решения. Юридические науки. М.: 11–14
11. Brenner S.W. 2002. The emerging consensus on criminal conduct in cyberspace. *UCLA Journal of Law and Technology*. № 3. URL: http://www.lawtechjournal.com/articles/2002/Q3_020625_goodmanbrenner.php (дата обращения: 12.01.2020).
12. Colin B. 1997. The Future of Cyberterrorism. *Crime and Justice International*. March: 15–18.
13. Morrison P. 1991. Computer Crime. The Improvement of Investigative Skills. Final Report Part One: 89.
14. Sieber U. 2007. Legal Aspects of Computer–Related Crime in the Information Society. URL: <http://europa.eu.int/ISPO/legal/en/comcrime/sieber.doc> (дата обращения: 01.02.2020).
15. Shelley Louise I. 2003. Organized Crime, Terrorism and Cybercrime. Security Sector Reform: Institutions, Society and Good Governance. Baden–Baden: 303–312.
16. Williams P. 2005. Organized Crime and Cybercrime: Synergies, Trends and Responses. URL: <http://www.iwar.org.uk/ecoespionage/resources/transnational-crime/g,i07.htm> (дата обращения: 15.01.2020).

References

1. Avdeeva G.K. 2015. Innovacii v bor'be s prestuplenijami, sovershaemymi s ispol'zovaniem informacionnyh tehnologij. [Innovation in the fight against crimes committed using information technology]. *Sovremennaja kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 22.12.2015. М.: 327–331.
2. Akimov V.V. 2017. Kriminalisticheskaya osobennost' kiberprestuplenij. [The forensic feature of cybercrime]. *Centr issledovaniya komp'yuternoj prestupnosti*. М.: 54–55.
3. Valko D.V. 2016. Kiberprestupnost' v Rossii i mire: sravnitel'nyj analiz. [Cybercrime in Russia and in the world: a comparative analysis]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*, 3(10): 29–40.
4. Veprev S.B., Nesterovich S.A. 2018. Kiberprestupnost' kak novaya forma prestupnosti. [Cybercrime as a new form of crime]. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ikh resheniya*, 3(21): 78–82.
5. A comprehensive study of the problem of cybercrime. 02.2013, URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian. (Date of appeal: 01/18/2020). (in Russian)
6. Ishchenko E.P. 2015. O kriminalisticheskom obespechenii raskrytija i rassledovaniya kiberestuplenij. [On the forensic support of the disclosure and investigation of cybercrime]. In: *Dejatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennykh uslovijah: sbornik materialov 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. [Activity of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the 20th international scientific and practical conference]. In 2 vol. Vol. 1. Irkutsk: 336–337.
7. Nomokonov V.A. Tropina T.L. 2012. Kiberprestupnost' kak novaya krimi–nal'naya ugroza. [Cybercrime as a new criminal threat]. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 24: 45–55.
8. Prostoserdov M.A. 2016. E`konomicheskie prestupleniya, sovershaemy`e v kiberprostranstve, i mery` protivodejstviya im. [Economic crimes committed in cyberspace and countermeasures against them]. The dissertation... candidate of legal sciences. М., 232 p.
9. Tropina T.L. 2005. Kiberprestupnost`: ponyatie, sostoyanie, ugolovno–pravovy`emery` bor`by` [Cybercrime: concept, condition, criminal law measures]. Dissertation ... of the candidate of legal Sciences. Vladivostok: 234 p.
10. Shevko N.R. 2016. Osobennosti raskrytiya i rassledovaniya kiberprestuplenij: problemy i puti resheniya. [Features of the disclosure and investigation of cybercrime: problems and solutions]. *YUridicheskie nauki*. М.: 11–14.
11. Brenner S. W. 2002. The emerging consensus on criminal conduct in cyberspace. *UCLA Journal of Law and Technology*. № 3. URL: http://www.lawtechjournal.com/articles/2002/Q3_020625_goodmanbrenner.php (date of appeal: 12.01.2020).

12. Colin B. 1997. The Future of Cyberterrorism. *Crime and Justice International*. March: 15–18.
13. Morrison P. 1991. *Computer Crime. The Improvement of Investigative Skills. Final Report Part One*: 89 p.
14. Sieber U. 2007. *Legal Aspects of Computer-Related Crime in the Information Society*. URL: <http://europa.eu.int/ISPO/legal/en/comcrime/sieber.doc> (date of appeal: 01.02.2020).
15. Shelley Louise I. 2003. *Organized Crime, Terrorism and Cybercrime. Security Sector Reform: Institutions, Society and Good Governance*. Baden–Baden: 303–312.
16. Williams P. 2005. *Organized Crime and Cybercrime: Synergies, Trends and Responses*. URL: <http://www.iwar.org.uk/ecoespionage/resources/transnational-crime/> (date of appeal: 15.01.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долженко Наталья Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Хмелевская Ирина Геннадиевна, студентка юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia I. Dolzhenko, candidate of law, associate Professor, associate Professor of the Department of forensic science and criminalistics of the Belgorod state national research University, Belgorod, Russia

Irina G. Khmelevskaya, student of the law Institute of the Belgorod state national research University, Belgorod, Russia

УДК 340.12

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-323-329

Антитеррористическая функция государства и поиск баланса

Миц Д.С.

Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ),
Россия, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 47, 191015

E-mail: a-83@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-6238-8501

Аннотация. Рассмотрена антитеррористическая функция государства, которая развивается за счет обеспечения ее эффективной антитеррористической политикой с целью поиска баланса личности, общества и государства в условиях террористической активности. Анализ категории «антитеррористическая функция государства» осуществляется в совокупности диалектического и системного методов исследования, а также путем концептуального подхода в отношении искомого баланса. В ходе анализа сформулирована и научно обоснована авторская позиция – возложенный на национальную политику замысел противодействия современному терроризму выделяет антитеррористическую функцию государства в качестве полноценного средства реагирования в системе обеспечения национальной безопасности. В работе отражена актуальная особенность рассматриваемой функции – социальные системы суть профилактических мероприятий антитеррористической функции государства. Заблаговременно социальные системы антитеррористической функции государства позволяют нейтрализовать актуальные угрожающие факторы.

Ключевые слова: терроризм, безопасность, реагирование; обеспечение.

Для цитирования: Миц Д.С. 2020. Антитеррористическая функция государства и поиск баланса. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права. 45 (2): 323–329. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-323-329

The anti-terrorist function of the state, and finding balance

Denis S. Mits

Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization,
47 Shpalernaya street, 191015, St. Petersburg, Russia

E-mail: a-83@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-6238-8501

Abstract. The article considers the anti-terrorist function of the state, which develops at the expense of ensuring its effective anti-terrorist policy. The aim of the article is to find the balance of the individual, society and state in the conditions of terrorist activity. The analysis of the category "anti-terrorist function of the state" is carried out in the aggregate of dialectical and systemic methods of research, as well as through a conceptual approach to the desired balance. In the course of the analysis the article formulates and scientifically substantiates the author's position – the idea of combating modern terrorism assigned to the national policy allocates the anti-terrorist function of the state as a full-fledged means of response in the system of ensuring national security. The article reflects the actual feature of the considered function – social systems the essence of preventive measures of the antiterrorist function of the state. In advance of the social system of anti-terrorist functions of the state allow you to neutralize the actual protopurusha factors.

Keywords: terrorism; security; response; security.

For citation: Mits D.S. 2020. The anti-terrorist function of the state, and finding balance. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 323–329 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-323-329

Введение

Для процессов глобализации характерна определенная двойственность направлений:

- 1) интернационализация внутреннего регулирования;
- 2) конституционализация международных отношений.

В свете геополитических изменений международная общественность имеет представление об отсутствии эффективного консолидированного международного антитеррористического сотрудничества.

При этом правовое обеспечение антитеррористической функции государства зависит от устойчивых каналов правового взаимодействия внутреннего и внешнего уровня. В странах с демократическим режимом единственным источником государственной власти признается народ. Однако в обществе сложилась обывательская позиция, что политике, в том числе антитеррористическую, формирует специальный круг представителей власти без учета мнения населения [Кубякин, Плотноков, 2015].

Факторы, ослабляющие законность, также воздействуют на динамику воспроизводства деструктивных, в том числе террористических, проявлений. Профилактика терроризма и активная деятельность по локализации вредоносных последствий от радикализма, вражды и ненависти, экстремизма и терроризма в полном объеме возможна с использованием потенциала институтов гражданского общества. В тоже время информационно-пропагандистские мероприятия через возможности СМИ в рамках антитеррористической деятельности требуют существенной оптимизации в условиях соблюдения законности.

Конституционный принцип народовластия позволяет на общем уровне использовать законодательно обеспеченные каналы взаимодействия (с учетом взаимной ответственности) между гражданином и государством, в том числе при противодействии терроризму [Цыбулевская, Милушева, 2007]. Однако во многом это общие сложные тенденции национальной безопасности:

- 1) неурегулированные вопросы международного сотрудничества;
- 2) неурегулированные вопросы координации государственного уровня.

Терроризм как угроза национальной безопасности встраивается в систему методологического обеспечения его противодействия. При этом терроризм усиленно трансформируется в отличие от других угроз национальной безопасности.

В общей методологии национальной безопасности принцип баланса сил противодействия всем угрозам на едином уровне чреват ростом террористической активности и снижением эффективности антитеррористической функции государства. Важно формировать антитеррористическую функцию государства автономно от всей системы обеспечения национальной безопасности. Антитеррористическая политика должна всецело отражать антитеррористическую функцию государства с учетом современных тенденций. При этом категория «уголовная ответственность» является средством осуществления стабильной антитеррористической политики в целях создания условий для нормальной жизнедеятельности социума [Дворецкий, 2018]. Кроме того, с помощью гражданского общества отражение антитеррористической функции государства в соответствующей политике возможно при полноценной роли и значении институтов гражданского общества как антитеррористических субъектов.

Представляется, что если угроза безопасности и опасности существует для личности, общества и государства, то для эффективного развития антитеррористической функции государства лишь государственных сил будет недостаточно.

Проблематика антитеррористической функции государства не обозначает вопроса о значении гражданского общества как базового, а напротив игнорируется в ходе учета в антитеррористическом механизме или воспринимается в случае обеспечения анонимного или персонифицированного сотрудничества.

Правовые вопросы гражданского общества находятся в незавершенном состоянии, в этой связи прогнозируются дополнительные сложности в ходе профилактики терроризма.

Развитие гражданского общества в системе антитеррористической функции государства зависит от учета исторического и социального контекста; от накопленного мирового опыта и национальной специфики [Цыбулевская, 2014].

Располагая широкими политико-правовыми возможностями, антитеррористическая функция государства, формирует искомый эффективный комплекс. При этом отсутствие полноценного антитеррористического сознания в социуме не позволяет рассчитывать на возможные политико-правовые позиции государственного реагирования.

Антитеррористическая деятельность государственных структур при сотрудничестве институтов гражданского общества – эффективная схема. Обратный вектор этой схемы имеет отрицательную составляющую, которая способствует свертыванию оптимальных процессов. Однако использование в рамках антитеррористической функции государства возможностей интернета и СМИ определяет прямые антитеррористические действия институтов гражданского общества, воздействуя непосредственно на террористическое сознание для его оздоровления.

Институты гражданского общества связаны с независимыми СМИ [Кубякин, 2015]. Их функция способствует адекватному отражению в обществе перемен, критическом анализе социально-политической и общественно-экономической ситуации в стране, а также осуществлению контроля в области государственной власти и защите интересов граждан, в том числе от террористических угроз [Цыбулевская, Милушева, 2008].

Сосуществование антитеррористической функции государства в физическом и информационном пространстве накладывает на формирование и реализацию антитеррористических мероприятий соответствующие специфические закономерности. Данные обстоятельства следует учитывать на этапах совершенствования организационного и правового обеспечения рассматриваемой сферы. Отражение значения возможностей СМИ в практике реализации системы антитеррористической функции государства оправдано требует эффективного и реального сотрудничества данных средств и государственных антитеррористических сил [Кубякин, Плотников, 2016].

Участие СМИ в системе антитеррористической функции государства всецело возможно в форме профилактики терроризма. При этом в ходе реализации данной формы существует наибольшее опасение нарушения законности, в том числе конституционной, как политико-правового режима в государстве. Без полноценно разработанного политико-правового подхода реализовать данный вопрос представляется затруднительным в современных юридических условиях [Кубякин, Плотников, 2016]. Нарушение законности связано с низкой юридической техникой, отсутствием соответствия ведомственного нормотворчества вышестоящим по юридической силе нормативным правовым актам, потребностью в подготовке специалистов в области правотворчества. Происходит подмена (особенно в рамках правового обеспечения антитеррористической деятельности) компетентности «жизненным опытом» (он не может заменить профессионализм) [Липинский, 2018].

При преодолении воздействия негативных факторов в области законности целесообразно осуществление следующего комплекса мероприятий:

- 1) мониторинг среды воспроизводства указанных проявлений;
- 2) прогнозирование возможностей для данного воспроизводства;
- 3) выявление, предупреждение и пресечение воспроизводства.

Законность как политико-правовой режим связан с унифицированным демократическим режимом. Антитеррористическая функция государства в условиях данных политико-правовых режимов развивается относительно преодоления недостатков указанных режимов. Механизмы антитеррористической деятельности эволюционируют с учетом противоречий политико-правовых систем [Кубякин, Плотников, 2015]. При этом профилактика терроризма во многом связана с эффективным укреплением законности в общем комплексе.

Основой гражданского общества является демократический плюрализм и проявления культурных различий. При этом в современных условиях данное общество подверже-

но радикализации, что при определенных (в том числе при провокации) условиях трансформируется в экстремистскую деятельность [Сморгунова, 2019].

Мнение народа по вопросам дальнейшего развития антитеррористической функции государства является ключевым средством наибольшей оптимизации указанного процесса. Мировая практика считает оптимальным комплекс наступательных антитеррористических мероприятий, применяемых в режиме демократического правового государства. В этой связи организационно-правовые проблемы данного режима по объективным причинам более сложны для их решения и непосредственно воздействуют на эффективность антитеррористической функции государства [Кубякин, Горбенко, 2014]. Конституционно закрепленные идеологическое и политическое многообразие при запрете государственной идеологии активизируют негативные факторы воспроизводства деструктивных, в том числе террористических, проявлений.

В современных условиях антитеррористическая функция государства зависит от межгосударственной борьбы за сферы влияния; от «санкционного» давления; от укрепления национальной экономической безопасности. По причине изменения геополитической карты мира международные антитеррористические лидеры под влиянием разных процессов осуществляют поиск новых форматов взаимодействия. Под влиянием процессов глобализации выделены новые требования к антитеррористической функции государства как к элементу международной и национальной безопасности.

Современное мировое конкурентоспособное общество характеризуется процессом информатизации [Ветютнев 2018]. Социально-экономическая и геополитическая обстановка динамично изменяется, их последствия все сложнее поддаются прогнозам в сфере обеспечения полноценной безопасности [Буткевич, 2018], в том числе в сфере противодействия террористическим проявлениям.

Следует отметить, что безопасность личности, общества и государства является предметом рассмотрения науки, политики, футурологов, фантастов под влиянием достижения математики, информатики, кибернетики и результатов новых информационных технологий. Философы, политологи, политики, юристы, социологи и специалисты технических, естественных и гуманитарных наук озабочены изменениями геополитики научно-исследовательских систем антитеррористической функции государства, а также идентификации в этой системе человека [Бачило, Шмаков, 2017].

Процессы глобализации и информатизации на планетарном уровне воспроизводят проявления вражды и ненависти, экстремизма и терроризма. Данное обстоятельство требует усиления внимания политических, правовых наук и структур, мобилизации всех ресурсов устойчивого гуманитарного развития и интересов планеты в современных условиях существования социума. При этом толерантность – важный индикатор социальной, нравственной, организационной зрелости социума планеты, а также индикатор искомого баланса [Бачило, 2013].

Международное правовое обеспечение неразрывно от экономических и политических отношений [Ишеков, 2017]. Современный этап глобализации характеризуется как усиление потребности мирового сообщества в объективной, достоверной и своевременной информации об общественно-политических процессах. Данную особенность используют террористические структуры для проведения полноценных комплексных информационно-психологических акций, что требует адекватного государственного антитеррористического реагирования.

Международные споры, разрешение которых осуществляется в современных условиях за счет военно-политических механизмов, способствуют циркуляции воспроизводства международных террористических проявлений [Кириленко, Алексеев 2018]. Традиционно отдельным блоком стран поддерживаются политические провокации в целях последующего применения международных принудительных действий с использованием преданных им вооруженных сил и вооружений для контроля над территориями, в том числе суверенных государств. В этой связи по-прежнему актуальным является использо-

вание дипломатических и парламентских возможностей для оптимизации согласованных антитеррористических позиций.

Для международной безопасности важным является недопустимость нарушения или злоупотребления правом по обстоятельствам соблюдения принципа добросовестности. Внешнеполитический курс Российского государства характеризуется последовательностью такой цели, что способствует поддержанию режима верховенства права в системе современных международных правоотношений [Богатырев, Каламкарян, 2018].

Заключение

На трансформацию международного политико-правового обеспечения борьбы с международным терроризмом воздействуют следующие процессы глобализации: 1) экономический; 2) политический; 3) правовой.

Страны в режиме антитеррористической функции государства отстаивают свои геополитические интересы, установленные посредством политико-правового обеспечения.

Антитеррористическая функция государства при своей реализации зависит от соответствующего правового обеспечения в контексте адекватного государственного реагирования и международной безопасности [Киречёк, 2016]. При этом антитеррористическая политика зависит от антитеррористического сознания. В частности, СМИ в системе антитеррористической функции государства позволяют склонить на сторону мирного существования и диалога потенциальных пособников террористов.

В условиях соблюдения законности развитие гражданского общества и оптимизация антитеррористической функции государства – зависимые друг от друга политико-правовые тенденции. В этой связи при демократическом режиме действия и бездействия государственных и иных структур по реализации антитеррористической функции государства помещены под внимательный контроль со стороны заинтересованных структур, законодательной и судебной власти, а также общественного мнения.

Представляется, что устойчивое развитие оптимизации национальной безопасности способствует обеспечению законности и позволит улучшить профилактическую антитеррористическую функцию государства.

Список литературы

1. Бачило И.Л. 2013. О причинах и мотивах правонарушений в области расовых, этнических, национальных, религиозных отношений. Государство и право, 3: 33–42.
2. Бачило И.Л., Шмаков М.А. 2017. О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе. Государство и право, 11: 81–88.
3. Богатырев В.В., Каламкарян Р.А. 2018. Международно-правовая включенность Российской Федерации в международный договорный процесс как фактор обеспечения юридической безопасности государств. Вестник Московского университета МВД России, 3: 159–162.
4. Буткевич С.А. 2018. Семья как институт предупреждения экстремизма и терроризма (правовые и социальные аспекты). Вестник Уральского юридического института МВД России, 1: 42–47.
5. Ветютнев Ю.Ю. 2018. Проблемы и перспективы информационного общества: теоретико-правовой взгляд. Аграрное и земельное право, 7 (163): 4–8.
6. Дворецкий М.Ю. 2018. Уголовная ответственность: проблемы теории и правоприменительной практики. В кн.: Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. ИД «Петрополис», 444 с.
7. Ишеков К.А. 2017. Модернизационные процессы в контексте человеческого измерения. Вестник Института законодательства Республики Казахстан, 2(47): 34–39.
8. Киречёк Е.В. 2016. Национальная безопасность, национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации в контексте обеспечения прав человека. Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика, 4 (10): 85–89.
9. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. 2018. Противодействие идеологии современного терроризма. Управленческое консультирование, 5(113): 8–18.

10. Кубякин Е.О., Горбенко А.И. 2014. Противодействие террористическим угрозам на федеральном и муниципальном уровнях трансформирующегося российского общества: социологический анализ. Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института, 3 (19): 16–19.
11. Кубякин Е.О., Плотников В.В. 2015. Социологическое исследование предпосылок возникновения экстремизма. Экстремизм и его негативное влияние на уровень национальной безопасности России: криминологический и экономический аспекты. Материалы II Всероссийской научно–практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 198 с.
12. Кубякин Е.О., Плотников В.В. 2015. Феномен социального сознания как интенциональный ориентир исследования проблемы экстремизма. Общество и право, 4 (54): 289–293.
13. Кубякин Е.О., Плотников В.В. 2016. Противодействие социальной деструктивности в условиях глобальной трансформации общества: управленческий аспект. Человек. Общество. Инклюзия. № 2–1(26): 35–40.
14. Кубякин Е.О., Плотников В.В. 2016. Социокультурная детерминированность индивидуальной деятельности. Анализ факторов социальных противоречий. Философия права, 1 (74): 55–58.
15. Кубякин Е.О., Карнаушенко Л.В., Куликов Е.М., Городенцев Г.А. 2015. Экстремизм в условиях прогресса информационно–компьютерных технологий. Краснодар. Краснодарский университет МВД России. 102 с.
16. Липинский Д.А. 2018. О специалисте в сфере правотворчества. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Нижний Новгород, 2 (42): 455–457.
17. Сморгунова В.Ю., Калинин Е.Ю. 2019. Эволюция идеи правосудия в России: от поиска справедливости к каре и обратно. Юридическая наука: история и современность, 1: 186–192.
18. Цыбулевская О.И. 2014. Государство и гражданское общество: методологический аспект взаимодействия. В кн.: Ответственность власти перед гражданским обществом: механизмы контроля и взаимодействия: сборник трудов конференции. Саратов. Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина. 272 с.
19. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. 2007. Нравственно–правовая культура субъектов власти и некоторые вопросы правоприменения по усмотрению. Ленинградский юридический журнал, 4 (10): 18–38.
20. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. 2008. Общественный контроль как фактор ограничения власти. Право и управление. XXI век, 3 (8): 28–33.

References

1. Bachilo I.L. 2013. O prichinakh i motivakh pravonarushenii v oblasti rasovykh, etnicheskikh, natsional'nykh, religioznykh otnoshenii [About the reasons and motives of offenses in the field of racial, ethnic, national, religious relations]. State and law, 3: 33–42. (In Russ.).
2. Bachilo I.L., Shmakov M.A. 2017. O transformatsii institutov «gosudarstvo» i «pravo» v informatsionnom obshchestve [On the transformation of the institutions "state" and "law" in the information society]. State and law, 11: 81–88. (In Russ.).
3. Bogatyrev V.V., Kalamkaryan R.A. 2018. Mezhdunarodno–pravovaya vklyuchennost' Rossiiskoi Federatsii v mezhdunarodnyi dogovornyi protsess kak faktor obespecheniya yuridicheskoi bezopasnosti gosudarstv [International legal involvement of the Russian Federation in the international Treaty process as a factor of ensuring the legal security of States]. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia, 3: 159–162. (In Russ.).
4. Butkevich S.A. 2018. Sem'ya kak institut preduprezhdeniya ekstremizma i terrorizma (pravovye i social'nye aspekty) [Family as an Institute for preventing extremism and terrorism (legal and social aspects)]. Bulletin of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 1: 42–47.
5. Vetyutnev Y.Y. 2018. Problems and prospects of information society: theoretical and legal view. Agrarian and land law, 7 (163): 4–8.
6. Dvoret'skii M.Y. 2018. Ugolovnaya otvetstvennost': problemy teorii i pravoprimenitel'noi praktiki [Criminal liability: problems of theory and law enforcement practice]. In: Criminal policy and law enforcement practice: collection of materials of the V International scientific and practical conference Ed. by E.N. Rakhmanov. Saint-Petersburg. ID "Petropolis". 444 p. (In Russ.).
7. Ishekov K.A. 2017. Modernizacionnyye processy v kontekste chelovecheskogo izmereniya [Modernization processes in the context of the human dimension]. Bulletin Of the Institute of legislation of the Republic of Kazakhstan, 2 (47): P. 34–39. (In Russ.).

8. Kirechyok E.V. 2016. Nacional'naya bezopasnost', nacional'nye interesy i strategicheskie nacional'nye priority Rossijskoj Federacii v kontekste obespecheniya prav cheloveka [National security, national interests and strategic national priorities of the Russian Federation in the context of ensuring human rights]. Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice, 4 (10): 85–89. (In Russ.).

9. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. 2018. Protivodejstvie ideologii sovremennogo terrorizma [Counteraction to the ideology of modern terrorism]. Management consulting, 5 (113): 8–18.

10. Kubyakin E.O., Gorbenko A.I. 2014. Protivodejstvie terroristicheskim ugrozam na federal'nom i municipal'nom urovnyah transformiruyushchegosya rossijskogo obshchestva: sociologicheskij analiz [Counteraction to terrorist threats at the Federal and municipal levels of the transforming Russian society: sociological analysis]. Bulletin of the Moscow state humanitarian and economic Institute, 3 (19): 16–19.

11. Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. 2015. Sociologicheskoe issledovanie predposylok vozniknoveniya ekstremizma [Sociological study of the prerequisites for the emergence of extremism]. In: Extremism and its negative impact on the level of national security of Russia: criminological and economic aspects. Materials of the II all Russian scientific and practical conference. Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 198 p. (In Russ.).

12. Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. 2015. Fenomen social'nogo soznaniya kak intencional'nyj orientir issledovaniya problemy ekstremizma [The phenomenon of social consciousness as an intentional reference point for the study of the problem of extremism]. Society and law, 4 (54): 289–293. (In Russ.).

13. Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. 2016. Protivodejstvie social'noj destruktivnosti v usloviyah global'noj transformacii obshchestva: upravlencheskij aspekt [Counteraction of social destructiveness in the conditions of global transformation of society: managerial aspect]. Man. Society. Inclusion, 2–1(26): 35–40.

14. Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. 2016. Sociokul'turnaya determinirovannost' individual'noj deyatel'nosti. Analiz faktorov social'nyh protivorechij [Socio-cultural determinism of the individual activities. Analysis of factors of social contradictions]. Philosophy of law, 1 (74): 55–58. (In Russ.).

15. Kubyakin E.O., Karnaushenko L.V., Kulikov E.M., Gorodentsev G.A. 2015. Ekstremizm v usloviyah progressa informacionno-komp'yuternyh tekhnologij [Extremism in the conditions of progress of information and computer technologies]. Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 102 p.

16. Lipinsky D.A. 2018. O spetsialiste v sfere pravotvorchestva [About a specialist in the field of law-making]. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2 (42): 455–457. (In Russ.).

17. Smorgunova V.Y., Kalinin E.Y. 2019. Evolyutsiya idei pravosudiya v Rossii: ot poiska spravedlivosti k kare i obratno [Evolution of the idea of justice in Russia: from the search for justice to the penalty and back]. Legal science: history and modernity. Saint-Petersburg. Foundation for the promotion of science and education in the field of law enforcement "University", 1: 186–192. (In Russ.).

18. Tsybulevskaya O.I. 2014. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: metodologicheskii aspekt vzaimodeistviya [State and civil society: methodological aspect of interaction]. In: Responsibility of the government to civil society: mechanisms of control and interaction: proceedings of the conference. Saratov. Povolzhsky institute of management named after p. A. Stolypin. 272 p. (In Russ.).

19. Tsybulevskaya O.I., Milusheva T.V. 2007. Nравственно-правовая культура sub"ektov vlasti i nekotorye voprosy pravoprimereniya po usmotreniyu [Moral and legal culture of subjects of power and some issues of law enforcement at discretion]. Leningrad legal journal, 4 (10): 18–38. (In Russ.).

20. Tsybulevskaya O.I., Milusheva T.V. 2008. Obshchestvennyi kontrol' kak faktor ogranicheniya vlasti [Public control as a factor of power restriction]. Law and management. XXI century, 3 (8): 28–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миц Денис Сергеевич, к. юр. н., эксперт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis S. Mits, candidate of law, expert of the parliamentary Assembly of the collective security Treaty Organization (CSTO), Saint Petersburg, Russia.

УДК 340.1

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-330-335

Цели льготных правовых режимов

Подольский А.В.

Тамбовский государственный технический университет
392000 г. Тамбов, ул. Советская, 106.
E-mail: mse.shurik@gmail.com

Аннотация. Изучение льготных правовых режимов как разновидности специальных правовых режимов следует начинать с определения целей их установления. Понятие «льготный правовой режим» мало исследовано и подвергалось анализу только в работах, посвященных правому режиму в целом. Главным функциональным назначением льготных правовых режимов является облегчение правового положения субъектов. На основании этого автором определены цели установления льготных правовых режимов. Обоснована точка зрения, что поскольку они создают условия интенсификации осуществления субъектам права своих прав, одной из целей льготных правовых режимов является реализация принципа социальной справедливости. В качестве другой их цели, которая также достигается через облегчение правового положения, видится стимулирование значимой для общества и государства позитивной активности. В подтверждение данной точки зрения приведены примеры льготных правовых режимов, в рамках которых достигаются обозначенные цели. Результаты исследования открывают новое теоретическое направление в исследовании проблем льготных правовых режимов и их отраслевого использования.

Ключевые слова: льгота, социальная справедливость, правовое равенство, позитивная активность, правовой стимул.

Для цитирования: Подольский А.В. 2020. Цели льготных правовых режимов NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 330–335. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-330-335

Goals of preferential legal regimes

Alexander V. Podolsky

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya str., Tambov, 392000, Russia
E-mail: mse.shurik@gmail.com

Abstract. The study of preferential legal regimes as a type of special legal regimes should begin with defining the goals of their establishment. The concept of "preferential legal regime" has not been well studied and has been analyzed only in works devoted to the legal regime as a whole. The main functional purpose of preferential legal regimes is to facilitate the legal status of subjects. Based on this, the author defines the goals of establishing preferential legal regimes. The point of view is substantiated that since they create conditions for the intensification of the exercise of rights by legal subjects, one of the goals of preferential legal regimes is the implementation of the principle of social justice. Their other goal, which is also achieved by facilitation the legal situation, is to encourage positive activity that is significant for society and the state. In support of this point of view, examples of preferential legal regimes are given in which the designated goals are achieved. The results of the research open a new theoretical direction in the study of problems of preferential legal regimes and their use in the branches of law.

Keywords: benefits, social justice, legal equality, positive activity, legal incentive.

For citation: Podolsky A.V. 2020. Goals of preferential legal regimes. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 330–335 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-330-335

Введение

В современных условиях льготные правовые режимы занимают особое место среди инструментов социальной политики государства. Стремясь к построению общества равных возможностей, государство создает особые льготные порядки реализации прав и исполнения обязанностей для отдельных индивидов или групп лиц.

В научной литературе вопросы целей и сущности правовых режимов вообще и специальных режимов, в частности подвергались исследованию в работах А.В. Малько [Малько, Лиманская, 2014], Г.С. Беляевой [Беляева, 2013], А.П. Лиманской [Лиманская, 2014], Н.С. Братановского [Братановский, 2012], и других. Однако цели льготных правовых режимов отдельно не исследовались.

Правовое равенство и социальная справедливость

В современных условиях льготные правовые режимы занимают особое место среди инструментов социальной политики государства. Стремясь к построению общества равных возможностей, государство создает особые льготные порядки реализации прав и исполнения обязанностей для отдельных индивидов или групп лиц.

В ст. 7 Конституции Российская Федерация провозглашается социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. А в соответствии с п. 1 ст. 19 Конституции все равны перед законом и судом. Правовое равенство выступает в качестве одного из важнейших принципов правового регулирования, как существенная ценность, оберегаемая законом.

Однако равные права, декларируемые основным законом государства, в процессе их осуществления (в динамике) могут перестать быть равными. Существуют определенные объективные уважительные причины, когда субъект не имеет возможности осуществить предоставленное ему право тем способом (при помощи тех правовых средств), которые предлагает ему закон. Препятствием могут выступать как субъективные причины (инвалидность, возраст, пол и пр.), так и объективные (суровые природные условия, социальная напряженность, геополитическая обстановка и т.д.). В этом случае должны использоваться альтернативные правовые средства осуществления и защиты прав и законных интересов. С помощью таких средств должны создаваться льготные правовые режимы, позволяющие субъектам, ограниченным в своих возможностях, осуществить субъективное право.

Одной из целей льготного правового режима выступает социально значимый результат, выражающийся в установлении правового равенства и социальной справедливости. Данные правовые режимы могут быть предусмотрены для особого урегулирования различных сфер общественной жизни. Они во множестве содержатся в жилищном, налоговом, пенсионном законодательстве, законодательстве о труде, образовании и т.д.

Так, Трудовой кодекс Российской Федерации [2001] предусматривает целый ряд льготных правовых режимов, призванных уравнивать в правах и социальных гарантиях разные категории работников. К примеру, ежегодный оплачиваемый отпуск предоставляется в удобное для работника время следующим категориям граждан: лицам, воспитывающим детей-инвалидов в возрасте до 18 лет (ст. 262.1); лицам, имеющим трех и более детей до 18 лет (ст. 261.2); лицам, не достигшим 18 лет (ст. 267); и пр. Особый льготный правовой режим предусмотрен главой 50 Трудового кодекса РФ в отношении лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. В частности, ст. 315 предусматривает особый порядок оплаты труда таких работников в виде специальных увеличивающих коэффициентов и надбавок; ст. 321 устанавливает дополнительные ежегодные оплачиваемые отпуска продолжительностью 24 календарных дня работников районов Крайнего Севера и 16 календарных дней для лиц, работающих в местностях, приравненных к ним и т.д.

Очевидно, что указанные категории работников уже ограничены в своих возможностях осуществления трудовых прав (в том числе права на отдых) в силу возраста, тяжелых климатических условий жизни и деятельности, физиологических, семейных и иных трудностей. Установление для них льготных режимов трудовой деятельности и дополнительных денежных гарантий преследует цель облегчить их правовое положение и, тем самым, уравнивать их права с правами остальных работников.

В сфере образования льготные режимы в основном касаются вопросов поступления в учебные заведения и прохождения обучения. Они обеспечивают равный доступ к образованию путем предоставления определенных преимуществ для социально уязвимых категорий граждан. Так, например, п. 5. ст. 71 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [2012] устанавливает право на прием на обучение в пределах установленной специальной квоты (вне общего конкурса) за счет бюджетных ассигнований соответствующего бюджета детей-инвалидов, инвалидов I и II групп, инвалидов детства, инвалидов вследствие военной травмы или заболевания, полученных в период прохождения военной службы.

Особое место среди льготных правовых режимов занимают правовые режимы, обеспечивающие социальную поддержку семей. Их особенностью является двойная направленность: во-первых, снижение материальной нагрузки на растущую семью, а во-вторых, стимулирование рождаемости и тем самым преодоление демографического кризиса.

Семья – один из главных социальных институтов в обществе, на котором зиждется государство. Именно поэтому государство уделяет пристальное внимание многодетным семьям, ведь зачастую в таких семьях имеет возможность работать только один из родителей. Указ Президента РФ «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» от 05.05.1992 № 431 (ред. от 25.02.2003) [1992] более четверти века не теряет своей актуальности и значимости. Согласно указу, многодетным семьям предоставляется целый ряд льгот (в частности скидка в размере не ниже 30 процентов установленной платы за пользование отоплением, водой, канализацией, газом и электроэнергией; бесплатная выдача лекарств, приобретаемых по рецептам врачей, для детей в возрасте до 6 лет и пр.).

Во многих регионах действуют специальные программы по субсидированию покупки жилья и улучшению жилищных условий для многодетных семей. Так, постановлением Правительства Московской области от 25.10.2016 № 790/39 (ред. от 26.03.2019) «Об утверждении государственной программы Московской области «Жилище» на 2017–2027 годы» [2016] установлены «Правила предоставления жилищных субсидий многодетным семьям на приобретение жилого помещения или строительство индивидуального жилого дома», согласно которым многодетным семьям, имеющим семь и более детей, выдается жилищная субсидия на приобретение жилья.

Из приведенных выше примеров видно, что льготные правовые режимы устанавливаются с целью обеспечения равенства и социальной справедливости. Предусмотренные в тех или иных правовых режимах льготы адресно воздействуют на тех субъектов, которые не могут в силу объективных причин наравне с другими осуществлять свои права и реализовывать законные интересы. Льготный правовой режим в этих случаях выполняет компенсационную функцию, являясь инструментом восстановления правового равенства. Данная функция является необходимым инструментом гармонизации интересов субъектов права, стабильности общественных отношений.

Стимулирование социальной и экономической активности субъектов

Однако, помимо инструмента установления равенства и социальной справедливости, льготные правовые режимы используются и как средство достижения положительного социального и экономического эффекта, отвечая тем самым цели правового стимулирования –

удовлетворение потребности общества и государства в социально полезном и активном поведении субъектов права в различных сферах жизнедеятельности [Малько, 2004, с. 84].

Такого рода льготные правовые режимы устанавливаются, к примеру, для облегчения правового положения субъектов предпринимательства. Существуют специальные льготные правовые режимы ведения хозяйственной деятельности, устанавливаемые либо на определенной территории (в определенной местности), либо на всей территории Российской Федерации.

Так, в соответствии со ст. 11 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 № 264-ФЗ [Федеральный..., 2006] государством обеспечивается поддержка формирования и развития системы кредитования сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Для стимулирования инвестирования в российскую экономику и вывода из офшорных зон на территории Российской Федерации создаются специальные административно-правовые режимы, основанные на льготах и преимуществах. Это режимы, связанные с решением актуальных социально-экономических проблем: режим территории опережающего развития; режим территорий, созданных для внедрения инноваций; режим приграничного сотрудничества и свободного порта; режим промышленного кластера и пр. [Ноздрачев, Стародубова, 2016, с. 147].

К примеру, привлекательные налоговые преференции предлагает резидентам режим территории опережающего социально-экономического развития. Для организаций, получивших статус резидента территории опережающего социально-экономического развития, налоговая ставка по налогу, подлежащему зачислению в федеральный бюджет, устанавливается в размере 0 %. [Налоговый..., 2000].

Положительный экономический эффект достигается также в рамках правовых режимов освобождения от определенного рода ответственности, связанной с экономической деятельностью субъекта. Указанные льготные правовые режимы направлены на возвращение правонарушителя в рамки правового поля.

Особую актуальность в этой сфере приобрел режим так называемой амнистии капиталов. В рамках Федерального закона «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.06.2015 № 140-ФЗ [2015] устанавливается режим освобождения от уголовной ответственности за преступления, связанные с уклонением от обязанности по репатриации денежных средств, уклонением от уплаты таможенных платежей в крупном и особо крупном размере, уклонением от уплаты налоговых сборов и т.д.; административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или без государственной регистрации в качестве юридического лица; ответственности за некоторые налоговые правонарушения.

Заключение

Таким образом, из вышеизложенного следует, что у льготных правовых режимов определяются два направления их воздействия на общественные отношения и, соответственно, *две основные цели: 1) создание условий для установления равноправия и понижения уровня социального неравенства; 2) стимулирование субъектов, в правомерной деятельности и активности которых экономически и социально заинтересовано государство.*

Исходя из поставленных целей все льготные правовые режимы, главным образом, делятся на две категории: режимы, устанавливающие равноправие и социальную справедливость, и режимы, стимулирующие значимую для государства позитивную активность субъектов (условно назовем первые социальными, а вторые социально-экономическими). При этом существуют льготные правовые режимы, относящиеся только к первой катего-

рии (например, режим особого права на поступление в высшие учебные заведения), либо только ко второй (например, режим хозяйственной деятельности на территории опережающего развития), а также режимы, в которых достигаются сразу две главные цели льготного правового регулирования (например, режим ведения крестьянского (фермерского) хозяйства многодетными семьями).

Определив две основные цели льготного правового регулирования, наиболее значимой из них все же представляется первая – обеспечение правового равенства и социальной справедливости. Во-первых, потому что Российская Федерация является, согласно ст. 7 Конституции, социальным государством. Данное положение Конституции РФ реализуется при помощи различных правовых инструментов, в том числе посредством льготных правовых режимов. Осуществляя политику, направленную на создание условий по обеспечению достойной жизни и свободного развития человека, государство через льготные правовые режимы выравнивает возможности различных категорий субъектов права. Предусмотренные в льготных правовых режимах юридические средства адресно воздействуют на тех субъектов, которые не могут в силу объективных причин наравне с другими осуществлять свои права и реализовывать законные интересы. А во-вторых, потому что вторая цель льготного правового регулирования, хотя и оказывает решающее значение на развитие экономики и других сфер общественной жизни и деятельности, имеет шанс быть достигнутой только в условиях правового и социального равенства и общего благополучия граждан. Ведь вовлекать людей в полезные сферы деятельности, стимулировать их к позитивной активности и развитию можно только в условиях стабильности и защищенности, в условиях равных возможностей реализации прав и законных интересов.

Список источников

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // Собрание законодательства РФ. 2000 № 32. Ст. 3340.
2. Постановление Правительства Московской области от 25.10.2016 № 790/39 (ред. от 26.03.2019) «Об утверждении государственной программы Московской области «Жилище» на 2017–2027 годы». URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/prinyato-pravitelstvom/29-11-2016-16-41-09-postanovlenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot-2>. (дата обращения: 25 сентября 2019).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.
4. Указ Президента РФ «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» от 05.05.1992 № 431 (ред. от 25.02.2003) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 19. Ст. 1044.
5. Федеральный закон «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.06.2015 № 140-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3367.
6. Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006. № 264-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 27.
7. Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 № 473-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2015, № 1 (часть I). Ст. 26.
8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

Список литературы

1. Александров Ю.В. 2003. Справедливость как базовая ценность российской правовой культуры. Правоведение: межвузовский научно-методический сборник. Великий Новгород, 4: 18–22.
2. Беляева Г.С. 2013. К вопросу о сущности правового режима. Гражданин и право, 2: 8–13.
3. Братановский С. Н. 2012. Сущность и виды специальных правовых режимов информации. Гражданин и право, 9: 3–17.

4. Искевич И.С., Куркин Б.А. 2019. К вопросу о правовых режимах внешнеторговой деятельности. *Международное публичное и частное право*, 3: 29–33.
5. Лапаева В.В. 2007. Формальное равенство как критерий правового начала в общественной жизни. *Труды института государства и права РАН*, 4: 87–106.
6. Лиманская А.П. 2014. Цели специальных правовых режимов. *Законы России: опыт, анализ, практика*, 2: 95–97.
7. Малько А.В. 2004. Стимулы и ограничения в праве. М., Юристъ, 248 с.
8. Малько А.В., Лиманская А.П. 2014. Виды правовых режимов в юридической науке и российском законодательстве. *Современное право*, 2: 14–17.
9. Морозова И.С. 2007. Теория правовых льгот: дис. ...доктора юрид. наук. Саратов, 427 с.
10. Ноздрачева А.Ф., Стародубова О.Е. 2016. Административно-правовые режимы: современное содержание и тенденции развития. *Журнал российского права*, 9: 146–153.

References

1. Aleksandrov Yu. V. 2003. Justice as a basic value of Russian legal culture [Justice as a basic value of Russian legal culture]. *Jurisprudence: Intercollegiate scientific and methodological collection [Jurisprudence: interuniversity scientific and methodical collection]*. Velikiy Novgorod, 4: 18–22.
2. Belyaeva G. S. 2013. To the question of the essence of the legal regime [To the question of the essence of the legal regime]. *Grazhdanin i pravo*, 2: 8–13
3. Bratanovskiy S. N. 2012. The nature and types of special legal regimes of information [The nature and types of special legal regimes of information]. *Grazhdanin i pravo*, 9: 3–17.
4. Iskevich I. S., Kurkin B. A. 2019. On legal regimes of foreign trade activities [On legal regimes of foreign trade activities] *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 3: 29–33.
5. Lapaeva V. V. 2007. Formal equality as a criterion of legal principle in public life [Formal equality as a criterion of legal principle in public life]. *Proceedings of the institute of State and law of RAS*, 4: 87–107.
6. Limanskaya A. P. 2014. The purpose of the special legal regimes. [The purpose of the special legal regimes]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2: 95–97.
7. Mal'ko A.V. 2004. Incentives and restrictions in law [Incentives and restrictions in law]. М., Yurist, 248 p.
8. Mal'ko A.V. Limanskaya A. P. Types of legal regimes in legal science and Russian legislation. [Types of legal regimes in legal science and Russian legislation]. *Sovremennoe pravo*, 2: 14–17.
9. Morozova I.S. 2004. Theory of legal benefits [Theory of legal benefits] dis. ...doct. law . sciences. Saratov, 2007, 427 p.
10. Nozdracheva A.F., Starodubova O.E. 2016. Administrative and legal regimes: current content and development trends [Administrative and legal regimes: current content and development trends]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 9: 146–153.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подольский Александр Владимирович, старший преподаватель кафедры «Международное право» ФГБОУ ВО «ТГТУ», г. Тамбов, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr V. Podolskiy, senior lecturer of the Department of International law, Federal state budget educational institution of higher education «Tambov state technical University», Tambov, Russia.

УДК 342.732

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-336-344

Наднациональные гарантии свободы средств массовой информации: опыт постсоветских интеграций

Тульнев М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 738330@bsu.edu.ru

Аннотация. Свобода средств массовой информации, провозглашенная не только на государственном конституционном уровне, но и международном, закономерно опосредует и наднациональные гарантии заявленной свободы, тем более, что важность ее реализации в связи информационными войнами и фейковыми новостями обоснованно является межгосударственной. В данной связи автором осуществлен анализ международных правовых актов постсоветского пространства, участником которых является Российская Федерация, с целью выявления в них легализации гарантий свободы средств массовой информации. Установлено, что в рамках постсоветского пространства гарантирование свободы средств массовой информации сложилось в Союзном государстве России и Беларуси, Содружестве независимых государств, включая модельное законодательство; на основе двусторонних договорённостей в сфере информации или обеспечения статуса журналистов.

Ключевые слова: гарантии, договор, конвенция, свобода средств массовой информации, модельный закон, содействие, ограничение, журналист.

Для цитирования: Тульнев М.А. 2020. Наднациональные гарантии свободы средств массовой информации: опыт постсоветских интеграций. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 336–344. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-336-344

Supranational guarantees of media freedom information: experience of post-soviet integrations

Michael A. Tulnev

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: 738330@bsu.edu.ru

Abstract. Freedom of the media, proclaimed not only at the state constitutional level, but also at the international level, naturally mediates supranational guarantees of the declared freedom. Moreover, the importance of its implementation in connection with information wars and fake news is justifiably interstate. In this regard, the author analyzes international legal acts of the post-Soviet space, to which the Russian Federation is a party, in order to identify the legalization of guarantees of freedom of the mass media. It is established that within the post-Soviet space, the guarantee of freedom of the mass media has developed in the Union state of Russia and Belarus, the Commonwealth of independent States, including model legislation; on the basis of bilateral agreements in the field of information or ensuring the status of journalists. It is concluded that, in addition to bilateral initiatives and model laws, the guarantee formats are fragmented and require a comprehensive «package» approach of integrations to the special legalization of mass media freedom, taking into account the variability of its sources and guarantees.

Keywords: contract, Convention, freedom of the media, model law, assistance, restriction, journalist.

For citation: Michael A.T. 2020. Supranational guarantees of media freedom information: experience of post-soviet integrations. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 336–344 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-336-344

Введение

В процессе эволюции человеческое общество все в большей степени осознавало ценность, значимость и действенность информации, которая определялась не только как инструмент познания окружающего мира и основа для коммуникативных связей, мощное орудие консолидации и созидания, но также как невероятно действенное всеразрушающее оружие, по своей силе порой превосходящее известные виды вооружений [Сулейманова, Назарова, 2017, с. 4].

Одним из правовых инструментов противодействия современным информационным войнам является гарантирование свободы массовой информации [Погребинская, 2009; Фролова, 2012], исключение ее цензуры [Куликова, 2011; Марцоха, 2007; Пальцева, 2008; Трофимов, 2010], зависимости и идеологизации [Лукашук, 2011, Малько, 2001].

Свобода средств массовой информации, провозглашенная не только на государственном конституционном уровне, но и международном, закономерно опосредует и наднациональные гарантии заявленной свободы, тем более, что важность ее реализации обоснованно является межгосударственной.

Уточним, что ключевые международные документы универсального характера в базовом варианте все-таки исходят из свободы выражения своего мнения различными способами, в том числе посредством печати. К примеру, ч. 2 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах установлено, что каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати, или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору. Тождественен подход и Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 10)¹.

Гарантии свободы средств массовой информации в рамках СНГ

Помимо участия Российской Федерации в международных универсальных и региональных интеграциях, с геополитической, экономической и культурной сторон важно ее состояние в локальном объединении – Содружестве независимых государств² (далее – СНГ). Отметим, что в настоящее время СНГ является формой кооперации равноправных независимых государств, характеризующейся особенностями взаимодействия практически во всех сферах, гибкостью механизмов и форматов коллективного сотрудничества. Многообразие контактных сфер регламентировано имманентными многосторонними правовыми актами, среди которых, полагаем, наличествуют и гарантии свободы средств массовой информации.

---

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

² Решение Совета глав государств СНГ «О принятии Устава СНГ» (Вместе с «Уставом Содружества Независимых Государств») (принято в г. Минске 22.01.1993) // Бюллетень международных договоров. 1994. № 1; Постановление ВС РФ от 15.04.1993 № 4799-1 «О ратификации Устава Содружества Независимых Государств» // Ведомости СНГ и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 608.

Конвенция о правах и основных свободах человека, принятая в рамках СНГ, последовала примеру универсального и регионального стандартов прав личности, легализовав в ст. 11 свободу выражения своего мнения любым законным способом без вмешательства со стороны государственных властей и независимо от государственных границ, при этом обозначив известные основания для ограничения свободы¹.

Поясним, что специальный документ, посвященный регламентации отношений в связи с реализацией свободы средств массовой информации и ее гарантированием, в данном интегративном сообществе отсутствует.

Вместе с тем в СНГ все-таки прилагаются точечные усилия в направлении гарантирования свободы массовой информации, что выражено, к примеру, в учреждении такой институции, как Межгосударственный совет по сотрудничеству в области периодической печати, книгоиздания, книгораспространения и полиграфии (далее – Межгосударственный совет). Он предназначен для создания условий широкого и свободного обмена и распространения печатной продукции, производимой на территориях Сторон.

Решения этого Совета носят рекомендательный характер, а расходы по проведению заседаний несет государство – участник Соглашения, на территории которого проводится заседание Совета. Расходы же по командированию членов Совета несет направляющее государство².

Следует отметить, что деятельность Межгосударственного совета осуществляется и в настоящее время на систематической основе. Так, в 2019 г. на его заседании была утверждена новая редакция Положения о Международном конкурсе «Искусство книги» государств – участников СНГ. Полагаем, подобного рода конкурсные мероприятия важны и обладают гарантирующим потенциалом в аспекте популяризации определенной разновидности информации.

В целом деятельность указанного Межгосударственного совета в полной мере соотносима с принятым в 2004 г. Соглашением о сотрудничестве в области книгоиздания, книгораспространения и полиграфии³.

Представляется, наличие приведенных документов, безусловно, оказывает плодотворное влияние на гарантирование распространения книжной, полиграфической продукции. Вместе с тем в условиях информационного общества, признаваемого государствами на правовом уровне, с учетом опыта, к примеру, европейской интеграции⁴, рекомендательны разработка и принятие правовых актов, легализующих свободу средств массовой информации с учетом их современной вариативности, а также с надлежащими гарантиями

---

¹ Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в г. Минске 26.05.1995) // СЗ РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

² Соглашение о создании Межгосударственного совета по сотрудничеству в области периодической печати, книгоиздания, книгораспространения и полиграфии (Вместе с «Положением...») (заключено в г. Минске 04.06.1999) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 4. С. 19–23.

³ Соглашение о сотрудничестве в области книгоиздания, книгораспространения и полиграфии (Заключено в г. Чолпон-Ате 16.04.2004) // Бюллетень международных договоров. 2008. № 5. С. 15–18.

⁴ См., например: рекомендации Комитета Министров Совета Европы № CM/Rec (2016)5 «О свободе в Интернете» (принята 13.04.2016 на 1253-ом заседании заместителей министров) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание / учредитель ООО «Развитие правовых систем». 2016. № 6 (30). С. 114–120; № CM/Rec (2018)1 «О плюрализме средств массовой информации и транспарентности собственности на средства массовой информации» (принята 07.03.2018 на 1309-ом заседании представителей министров) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 10 и др.

на декларативном уровне. В последующем такой опыт может быть воспроизведен на конвенционном уровне. Возвращаясь к базовому документу СНГ о правах человека, в качестве пробела видится отсутствие в нем формализованного запрета на цензуру. Таким образом, в условиях необходимости обеспечения международной и национальной безопасности, в том числе от распространенных информационных, фейковых новостей, целесообразна «пакетная» работа уполномоченных структур СНГ по легализации надлежащих гарантий свободы массовой информации, тем более, что подобного рода опыт имеется в рамках договорных межгосударственных отношений.

Договорные гарантии свободы средств массовой информации

В этой связи далее авторское внимание уделено специальным международным договорам Российской Федерации, являющимся частью ее правовой системы. Их предметом выступает свобода средств массовой информации и ее гарантии.

Как правило, искомые гарантии выражены в межправительственных двусторонних соглашениях в области информации или массовых коммуникаций. В содержании таких соглашений гарантирующая роль принадлежит следующим формулировкам:

«Каждая из Сторон будет способствовать широкому и свободному обмену информацией между информационными службами (агентствами) и редакциями средств массовой информации, не будет препятствовать распространению на территории ее государства продукции средств массовой информации, которые зарегистрированы и действуют на законных основаниях в государстве другой Стороны, при условии, что распространение сведений и материалов, образующих такую продукцию, не противоречат требованиям ее национального законодательства.

Каждая из Сторон не будет препятствовать распространению сообщений и информации дипломатических и иных официальных представительств государства другой Стороны» (ст. 2)¹.

Аналогичен смысл соглашения о сотрудничестве в области информации между Российской Федерацией и Киргизией². Однако позднее приведенному специальному двустороннему соглашению на смену пришла Декларация о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Киргизской Республикой. Она, будучи содержательно универсальным документом, регулирующим широкий перечень вопросов, уделила внимание и свободе средств массовой информации. В частности, каждая из Сторон будет обеспечивать своим гражданам свободный доступ к средствам массовой информации другой Стороны, создавать благоприятные условия для объективного освещения процессов, происходящих в обоих государствах. С этой целью Стороны будут всемерно содействовать расширению информационного обмена между двумя странами и созданию максимально благоприятных условий для деятельности журналистов Сторон на своей территории³.

Закрываемые в современный период двусторонние соглашения уже посвящены сотрудничеству в области массовых коммуникаций. Так, помимо уже приведенных ранее

---

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области информации (заключено в г. Душанбе 16.10.2004) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 6. С. 72–74.

² Соглашение о сотрудничестве в области информации (заключено в г. Бишкеке 09.10.1992 г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 10. С. 30–32.

³ Декларация о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Киргизской Республикой (принята в г. Москве 27.07.2000) // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 65–68.

положений, к примеру, в соглашении между правительствами Российской Федерации и Республики Конго установлено, что Стороны на основе принципов равноправия и взаимной выгоды развивают долгосрочное сотрудничество в области массовых коммуникаций, способствуют созданию благоприятных условий для широкого и свободного распространения информации в соответствии со своим национальным законодательством и в целях дальнейшего углубления знаний о жизни народов своих государств (ст. 1)¹.

Кроме того, договорно-гарантирующими расцениваем положения, в соответствии с которыми Стороны

– развивают сотрудничество на основе взаимных консультаций, обмена опытом и информацией по следующим направлениям в сфере массовых коммуникаций: обмен опытом в области современных способов и технологий распространения информации, производства аудиовизуальной продукции и хранения архивных данных; сотрудничество в области медиаиндустрии (ст. 2);

– поддерживают и поощряют взаимовыгодное сотрудничество между редакциями средств массовой информации государств, а также между соответствующими ведомствами и организациями, работающими в области средств массовой информации (ст. 4);

– содействуют равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству между профессиональными организациями журналистов государств Сторон с целью изучения проблем, представляющих профессиональный интерес, а также проведению встреч, семинаров и конференций в области средств массовой информации (ст. 5);

– в соответствии с национальным законодательством государств оказывают помощь в работе находящимся на территории государства аккредитованным представителям средств массовых коммуникаций, а также агентствам, журналистам и съемочным группам (ст. 6).

Отметим, что ранее вопросы о статусе корреспондентов средств массовой информации не были интегрированы в обобщенные соглашения об информации или массовых коммуникациях и составляли отдельный самостоятельный предмет. Здесь уместен пример Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о статусе корреспондентов средств массовой информации. Гарантирующими свободу массовой информации нормами, в том числе, выступали следующие установления:

– Стороны через уполномоченные органы в рамках национального законодательства всемерно содействуют получению и распространению иностранными корреспондентами объективной информации о политической, социально-экономической и культурной жизни государства аккредитации, соблюдению общепризнанных норм журналистской этики (ст. 3);

– иностранным корреспондентам на основе взаимности с учетом требований национального законодательства предоставляется право свободного передвижения на территории Российской Федерации и Азербайджанской Республики, за исключением районов и объектов, для посещения которых установлен специальный порядок (ст. 6).

– Стороны в соответствии с общепризнанными нормами международного права через уполномоченные органы обеспечивают соблюдение прав иностранных корреспондентов на свободную передачу средствам массовой информации своих материалов, радио, видео- и телеинформации без какой-либо цензуры (ст. 7)².

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Конго о сотрудничестве в области массовых коммуникаций (Заключено в г. Москве 23.05.2019). На 25.04.2020 документ не вступил в силу // <http://www.mid.ru/>

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о статусе корреспондентов средств массовой информации Российской Федерации в Азербайджанской Республике и корреспондентов средств массовой информации Азербайджанской Республики

Аналогичное межправительственное соглашение было заключено Россией и Арменией¹.

Интересно, что в рамках двусторонних союзных форм сотрудничества также обнаружены искомые, но все же точечные гарантии (как и в СНГ). Так, Российская Федерация и Республика Беларусь, создав Союзное государство², утвердили Устав Телерадиовещательной организации Союзного государства. Ее срок деятельности не ограничен³.

Организация осуществляет деятельность в области телерадиовещания и электронных средств массовой информации, взаимодействия и сотрудничества с телерадиовещательными организациями на территории Российской Федерации, Республики Беларусь и за рубежом в целях обеспечения основной деятельности и участия в формировании рынка аудиовизуальной продукции, трансляции телерадиопрограмм, участия в международном теле- и радиообмене, создания условий для работы на территории государств-участников Союзного государства и за рубежом (п. 1.3.).

Координация работы Организации и ее взаимодействие с национальными органами государств-участников Союзного государства осуществляется Постоянным Комитетом Союзного государства (1.5.).

Несмотря на наличие указанной институциональной гарантии, полагаем, для такого серьезного союзного объединения также рекомендательны разработка и принятие «пакетных» специальных гарантирующих положений о свободе средств массовой информации.

Роль модельных законов в гарантии свободы средств массовой информации

В качестве современного перспективного направления гармонизации и унификации национальных правовых систем следует упомянуть международные модельные законы [Касымжанова, 2012], под которыми понимают нормы, уполномочивающие или обязывающие государства или других субъектов разработать и принять правовые акты или правовые нормы (международные или внутригосударственные) определенного содержания [Безбородов, 2008].

В рамках интеграции СНГ указанная форма унификации популярна и применяется в различных сферах, в том числе и рассматриваемой нами сфере средств массовой информации. Отметим, что принимаемые в СНГ модельные законы не всегда воспринимаются национальной российской системой, но в подавляющем числе случаев находят адаптацию. Иногда модельные законы интеграции формируются на основе национальных правовых актов. Здесь ярким примером является Модельный закон об информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности⁴, принятый 8 лет спустя

байджанской Республики в Российской Федерации (Заключено в г. Баку 09.01.2001) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 9. С. 41–44.

¹ Бюллетень международных договоров. 2005. № 10. С. 17–19.

² Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании Союзного государства (подписан в г. Москве 08.12.1999) // СЗ РФ. 2000. № 7. Ст. 786.

³ Постановление № 6 от 10.03.2004 Совета Министров Союзного государства «Об Уставе, составе коллегии и предельной штатной численности работников Телерадиовещательной организации Союзного государства» // Документы, принятые и одобренные на заседании Совета Министров Союзного государства (Протокол заседания Совета Министров Союзного государства от 10 февраля 2004 г. № 1). С. 271–290.

⁴ Модельный закон об информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности (принят в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014. Постановлением 41-15 на 41-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 10.04.2020).

после российского федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹.

Для национальной правовой системы опережающий характер имел модельный закон о критически важных объектах информационно-коммуникационной инфраструктуры². Лишь через 3 года в России был принят федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»³. Указанные национальный и модельный документы структурно и содержательно имеют сходство. Однако следует акцентировать внимание на положительном моменте федерального закона № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» по сравнению с модельным – включение в ст. 4 принципов обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры. В числе принципов названы:

- законность;
- непрерывность и комплексность обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры, достигаемые в том числе за счет взаимодействия уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и субъектов критической информационной инфраструктуры;
- приоритет предотвращения компьютерных атак.

Вместе с тем национальный правовой акт проигнорировал порядок исключения объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры из числа критически важных. Полагаем, такой порядок рекомендуется к заимствованию из Модельного закона о критически важных объектах информационно-коммуникационной инфраструктуры (Глава 8) и включению в федеральный закон № 187-ФЗ в качестве дополняющей ч. 13 ст. 7.

В 2012 г. был принят модельный информационный кодекс для государств-участников СНГ⁴. Однако соответствующий опыт не был воспринят российской правовой системой. Не вдаваясь в дискуссию о возможной кодификации рассматриваемой сферы, уточним, что современное действующее законодательство считаем достаточным, хотя и не отрицаем идеи его систематизации в едином документе, тем более, что в настоящее время перечень источников информации характеризуется вариативностью, и их статутизация в одном документе способствовала бы упрощению правоприменительной практики.

Заключение

Подводя итоги исследования, отметим, что в рамках постсоветского пространства гарантирование свободы средств массовой информации сложилось в Союзном государстве России и Беларуси, Содружестве независимых государств, включая модельное законодательство, на основе двусторонних договорённостей в сфере информации или обеспечения статуса журналистов.

---

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 03.04.2020) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 03.04.2020.

² Модельный закон о критически важных объектах информационно-коммуникационной инфраструктуры (принят в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014 Постановлением 41-14 на 41-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 10.04.2020).

³ Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4736.

⁴ Модельный информационный кодекс для государств-участников СНГ (Принят в г. Санкт-Петербурге 23.11.2012 Постановлением 38-6 на 38-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 10.04.2020).

Автором установлено, что, кроме двусторонних инициатив и модельного законодательства, иные форматы гарантирования носят фрагментарный характер, нуждаются в комплексном «пакетном» подходе интеграций к специальной легализации свободы массовой информации с учетом вариативности ее источников и гарантирования.

Список литературы

1. Безбородов Ю.С. 2008. Международные модельные нормы. М., Волтерс Клувер, 135 с.
2. Касымжанова Д.С. 2012. Влияние модельных законов на национальное законодательство. Вестник Института законодательства Республики Казахстан, 3(27): 164–166.
3. Куликова С.А. 2011. Конституционный запрет цензуры: понятие, признаки и гарантии. Информационное право, 2: 12–16.
4. Лукашук И.И. 2001. Средства массовой информации, государство, право. М., Стольный град, 322 с.
5. Малько А.В. 2005. Стимулы и ограничения в праве. М., 250 с.
6. Марцоха И.Е. 2007. Институт цензуры в информационной правовой политике России: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 25 с.
7. Пальцева Е.С. 2008. Границы свободы слова журналиста в контексте статьи 23 Конституции РФ. Законодательство и экономика, 7: 52–56.
8. Погребинская Л.А. 2009. Реализация конституционной свободы массовой информации: российское законодательство и практика его применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 21 с.
9. Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А. 2017. Информационные войны: история и современность. М., Международный издательский центр «Этносоциум», 124 с.
10. Трофимов М.С. 2010. Конституционный запрет цензуры и свобода массовой информации. Информационное право, 1: 25–28.
11. Фролова И.Г. 2012. Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 24 с.

References

1. Bezborodov YU.S. 2008. Mezhdunarodnye model'nye normy [International model norms]. M., Volters Kluver, 135 p.
2. Kasymzhanova D.S. 2012. Vliyanie model'nyh zakonov na nacional'noe zakonodatel'stvo [Influence of model laws on national legislation]. Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan, 3(27): 164–166.
3. Kulikova S.A. 2011. Konstitucionnyj zapret cenzury: ponyatie, priznaki i garantii [Constitutional prohibition of censorship: concept, features and guarantees]. Informacionnoe parvo, 2: 12–16.
4. Lukashuk I.I. 2001. Sredstva massovoj informacii, gosudarstvo, parvo [Mass media, state, law]. M., Stol'nyj grad, 322 p.
5. Mal'ko A.V. 2005. Stimuly i ogranicheniya v prave [Incentives and restrictions in law]. M., 250 p.
6. Marchoha I.E. 2007. Institut cenzury v informacionnoj pravovoj politike Rossii [Institute of censorship in the information legal policy of Russia]: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 25 c.
7. Pal'ceva E.S. 2008. Granicy svobody slova zhurnalista v kontekste stat'i 23 Konstitucii RF [The limits of a journalist's freedom of speech in the context of article 23 of the Constitution of the Russian Federation]. Zakonodatel'stvo i ekonomika, 7: 52–56.
8. Pogrebinskaya L.A. 2009. Realizaciya konstitucionnoj svobody massovoj informacii: rossijskoe zakonodatel'stvo i praktika ego primeneniya [The implementation of the constitutional freedom of the media: Russian legislation and practice of its application:]. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Tyumen', 21 p.

9. Sulejmanova SH.S., Nazarova E.A. 2017. Informacionnye vojny: istoriya i sovremennost' [Information wars: history and modernity]. M., Mezhdunarodnyj izdatel'skij centr «Etnosocium», 124 p.
10. Trofimov M.S. 2010. Konstitucionnyj zapret cenzury i svoboda massovoj informacii [Constitutional prohibition of censorship and freedom of the media]. Informacionnoe parvo, 1: 25–28.
11. Frolova I.G. 2012. Konstitucionno-pravovye garantii svobody massovoj informacii v Rossijskoj Federacii [Constitutional and legal guarantees of mass media freedom in the Russian Federation]: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 24 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тульнев Михаил Анатольевич, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Michael A. Tulnev, postgraduate student of the Department of constitutional and international law of the law Institute of the Belgorod state national research University, Belgorod, Russia

УДК 342

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-345-351

О конституционных обязанностях человека и гражданина

Цалиев А.М.

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (ГТУ),
362021, Россия, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Николаева, 44
E-mail: aronaron666@mail.ru

Аннотация. На основе анализа теоретических подходов и формальных положений рассмотрены исторические и современные грани конституционных обязанностей, признаваемых в качестве рациональной основы взаимодействия людей, организованных в общество и государство. Автор подчеркнул необходимость справедливого научного внимания к конституционным обязанностям и их адекватного представления в учебной юридической литературе. Дан сравнительный анализ каталогов конституционных обязанностей человека и гражданина в советских конституциях и Конституции России. Приведены примеры изменения конституционных акцентов в формулировании обязанностей человека и гражданина. Представлен анализ и критика конституционного положения о свободе труда.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционные права и свободы, каталог обязанностей, свобода труда.

Для цитирования: Цалиев А.М. 2020. О конституционных обязанностях человека и гражданина NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 345–351. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-345-351

On the constitutional duties of a person and citizen

Alexander M. Tsaliev

North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (GTU)
44 Nikolayev street, Vladikavkaz, RSO-Alania, Russia, 362021
E-mail: aronaron666@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of theoretical approaches and formal provisions, the article examines the historical and modern facets of constitutional duties, which are recognized as the rational basis for the interaction of people organized into society and the state. The author, in solidarity with the statement about the inseparability of rights and duties, emphasizes the need for fair scientific attention to the study of the constitutional duties of the individual and their adequate representation in the educational legal literature. A comparative analysis of the catalogues of constitutional duties of a person and a citizen provided for in the Soviet constitutions and the current Constitution of the Russian Federation is given. Examples of changes in constitutional accents in the formulation of duties addressed to a person and a citizen are given. The constitutional provision that labor is free is analyzed and criticized. Arguments are made in favor of interpreting labor as a constitutional duty.

Key words: The Constitution of the Russian Federation, constitutional rights and freedoms, catalog of duties, freedom of labor.

For citation: Tsaliev A.M. 2020. On the constitutional duties of a person and citizen. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 345–351 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-345-351

Введение

Обязанности наряду с правами и свободами человека и гражданина являются базовыми элементами юридического статуса личности. Определенный набор обязанностей касается отношения как к другому человеку, так и к обществу и государству. Если говорить о конституционных обязанностях, то они имеют особое социальное значение, занимают доминирующее место во всей системе юридических обязанностей и оказывают определяющее воздействие на эту систему, конкретизируемую и развиваемую федеральным законодательством. Тем не менее, «одной из особенностей современного общества является отсутствие четкого осознания, что конституционные обязанности выступают в качестве необходимых и безусловных предпосылок свободы, устанавливаются в интересах как всего общества и государства, так и самой личности» [Хаматова, 2018, с. 56].

Отметим, что обязанности, действительно, есть «столь же необходимый элемент правового регулирования», сколь и права, и связывают как демократическое правовое социальное государство, так и личность. Они есть, как правильно утверждает Б.С. Эбзеев, «объективно необходимые и закономерные свойства всякой государственной организации общества, имманентные государственно организованному человеку, живущему в сообществе других людей и подчиненному определенному правопорядку, и сами являются неотъемлемым элементом этого правопорядка. Без обязанностей и ответственности личности, коррелирующих его свободе и правам, немыслима социальная солидарность как баланс интересов во взаимоотношениях самих граждан и их объединений, а также в их взаимоотношениях с государством» [Эбзеев, 2014, с. 14]. Неслучайно во всех советских конституциях в названии главы о правах предусматривались и обязанности.

В настоящее время, с учетом внешнеполитической и внутривнутриполитической обстановки в стране, в значительной степени актуализируется работа по повышению социального статуса конституционных обязанностей, их соблюдению и выполнению. Ныне, как правильно отмечается в литературе, стало вполне очевидным, что «забвение существующих у каждой личности обязанностей перед другими людьми, перед социумом и государством не представляется верным» и что «пренебрежительное отношение к обязанностям неизбежно влечет нарушения в сфере прав и свобод личности» [Байниязов, 2001, с. 50].

Несмотря на сказанное, в научной литературе крайне малое внимание уделяется исследованию конституционных обязанностей человека и гражданина. Как следствие, данная тема практически не рассматривается в учебной литературе, даже специально посвященной конституционной материи. С такими выводами вряд ли кто не согласится из конституционалистов. Так, ознакомление с учебниками по конституционному праву позволяет сделать однозначный вывод, что в отличие от прав и свобод граждан их обязанностям уделено не более 1% объема практически любого издания [Савин, 2012, с. 6]. Увы, но и Конституция России, по сравнению с советскими конституциями, уделила обязанностям граждан значительно меньше внимания. Во многом это объясняется тем, что текст российской Конституции верстался в условиях политической эйфории и абсолютного примата прав и свобод граждан перед государством, в противовес советской системе права, утверждавшей обратное. Рассмотрим доктринальные подходы к интерпретации конституционных обязанностей и содержания ряда из них.

Обязанности личности: понятийный и генезисный ракурсы

Обязанности представляют собой юридическую меру должного поведения. Обязанность наряду с правом – предпосылка свободы и в конечном счете выражает собственные интересы человека, даже если он этого не осознает [Апиян, 2001, с. 12]. Ввиду этого, полагаем, обязанностям уделялось изначальное и сопряженное с правами внимание. Подчеркивая значимость обязанностей в одноименном трактате, М.Т. Цицерон отметил, что

каждой области жизни и деятельности отвечают свои обязанности, а их исполнение – нравственный смысл жизни.

В последующей истории человечества практически никогда не отрицалось значение обязанностей человека. Рассуждения об обязанностях всегда имели место не только в литературе, но и получили закрепление в конституционных актах строя, пришедшего на смену феодализму [Эбзеев, 2014, с. 286]. Как ранее нами отмечалось, попытка принятия отдельного специального документа увенчалась успехом в конце XVIII века: Французский конвент в 1793 г. принял Декларацию обязанностей человека и гражданина. В ней впервые на государственном уровне были упомянуты обязанности человека. К ним были отнесены следующие: «не причинять другому того, чего вы не желали бы самим претерпеть от других; творить постоянно другим то благо, которое вы желали бы от них получить» [Цалиев, 2011, с. 27].

Положение о том, что «нет прав без обязанностей» получило международное признание. Так, об обязанностях говорится во Всеобщей декларации прав человека 1948 года: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности... Осуществление прав и свобод граждан требует должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Включение положений об обязанностях человека и гражданина, «предусмотренных в упомянутых декларациях, нельзя рассматривать как нечто противоречащее демократическим принципам организации общества и государства. Напротив, они вытекают из факта общественного бытия и в единстве с правами образуют универсальный принцип демократической организации общественной жизни, о чем свидетельствует и конституционная практика ряда современных государств» [Цалиев, 2011, с. 27]. Тем не менее, видный ученый С.С. Алексеев и получивший к тому времени известность политик А.А. Собчак настойчиво предостерегали общество от закрепления в будущей Конституции Российской Федерации обязанностей человека и гражданина, убеждая его в том, что такое закрепление – якобы из числа советских традиций, «неведомых конституциям переходных стран» [Алексеев, Собчак, 1992].

Подробный анализ этого разрушительного тезиса ведет к отказу от рациональной основы взаимодействия людей, организованных в общество и государство. К счастью, ему дали достойный отпор, обратив при этом внимание на то, что после Второй мировой войны возобладали идеи не только о неотъемлемых, естественных правах и свободах человека и гражданина, но и об обязанностях. В силу понимания их социальной значимости обязанности нашли свое достойное место в конституционных текстах значительной части государств.

Конституционные обязанности и вариации их видового ряда

Вполне приемлемым полагаем следующее определение: «конституционные обязанности как равноценная составная часть правового статуса личности – это закрепленное конституционными нормами обязательное поведение человека и гражданина, когда на стороне государственных органов, органов местного самоуправления и физических лиц имеется право требовать выполнения предписанных конституцией правил» [Головистикова, Грудцына, 2006, с. 238].

Посредством установления четких юридических обязанностей индивида перед обществом и перед людьми наряду с провозглашением соответствующей системы субъективных прав и свобод достигается прочность и стабильность правового статуса граждан. «Без этого элемента правовое положение каждого отдельного человека было бы юридически необеспеченным и негарантированным» [Матузов, 1979, с. 86].

В Конституции России 1993 года формализован ряд обязанностей, адресованных человеку и гражданину. В их числе обязанности соблюдать Конституцию и федеральные законы (ч. 2 ст. 15); заботиться о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (ч. 2 ст. 38); обязанность трудоспособных детей, достигших 18 лет, заботиться о нетрудоспособных родителях (ч. 3 ст. 38); получить основное общее образование (ч. 4 ст. 43); заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44); платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57); сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58); защищать Отечество и нести военную службу (ч.ч. 1, 2 ст. 59).

Сравнительный анализ указанных обязанностей с ранее действовавшими показывает, что произошли заметные изменения в их содержании и структуре. Так, перечень обязанностей в действующей Конституции Российской Федерации начинается с указания на «обязанность платить законно установленные налоги и сборы». В то же время в Конституции СССР перечень обязанностей начинался с указания на то, что «осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданами своих обязанностей». В соответствии со ст. 60 последней советской Конституции в числе первых – «обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР – добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины». Ни той, ни другой нормы в Конституции России нет. Более того, в ней, в отличие от советских и зарубежных конституций, во-первых, установлен запрет на принудительный труд, в то время как, например, Основной закон ФРГ допускает принудительный труд при лишении свободы; во-вторых, исключена норма об обязанности трудиться. Вместо этого предусмотрена ст. 37 Конституции России, в соответствии с которой «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». Как видно, основной упор сделан на закрепление свободы труда.

Анализ данной конституционной нормы, если называть вещи своими именами, приводит к однозначному выводу о свободе человека на труд или тунеядство. Может быть слишком прямо сказано, но ведь многие специалисты так и толкуют ее, что совершенно правильно. Так, в одном из первых комментариев к Конституции Российской Федерации отмечено, что «свобода труда означает, прежде всего, свободный для гражданина выбор – работать или не работать» [Конституция..., 1994, с. 210]. Такое разъяснение данной конституционной нормы дается также и в ряде других комментариев, в том числе в тех, которые носят доктринальный характер. Так, рассматривая свободу труда как конституционный принцип, авторы доктринального толкования к Конституции Российской Федерации полагают, что свобода труда «означает свободный для гражданина выбор – трудиться или не трудиться» [Конституция..., 2013, с. 185]. В учебной литературе студенту тоже объясняется, «что человек вправе как работать, так и не работать» [Баглай, 2013, с. 278].

Вот и возникают вопросы о возможностях социализации личности в таком свободном обществе; о труде как об одном из важнейших источников богатств общества, о перспективах такого общества.

Неужели указанные вопросы не задавали себе авторы, готовившие в начале 1990 гг. проект ныне действующей Конституции Российской Федерации? Однако в последующем, чтобы оправдать обоснованность нормы о свободе труда, некоторые авторы учебников и комментария к Конституции Российской Федерации стали утверждать, что она соответствует международным актам по данному вопросу. Так, в одном из них утверждается, что «Конституционная трактовка содержания прав в сфере труда полностью соответствует положениям Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» [Государственное..., 1996, с. 232]. Но это как раз и не соответствует действительности, поскольку в нем вовсе не упоминается свобода труда. С учетом изложенного целесообразно если не исключить из ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации, то заручиться ее официальным толкованием со стороны Конституционного Суда Российской Федерации.

Можно еще привести примеры разного отношения к обязанностям в указанных конституциях. Например, если в советских конституциях защита Отечества рассматривалась как священный долг каждого советского гражданина, а воинская обязанность как почетная обязанность советских граждан, то в Конституции Российской Федерации в аналогичной статье опускается слово «священный». Приходится говорить и о неопределенности данной обязанности. Несомненно, обязанность защищать Отечество включает в себя и установленную этой же статьей обязанность по несению военной службы. Однако в полной мере обязанность по несению военной службы не входит в обязанность по защите Отечества, т. к. несение альтернативной службы (как замена военной службы по призыву) для российских граждан, чьим убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, никакого отношения к защите Отечества не имеет.

В государственно-правовой идеологии среди конституционных обязанностей человека и гражданина большое значение имеет получение образования. Государство не уделяет ему должного внимания, поэтому в настоящее время оно утрачивает свою актуальность. Хотя образование, помимо получения соответствующей суммы знаний, играет существенную роль в формировании моральных устоев, норм, установок молодого поколения, его гражданской позиции, усвоении общекультурных и патриотических ценностей. Поэтому в советский период образованию уделяли большое внимание. Оно, согласно ст. 45 Конституции СССР, обеспечивалось бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством; развитием заочного и вечернего образования; предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся и студентам, бесплатной выдачей школьных учебников; возможностью обучения в школе на родном языке; созданием условий для самообразования.

К этому необходимо стремиться и ныне, когда Российская Федерация на конституционном уровне характеризуется как социальное государство. Для более глубокого понимания сущности и назначения конституционных обязанностей их следует классифицировать. Прежде всего следует различать обязанности человека и обязанности гражданина, которые во многом отличаются. Критерием разграничения обязанностей человека и гражданина в отечественной конституционной практике служит характер связи между личностью и государством — гражданство, безгражданство и иностранство. Обязанности человека имеют естественное происхождение, поскольку вытекают не из факта гражданства, а из естественного сочленства индивида в обществе, в котором только и возможно его становление как личности, и в этом смысле являются атрибутивными свойствами человеческой личности [Эбзеев, 2005, с. 285]. Обязанности человека неразрывно связаны с закономерностями развития общества и предопределяются уровнем социально-экономического, политического и культурного развития.

В отличие от обязанностей человека, обязанности гражданина вытекают из сочленства индивида в государстве, являются отражением государственно-правового качества личности. Они возлагаются на физических лиц, которые состоят только под личным верховенством государства и связаны с ним отношениями гражданства. На граждан, в отличие от иных лиц, пребывающих на территории государства, распространяется не только территориальное верховенство государства, но также его личное верховенство. Оно распространяется на граждан и тогда, когда они находятся за пределами территории своего государства, по общему правилу не освобождаются от обязанностей по отношению к нему.

Вместе с тем нельзя абсолютизировать различия между обязанностями человека и гражданина, поскольку возможно изменение их правового статуса. Одно остается неизменным – их значение и ценность для общества и государства, самой личности.

Заключение

Проведенное исследование дает основания для следующих выводов. Обязанности, являясь признанным равноценным элементом правового статуса личности, тем не менее не получают достойного внимания в научной литературе. Сложившаяся ситуация зеркально воспроизведена и в учебной литературе, которая призвана, по замыслу, привить студентам рациональные основы взаимодействия людей, организованных в общество и государство.

Выявленное в историческом срезе смещение акцентов с абсолютизации обязанностей личности в сторону абсолютизации прав личности не представляется продуктивным в системе отношений человек (общество) – государство. Гармонизации данной сфере будет способствовать доктринальное обоснование, содержательное уточнение и конституционно-правовая формализация указанных элементов правового положения личности. Представляется, что верные акценты здесь по силам расставить Конституционному Суду Российской Федерации путем официального толкования.

В советский и российский периоды конституционного строительства закономерно изменялись не только конституционные каталоги обязанностей человека и гражданина, но и их градации, отражающие, как правило, характерные ценностные приоритеты того времени, когда принимались основные законы страны.

Дискуссия о свободе труда и об обязанности трудиться, по мнению автора, должна решаться в пользу долженствования, поскольку только так обеспечивается надлежащая социализация личности и понимание труда как одного из важнейших источников богатств общества.

Список источников

1. Алексеев С., Собчак А. 1992. Конституция и судьба России. Известия. 29 марта.
2. Баглай М.В. 2013. Конституционное право Российской Федерации: учеб. Для вузов. М., Изд-во Норма, 784 с.
3. Государственное право Российской Федерации: учебник. 1996. Под ред. О.Е. Кутафина. М., 584 с.
4. Конституция Российской Федерации. Комментарий. 1994. Под общей ред. Б.Н. Топорнина, Ю.Н. Батурина, Р.Г. Орехова. М., Юрид. лит. 623 с.
5. Конституция Российской Федерации. Комментарий Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный). 2013. Рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев. Науч. ред. Ю.И. Скуратов. М., Статут, 688 с.

Список литературы

1. Апиян Н.А. 2001. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. Государство и право, 5: 89–98.
2. Байниязов Р.С. 2001. Мировоззренческие основы общероссийской правовой идеологии. Журнал российского права, 11: 46–52.
3. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. 2006. Права человека. М., 445 с.
4. Матузов Н.И. 1979. Юридические обязанности и ответственность как элементы правового статуса личности. В кн.: Конституция СССР и правовое положение личности. М., 81–88.
5. Савин И.Г. 2012. Правовое регулирование исполнения гражданами Российской Федерации конституционной обязанности по защите Отечества. Военно-юридический журнал, 2: 6–10.
6. Хаматова С.Х. 2018. Институт конституционных обязанностей человека и гражданина в системе правового федеративного государства. Государство и право, 9: 64–70.

7. Цалиев А.М. 2011. Правовая культура и место в ней прав, свобод и обязанностей человека. *Право и государство: теория и практика*, 4 (76): 24–29.
8. Эбзеев Б.С. 2005. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 576 с.
9. Эбзеев Б.С. 2014. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. М., 336 с.

References

1. Apiyan N.A. 2001. Prava cheloveka: itogi veka, tendencii, perspektivy. [Human rights: results of the century, trends, prospects]. *Gosudarstvo i pravo*, 5: 89–98. (in Russian)
2. Bayniyazov R.S. 2001. Mirovozzrencheskie osnovy obshcherossijskoj pravovoj ideologii. [The Ideological foundations of the Russian legal ideology]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 11: 46–52.
3. Ebzeev B.S. 2005. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii [Man, people, state in the constitutional order of the Russian Federation]. М., 576 p.
4. Ebzeev B.S. 2014. Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii. Opyt sinteticheskogo issledovaniya [Constitution, power and freedom in Russia. Experience of synthetic research] М., 336 p. (in Russian)
5. Golovistikova A.N., Grudtsina L.Yu. 2006. Prava cheloveka [Human rights] Moscow, 445 p.
6. Khamatova S.H. 2018. Institut konstitucionnyh obyazannostej cheloveka i grazhdanina v sisteme pravovogo federativnogo gosudarstva [Institute of constitutional duties of a person and a citizen in the system of a legal Federal state]. *Gosudarstvo i pravo*, 9: 64–70.
7. Matuzov N.I. 1979. Yuridicheskie obyazannosti i otvetstvennost' kak elementy pravovogo statusa lichnosti. [Legal duties and responsibilities as elements of a person's legal status]. In: *Konstituciya SSSR i pravoe polozhenie lichnosti*. [Constitution of the USSR and the legal status of the individual]. М., 81–88.
8. Savin I.G. 2012. Pravovoe regulirovanie ispolneniya grazhdanami Rossijskoj Federacii konstitucionnoj obyazannosti po zashchite Otechestva. [Legal regulation of the execution by citizens of the Russian Federation of the constitutional duty to protect the Fatherland]. *Voenno–yuridicheskij zhurnal*, 2: 6–10.
9. Tsaliev A.M. 2011. Pravovaya kul'tura i mesto v nej prav, svobod i obyazannostej cheloveka. [Legal culture and the place in it of the rights, freedoms and duties of man]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 4 (76): 24–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цалиев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ), г. Владикавказ, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Tsaliev, doctor of law, Professor, head of the Department of constitutional and administrative law, faculty of law of the North Caucasus mining and metallurgical Institute (GTU), Vladikavkaz, Russia

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

THESIS

УДК 323.212

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-352-358

Роль личности во взаимодействии государства и общества. Историко-философский аспект

Богатырев Р.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Email: James23r@mail.ru

Аннотация. Изучение взаимодействия государства и общества в современной научной практике является одной из наиболее приоритетных задач. Изучение исторических аспектов влияния личности на взаимодействия власти и гражданского общества позволит сформировать методики эффективного привлечения выдающихся людей к улучшению взаимодействия общества и государства. Недостаток научных трудов по данной теме позволил сформировать цель исследования: изучение предпосылок формирования гражданского общества через призму влияния выдающихся личностей на взаимодействие общества и государства. Автором проведен анализ взаимодействия власти и общества в демократическом государстве, дана оценка влиянию личности на процессы взаимодействия и построения диалога между субъектами взаимодействия. Выполнен совокупный анализ деятельности определенных личностей и оценка их действий в рамках историко-философского анализа. Практическое применение собранной информации способно оказать положительное влияние на построение эффективной модели взаимодействия между обществом и государством посредством использования модели диалога.

Ключевые слова: политика, человек, личность, государство, власть, диалог, взаимодействие.

Для цитирования: Богатырев Р.И. 2020. Роль личности во взаимодействии государства и общества. Историко-философский аспект. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 352–358. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-352-358

The role of the person in the interaction of the state and society. Historical and philosophical aspect

Roman I. Bogatyrev

Belgorod State University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
Email: James23r@mail.ru

Abstract. Studying the interaction of the state and society in modern scientific practice is one of the most priority tasks. The study of historical aspects of the influence of the individual on the interaction of government and civil society will help to form methods for effectively attracting outstanding people to improve the interaction of society and the state. The lack of scientific papers on this topic allowed us to form the main goal of the study: to study the prerequisites for the formation of civil society through the prism of the influence of prominent individuals on the interaction of society and the state. In this regard, the author analyzes the interaction of government and society in a democratic state, and assesses the influence of the individual on

the processes of interaction and building a dialogue between the subjects of interaction. A comprehensive analysis of the activities of certain individuals and an assessment of their actions within the framework of historical and philosophical analysis is performed. The practical application of the collected information can have a positive impact on building an effective model of interaction between society and the state through the use of the dialogue model.

Key words: politics, man, person, state, power, dialogue, interaction.

For citation: Bogatyrev R.I. 2020. The role of the person in the interaction of the state and society. Historical and philosophical aspect. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 352–358 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-352-358

Введение

Изучение вопросов взаимодействия государства и общества в современных реалиях позволяет нам выявить проблемы эффективного взаимодействия, среди которых отсутствие открытых форм диалога человека и государства, ограниченное влияние граждан на деятельность органов государственной власти, снижение уровня политической и гражданской активности у людей. Такая тенденция наблюдается не только в российском, но и мировом сообществе, что обуславливает значимость научных трудов по данной проблематике.

Изучением этого вопроса занимались отечественные и зарубежные политологи, социологи и философы. Основными трудами по данной проблематике являются работы Шалеевой В.М. «Личность, и ее роль в обществе. Государство и право», Плеханов Г.В. «Личность. Общество. Власть. Избранные философские произведения», «К вопросу о роли личности в истории. История России». Однако данное исследование обусловлено недостаточным изучением практической стороны вопроса влияния личности на взаимодействие государства и общества, что позволяет сформировать основную цель: изучение предпосылок формирования гражданского общества через призму влияния выдающихся личностей на взаимодействие общества и государства.

В данной работе изучаются исторические аспекты формирования принципов взаимодействия государства и общества, оценивается уровень влияния на них деятельности выдающихся исторических личностей.

Исторические аспекты влияния личности на взаимодействие государства и общества

Изучение истории демонстрирует нам непрерывное развитие человека, становление личности и укрепление общества. Упоминания о выдающихся правителях, полководцах, ученых и войнах датируются тысячами лет до нашей эры. Каждый из них вносил свой вклад в историческое развитие общества, создавая его таким, каким мы видим его сейчас. Труды философов и ученых последнего тысячелетия прошлой эры изучаются и преподаются до сих пор. На каждом новом этапе развития общества они оставляют свой след и продолжают формировать мировоззрение, основанное на учениях различных философских школ.

Современные исследователи отмечают, что выдающаяся личность не является простым «слепок» с общества. Напротив, общество и личность активно и взаимно влияют друг на друга. Способов организаций общества много, а, следовательно, много будет и вариантов проявления личности. Таким образом, с точки зрения антропологии – историческая роль личности может колебаться от самой незаметной до громаднейшей [Шалеева, 2011].

Ученые философы часто задумываются, как развивалась бы история, не будь той или иной личности, действия которой повлекли за собой определенные последствия. Не создай Александр Македонский свою армию такой сильной, возможно мир был бы покорен персами. Трактат Платона «Государство» вбирал в себя все лучшее, что существовало тогда в обособленных греческих полисах и добавлял ряд факторов, которые были необходимы для развития единого, целостного государства. Письменность, математика, географические открытия, изобретение пороха, радио, электричества, интернета и миллионы других событий и деталей в мировой истории, более или менее значимых, но оказывающих прямое влияние на развитие нашего мира, – за каждым из них стоит выдающаяся личность.

Анализ значимых исторических событий подчеркивает, что ни один из выдающихся деятелей не был основоположником своих достижений в обществе. Любое историческое событие подкреплено бесчисленным множеством предшествующих факторов, действий других личностей и потребностью самого общества и мира. Между первыми зафиксированными исследованиями электрического тока в XVIII веке и технической революцией в данной сфере – изобретением источников питания, использованием электрических ламп, электродвигателей, кабелей, телеграфа и телефона прошло почти 150 лет. И в этом развитии принято выделять десятки ученых физиков, которые личными экспериментами доказывали возможность использования и выработки электричества в повседневной жизни.

Г.В. Плеханов считает, что «роль личности определяется организацией общества, что служит лишь способом доказать торжество неумолимых марксистских законов над волей человека» [Плеханов, 2006, с. 25]

Каждое событие в истории всегда знаменовалась проявлением деятельности различными личностями, каждая личность, каждый человек обладал собственным характером, талантами, преследовал собственные цели. И как показывает история, «личность, став во главе государства, армии, партии, народного ополчения может оказывать на ход исторического развития разное влияние. Процесс выдвижения личности обуславливается и личными качествами людей, и потребностями общества» [Малышев, 2009, с. 113]. Поэтому, прежде всего историческая личность оценивается с точки зрения того, как она выполнила задачи, возложенные на нее историей и народом, или властью.

Исследователи, рассматривая данный вопрос, стремятся к оценке эффекта, который оставляет выдающийся человек в процессе взаимодействия общества и государства. Всегда ли, в особенности в политике, личность несет исключительно положительный результат? Зачастую решения политиков не приводят к общественному одобрению и являются отрицательными для развития общества в краткосрочной, а возможно и в долгосрочной перспективе.

Влияние личности на формирование современного российского общества

Анализируя один из самых значимых моментов последних десятилетий – распад Советского Союза и получение независимости союзными республиками, можно оценить вклад личностей в развитие общества и укрепление или ослабление государства. Отвлекаясь от глубокого исторического, социального и политического анализа, рассматривая ситуацию с точки зрения обычного гражданина, большинство свидетелей того времени уверенно скажут, что распад СССР – это результат внешней политики М.С. Горбачева. Вполне логично, что для большинства людей без специальных знаний в области политики последствия действий М.С. Горбачева как личности, как Секретаря ЦК КПСС и Президента СССР были отрицательными: затяжной кризис 90-х годов, значительный отток эмигрантов как из России, так и из других стран бывшего СССР, гражданская война в октябре 1993 г. и ряд других негативных событий, которые непосредственно коснулись обычных граждан. В последующих событиях развернувшейся гражданской войны между президен-

том России Б.Н. Ельцином с его сторонниками и Народными депутатами и представителями Верховного совета во главе с Русланом Хасбулатовым одним из решающих поводов, по мнению историков, стала личная, взаимная, неприязнь Ельцина и Хасбулатова и их отказ от поиска компромисса и мирного разрешения ситуации. Это одни из многих примеров негативных последствий деятельности личности в политике.

В современных реалиях действия исследователей направлены на поиск политических и управленческих решений, объединяющих общество и власть общими целями. Одним из инструментов такой совместной деятельности является модель диалога между государством и обществом. Диалог в широком смысле – универсальный способ коммуникации в самых разнообразных сферах. В политике диалог применяется не только как инструмент коммуникации, но и как возможность объединения культур, наций и слоев общества. Как отмечает Липич Т.И, «диалог – это универсальный процесс взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации, направленный на развитие этого процесса, а также на саморазвитие» [Липич, 2014, с. 67]. Технология использования диалога в политической сфере позволяет налаживать взаимодействие общества и государства с привлечением разнообразных инструментов и способов воздействия, в том числе способствовать положительному влиянию личности, на укрепление процессов взаимодействия.

С точки зрения антропологии, влияние личности на взаимодействие государства и общества можно оценивать с двух, отличных друг от друга, ракурсов. Наиболее распространенными являются вариации, когда человек уже занимает какую-то определенную должность, имеет статус или признание. Однако зачастую случаются события, в которых самые обычные люди могут проявить себя и увековечить свое имя в истории на долгое время. Например, подвиги обычных солдат в период войны или неожиданное научное открытие малоизвестным ученым, действия простых людей, возглавляющих сопротивления против тоталитарной власти, их лидерство в партизанских движениях или выдающиеся достижения в спорте, музыке, кинематографе и других видах искусства. В таком случае, совершенное открытие, завоевание какой-либо почетной награды или более глобальные достижения, вроде победы в борьбе за власть, имеют куда более прямое отношение к действиям личности. Чаще всего эти действия связаны непосредственно с внутренними качествами человека, его стремлением к достижению результата, не имея при этом серьезных предпосылок.

Какое же влияние оказывает личность на государство в современных реалиях? С уверенностью можно сказать, что действия каждого человека направлены на взаимодействие с обществом. Но отражается ли это на государстве? При исследовании деятельности депутатов поселковых советов была выявлена закономерность: в округах, где депутаты ведут активную деятельность, взаимодействуют с гражданами, решают общественные проблемы, идут на постоянный контакт, как правило, отмечен большой уровень доверия к власти. На таких территориях граждане охотней идут на выборы, несут социальную ответственность. Такое двухстороннее взаимодействие несет исключительно положительный характер, а зачастую даже влияет на уровень качества жизни. Безусловно, в анализе подобных событий мы можем выявить влияние личности на взаимодействие общества и власти. Оно носит локальный характер, охватывает не так много людей и практически незначительно в глобальном ходе истории, но, тем не менее, в рамках диалога общества и государства связующим звеном становится личность в лице муниципального депутата.

Другим примером можно выделить значение религиозных деятелей, которые очень часто становятся связующим звеном между общественностью и властью как в локальных, так и в более глобальных явлениях. Уже в описанных ранее событиях политического кризиса 1993 года для мирного урегулирования конфликта и поиска компромисса обе стороны были заинтересованы в посреднических действиях Патриарха Алексия II, которому доверяли как сторонники правительства и президента, так и сторонники депутатов, а самое главное – доверяли граждане [Плеханов, 2009].

Влияние религиозных деятелей на государство либо обратное явление, когда государственные деятели прибегали к помощи религии – глобальное и повсеместное явление на протяжении всей истории, причем распространенное не только в России, но и во всем мире. С древних времен и до эпохи просвещения религия была основным поводом для ведения войн, инструментом управления государством и помогла держать людей под контролем (поклонения богам древнего мира в Египте, Греции, Риме и Центральной Азии; исключительная вера и жизнь ради встречи с Богами среди скандинавов; полунасильственное Крещение Руси князем Владимиром ради собственных интересов; эпоха крестовых походов, когда по воле религиозной группы во главе с Папой Римским уничтожались государства и народы). Одновременно с этим существует ряд личностей, которые благодаря религии и вере спасали целые народы от геноцида, становились справедливыми правителями и были связующим элементом между обществом и государством. Например, пророк Моисей, сплотивший еврейский народ перед общей опасностью, некоторые деяния пророка оспариваются историками, однако большинство ученых уверены в существовании и пройденном Моисеем для спасения народа, пути. Самой значительной историко-религиозной личностью является Иисус Христос, посвятивший свою жизнь спасению и объединению Иудейского народа от Римской Империи.

В современной истории существуют более локальные примеры воздействия религиозных личностей на диалог власти и общества. Зачастую на сельских территориях священнослужитель имеет равный авторитет с главой муниципального образования, он может присутствовать на важных государственных мероприятиях, оказывать поддержку и помощь в реализации каких-то программ и проектов, организованных органами власти. Либо наоборот, в случае недобросовестного исполнения обязанностей представителями власти церковный служащий способен поддержать и воодушевить граждан, успокоить волнения и не допустить противозаконных действий.

Влияние личности на взаимодействие государства и общества всегда было колоссальным. Выдающиеся люди (от простых крестьян, возглавивших восстание, до самых гениальных ученых, деятелей искусства и политиков) своими действиями оказывали непосредственное влияние на ход истории как в миллионах локальных событий, так и на самом глобальном уровне. Одним из примеров такой личности является Жанна д'Арк, которая прошла путь от простой крестьянки к главнокомандующей французских войск в столетней войне и во время своего командования перевернула ход войны в пользу французов. Колоссальное влияние на ход российской истории оказали построившие идеологию крупнейшего мирового государства немецкие философы и социологи К. Маркса и Ф. Энгельса. Тысячелетия развития государственности показывают, как от законов, принятых некоторыми правителями, меняется судьба целого мира. Примером таких исторических событий является деятельность во внутренней политике СССР М.С. Горбачева (историки связывают решение о начале перестройки СССР и либерализации монополярной советской власти именно с решением самого Горбачева).

Современная личность в политической и социальной жизни гражданского общества

Безусловно, влияние личности не только на взаимодействие общества и государства, но и на ход истории в целом всегда будет рассматриваться учеными с разных точек зрения. Историко-философский подход к данному вопросу позволяет нам подтвердить, что человек в совершенно разных сферах деятельности способен реализовать свой потенциал, стать лидером мнений, вести за собой людей и быть связующим звеном между обществом и государством. В особенности это проявляется в современном мире. Технологии и интернет позволяют людям достигать популярности, создавать личный бренд и, благодаря этому, оказывать влияние на многие факторы в жизни других людей и их взаимоот-

ношение с государством. Например, современные блогеры с многомиллионной аудиторией способны вести политическую агитацию, либо наоборот призывать бойкотировать выборы в стране. Зачастую, люди с крупной аудиторией могут принимать участие в социальных проектах, поддерживать глобальные акции, способствующие укреплению гражданского общества. Многие из них являются личностями, оказывающими влияние на дальнейшее политическое развитие молодежи, что, несомненно, скажется на политическом будущем нашей страны.

На основе изученной информации легко можно сделать выводы – выдающиеся личности оказывают постоянное как положительное, так и негативное влияние на множество процессов, в том числе напрямую влияют на взаимодействие общества и государства.

Заключение

В современном российском обществе достаточно часто поднимается вопрос о реальном влиянии граждан на государственную деятельность. Наиболее эффективным механизмом гражданского воздействия на государство является передача гражданской воли через политических и публичных деятелей, однако данная практика требует модернизации и расширения механизмов и способов взаимодействия власти и общества. Изучение исторических аспектов влияния личности на взаимодействие общества и государства позволит выявить положительные и отрицательные практики такого воздействия. Аккумуляция исторических материалов позволит сформировать современную концепцию взаимодействия общества и государства, направленную на укрепление гражданского общества и развития принципов правового государства.

Список литературы

1. Шалеева В.М. 2011. Личность, и ее роль в обществе. Государство и право. № 4. 10–16.
2. Плеханов Г.В. 2006. Личность. Общество. Власть. Избранные философские произведения. М., ИНФРА–М. 301.
3. Малышев И.В. 2009. Роль личности и народных масс в истории, М., Наука. 289 с.
4. Липич Т.И. 2014. Диалог как форма взаимодействия культур. Научный результат. Белгород. № 1. 63–69.
5. Плеханов Г.В. 2009. К вопросу о роли личности в истории. История России. М., № 12. 25–36.
6. Федосеев П.Н. 2007. Роль народных масс и личности в истории, М., Философская энциклопедия. 275 с.
7. Кумкова А.Г. 2014. Человеческие ресурсы как главная категория власти. М., РАГС, 214 с.
8. Широков А.Н. 2014. Организационные формы участия населения в деятельности органов исполнительной власти. М., Муниципальная власть, 212 с.
9. Шиняева О.В., Гоношилина И.Г. 2012. Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. Ульяновск. Ульяновский Государственный технический университет. 383 с.
10. Овсянников С.А. 2013. Мотивация участия населения в деятельности органов власти. М., Муниципальная власть. 411 с.

References

1. Shalaeva V.M. 2011. Personality and its role in society. Gosudarstvo i pravo, 4: 10–16. (In Russian)
2. Plekhanov G.V. 2006. Lichnost'. Obshchestvo. Vlast'. Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya [Personality. Society. Power. Selected philosophical works]. M., INFRA–M. 301 p.
3. Malyshev I.V. 2009. Rol' lichnosti i narodnykh mass v istorii. [The role of the individual and the masses in history]. Moscow, Nauka. 289 p.
4. Lipich T.I. 2014. Dialogue as a form of interaction between cultures. Nauchnyy rezul'tat. Belgorod, 1: 63–69. (In Russian)

5. Plekhanov G.V. 2009. To the question of the role of the individual in history. *Istoriya Rossii*, 12: 25–36. (In Russian)
6. Fedoseev P.N. 2007. Rol' narodnykh mass i lichnosti v istorii. [The role of the masses and the individual in history], M., Philosophical encyclopedia. 275 p.
7. Kumkova A.G. 2014. Chelovecheskiye resursy kak glavnaya kategoriya vlasti. [Human resources as the main category of power]. M., RAGS, 214 p.
8. Shirokov A.N. 2014. Organizatsionnyye formy uchastiya naseleniya v deyatelnosti organov ispolnitel'noy vlasti. [Organizational forms of participation of the population in the activities of Executive authorities]. Moscow, Municipal power. 212 p.
9. Shinyaeva O.V., Gonoshilina I.G. 2012. Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii: sostoyaniye, tendentsii, perspektivy. [Civil society in Russia: status, trends, and prospects]. Ulyanovsk. Ulyanovsk State technical University. 383 p.
10. Ovsyannikov S.A. 2013. Motivatsiya uchastiya naseleniya v deyatelnosti organov vlasti. [Motivation of participation of the population in the activities of government bodies]. M., Municipal power. 411 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богатырев Роман Игоревич, аспирант 3-го года обучения, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman I. Bogatyrev, Postgraduate Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 342

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-359-365

Историко-правовые аспекты возникновения и развития института выборов в дореволюционной России

Вородюхин С.Е., Лысенко В.А.

Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: vorodyuhin-stani@mail.ru; lisenko.vik.2013@yandex.ru

Аннотация. Представлен краткий анализ основных нормативных правовых актов, регулирующих процесс выборов на основных этапах российской истории, их организацию и управление конкретной выборной системой. Отмечается, что конкретно-исторические этапы и формы российских выборных институтов и избирательный процесс всегда существенно связаны с политико-правовой системой власти. Генезис и специфика российского избирательного права связаны с историческим развитием правоохранительных органов, обеспечивающих безопасность и право избирать и быть избранным. Этот процесс неизбежно приводил к формированию традиций и накоплению правового и организационного опыта в этой сфере деятельности. Выборы должны быть не только политическим, но и социально-культурным институтом. Опыт прошлого становится очень интересным, так как институт выборов в России представляет собой не только политическое выражение активной части населения, но и инструмент постоянной реформы власти.

Ключевые слова: выборы, обычаи, договоры, приказы, Земский собор, Боярская дума, Сенат, магистраты, губернские и уездные земские учреждения, Государственная дума.

Для цитирования: Вородюхин С.Е., Лысенко В.А. 2020. Историко-правовые аспекты возникновения и развития института выборов в дореволюционной России. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 359–365. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-359-365

Historical and legal aspects of the origin and development of the election institute in Russia

Sergey E. Vorodyukhin, Victoria A. Lysenko

Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal
of the Russian Federation named after I.D. Putilin,
71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russia
E-mail: vorodyuhin-stani@mail.ru; lisenko.vik.2013@yandex.ru

Abstract. The article contains a study of the main historical stages of the formation and development of the electoral Institute in Russia. The authors of the article give a brief analysis of the main normative legal acts regulating the election process at the main stages of Russian history, their organization and management of a specific electoral system. It is noted that historical facts show that the specific historical stages and forms of Russian electoral institutions and the electoral process are always significantly connected with the political and legal system of power. The Genesis and specifics of Russian electoral law are related to the historical development of law enforcement agencies that ensure security and the right to vote and be elected. This process inevitably led to the formation of traditions and the accumulation of legal and organizational experience in this field. Elections should be not only a political, but also a socio-cultural institution. The experience of the past is now becoming very interesting, since

the institution of elections in Russia is not only a political expression of the active part of the population, but also an instrument of permanent reform of the government.

Keywords: elections, customs, treaties, orders, Zemsky Sobor, Boyar Duma, Senate, magistrates, provincial and district zemstvo institutions, State Duma.

For citation: Vorodyukhin S.E., Lysenko V.A. 2020. Historical and legal aspects of the origin and development of the election institute in Russia. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 359–365 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-359-365

Введение

Институт выборов является фундаментом каждого современного демократического государства. В настоящее время сложно представить нашу жизнь без выборов, так как они представляют собой политический институт, который позволяет народу стать настоящим источником власти, а гражданскому обществу контролировать эту власть.

Очень часто в оппозиционном медийном дискурсе воспроизводится мнение, что у России нет собственных демократических традиций, отсутствует «гражданское общество», что само по себе якобы требует заимствования «западных демократических институтов», в том числе западного избирательного права. Однако даже краткое обращение к истории российской политико-правовой системы свидетельствует об обратном: на всём протяжении тысячелетней истории мы обнаруживаем устойчивые традиции существования выборных институтов и органов, которые создавались самими русскими людьми разных сословий и классовых групп и всегда были связаны с основными властными и общественными институтами, влияли на их непосредственную деятельность [Иванченко, 1996; Кононов, 1999; Минникес, 2016].

При всей значимости проблемы, история выборных институтов в российском государстве досоветского периода до сих пор слабо изучена именно по причине влияния на юридическую науку и историческое знание предвзятых стереотипов общественного мнения, сформированного под влиянием западнической идеологии ещё со времён начала XIX века. Однако на этом фоне выделим работы таких ученых, как В.П. Заботина, И.В. Минникес, Ю.П. Титова и других, которые внесли существенный вклад в развитие историографии проблемы. Стоит отметить, что историко-правовые аспекты возникновения и развития института выборов в России на каждом конкретном историческом этапе рассматривались весьма фрагментарно.

Основная часть

Летописные и исторические документы свидетельствуют, что уже в IX–XII веках в Русском государстве выборы играли важную роль в развитии общества, а демократические начала для данного периода были характерны на всей территории исторической Руси. Особое значение при этом имеет факт наличия в этот период института вече и вечевого права как существенного индикатора нашего национального и культурного «народоправства» [Пузанов, 2001, с. 48]. При этом древние русичи руководствовались не только обычаями, но и договорами, тем самым принимали активное участие в управлении обществом и государством. Договор между князьями и горожанами почти во всех городах Руси регулировал не только сам факт выборности князя, но и доминирование вече как основного демократического, общинного института над субъектом, носителем феодальной власти. Можно сослаться на событие 1196 года, когда свободные новгородцы закрепили собственное право на выборность князя по воле городской общины и в её интересах. В летописи мы читаем: «А Новгородъ выложиша вси князи въ свободу, да есть Новгородъ свободень, и где хотять Новгородци, и отгуду себе князя взимають» [Полное собрание...,

2000, с. 30]. Один этот факт перечёркивает все предвзятые мнения о том, что в отечественной традиции якобы отсутствовало демократическое избирательное начало: наоборот, в этом плане мы вовсе не уступали феодальной Европе, но обладали собственной демократической избирательной системой.

В периоды феодально-вотчинной раздробленности, а затем и формирования единого русского централизованного государства избирательные институты ассоциировались с ростом и влиянием княжеской власти, однако процесс усиления власти сопровождался параллельным развитием вечевых институтов [Сергеевич, 2004]. Важно отметить и тот факт, что само вече было представительным (выборным) органом и институтом самоуправления горожан (как и общинный сход на селе), который самостоятельно организовывал различные мероприятия, связанные с назначением, проведением и контролем выборов его состава.

В дальнейшем выборные институты в России продолжили развиваться в XVI и XVII веках (вплоть до петровских реформ) на первых этапах возникновения и укрепления монархии, когда наблюдение за выборными процедурами выполнялись должностными лицами административных и судебных органов. В частности, возникает такой административный орган, как «Разбойный приказ», который следил за выборами «губных старост» и за должным отправлением ими своих обязанностей. И хотя губные старосты избирались из дворянского и боярского сословий (из числа грамотных их представителей), но само их избрание и утверждение в должности зависело от «земель», и они были важным фактом развития земской демократии и одновременно институтом уголовной юрисдикции и системы безопасности (прообразом будущей полиции). Избирались они на неопределённый срок (часто на год), утверждались и приводились к присяге Разбойным приказом, но отвечали не только перед ним, но и перед земскими избирателями и исполнительной властью земства (воеводами).

В этот же период развивается вся система земского самоуправления, опирающаяся на выборных земских старост, целовальников (лучших людей) и земских судей. В земских «избах» (налоги московских приказов) для осуществления делопроизводства избирались земские дьяки. Разбойный приказ также контролировал порядок выборов и деятельность земских и губных органов местного самоуправления. Большое значение было уделено местному самоуправлению, поскольку территория Московского государства увеличивалась, а также шла борьба между государственной властью и боярством.

XVII век, как считает И.В. Минникес [2011], являлся сочетанием обычного права и нормативно-правового регулирования выборов. Земские соборы играли особую роль в развитии государства и права России в данный период, так как они рассматривали вопросы внешней и внутренней политики, законодательства, налогов и пошлин. Верховным сословно-представительным органом был двухпалатный Земский собор, в который входили представители всех российских сословий (кроме крепостных крестьян, которых было вопреки стереотипам не так уж и много). Верхнюю палату, которую составляли Боярская Дума (боярская элита) и Освящённый собор (основные иерархи Православной Церкви), возглавлял лично царь. В нижнюю палату избирались как «государевы служивые люди», так и представители других слоёв дворянства, купечества и мещанства, порой и зажиточных крестьян. Очевидным был своеобразный «имущественный ценз», что снижало эффект выборности, но, тем не менее, Земский собор был успешной формой, позволяющей представителям разных сословий участвовать в обсуждении и решении государственных дел. Именно Земский собор во многом решил судьбу русского царства в период и после Смуты конца XVI и начала XVII веков.

На рубеже XVII–XVIII веков с восшествием на царский трон Петра I в России учреждается неограниченная, самодержавная монархия (и в этом мы шли параллельно развитию монархий в Западной Европе). Этот период характеризуется таким явлением, как усиление управления бюрократическим принципом в ущерб избранному общинному

принципу. Земские соборы были упразднены, что и свидетельствовало о ликвидации остатков сословно-представительных органов. В.О. Ключевский в своих трудах пришел к следующему выводу: «История Земского собора в XVII в. есть история его разрушения», потому что «земское представительство пало вследствие усиления централизации в управлении и государственного закрепощения сословий» [Ключевский, 1988, с. 199]. Е.В. Анисимов считает, что прекращение созыва Земских соборов и законодательное оформление крепостного права неизбежно отражалось как на системе права и юстиции, так и на юридическом статусе всех подданных царя [Анисимов, 1999]. В эпоху правления Петра I вместо представительского Земского собора и такого важного органа, как Боярская Дума, учреждается Правительствующий Сенат, члены которого уже назначались императором и выполняли сугубо законосовещательные функции.

Петр I ликвидировал не только Земские соборы, но и упразднил земское «губное представительство», передав управление на местах воеводам, высшей исполнительной и полицейской власти. Дворянские советы при воеводах хоть и избирались уездными дворянскими собраниями, но выполняли сугубо совещательные функции. Специальные органы, которые бы осуществляли проведение этих выборов и контроль над ними, не образовывались [Избирательные комиссии..., 1996], а всё было сосредоточено в руках воевод, то есть исполнительная власть делала фикцией сам принцип выборности в России того времени.

Екатерина II, издав манифест о создании комиссии для составления Уложения 1766 года, расширяет избирательные права. В её Указе от 11 декабря 1773 г. «О правилахъ выбора Судей въ Магистраты и Ратуши» [Полное собрание..., 1830, с. 869] учреждаются достаточно широкие правила выборности территориальных органов управления. П.И. Любличинский отмечает: «...в этом акте мы впервые находим более разработанные нормы общего избирательного права и, в частности, нормы, направленные к ограждению выборов от различных злоупотреблений» [1906, с. 158]. Однако «демократические реформы» Екатерины II под влиянием революционной смуты в Европе были свёрнуты и не реализованы.

В XIX веке произошли важные для нашего отечества реформы, которые не могли не отразиться на структуре проведения выборов в России. Данный институт подвергся тоже значительным изменениям, прежде всего это связано с проведением земской (1864 г.) и городской (1870 г.) реформ. В земских органах были более значительные преобразования. Кардинальным образом в этот период изменилась система органов местного управления. Губернии возглавлял губернатор, который в свою очередь подчинялся Министерству внутренних дел [Кононов, 1999, с. 44]. Александр II создал систему местного представительства (посредством курий) на основе имущественного ценза, утвердив 1 января 1864 года «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Земские представительные органы, таким образом, носили в пореформенный период весьма ограниченный характер, но стали важным шагом на пути формирования в России предпосылок для нового избирательного права (прямого и косвенного).

Впоследствии по аналогичной системе земской реформы была проведена и реформа городского самоуправления. Это позволило сформировать местное самоуправление в городах: городские жители выбирали городские думы, которые в свою очередь создавали городские управы, выступали в качестве исполнительных и административных органов. При этом избирателями были исключительно состоятельные налогоплательщики, которые имели неоспоримое преимущество на выборах. Это и объясняет небольшое количество избирателей [Карева, 2018]. Новые органы местного самоуправления занимались главным образом экономическими вопросами: благоустройством дорог, школ, больниц, регулированием местной торговли и промышленности, организовывали санитарные и противопожарные мероприятия, контролировали здравоохранение и просвещение населения. Выборы в это время регулировались актами на основе общих норм и избирательных законов, которые периодически включали избирательные нормы высшей юридической силы

[Минникес, 2011]. Таким образом, в XIX веке процедура выборов усложнилась, и наблюдался значительный рост населения, участвующего в выборах.

В начале XX века серьезно обострилась политическая ситуация в стране, и возникла объективная потребность в изменении существующего права, чтобы создать условия для дальнейшего развития демократических институтов выборов. Особую роль здесь сыграли «Манифест об учреждении Государственной думы» и «Положение о выборах в Государственную Думу», «дарованные» в августе 1905 года Николаем II под давлением революционных событий и поражения в русско-японской войне [Российское законодательство..., 1994]. Дальнейшая демократизация политико-правовой жизни связана с «Манифестом об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года, в котором отмечалось, что Государь учредил новый представительный орган – Государственную Думу, «повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилия, и охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга: привлечь к участию в Государственной Думе те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав» [Анисимов, 1999, с. 188]. С этим было связано принятие 11 декабря 1905 года закона «Об изменении положения о выборах в Государственную Думу» [Анисимов, 1999, с. 188]. Однако эта избирательная система имела существенные ограничения, так как оставалась цензовой в плане активного и пассивного избирательного права и всецело контролировалась Министерством внутренних дел, которое, согласно п. 11 «Положения о выборах в Государственную Думу» 1905 года, через полицию составляло списки избирателей и определяло выдвижение на съезды городских избирателей уезда. В то же время в соответствии с этим положением лица, занимавшие полицейские должности, не участвовали в выборах, и таким образом правительство стремилось «защитить» полицию от вовлечения их в политику.

А.Х. Денильханов отмечает: «... первые в стране свободные и демократические выборы без использования избирательных технологий и административного давления привели к созданию представительного и адекватного по интеллектуальному уровню, работоспособного парламента» [2018, с. 121]. Но если бы это было так, то не последовал бы роспуск первой Государственной Думы и обострение революционных процессов в стране. Это привело к тому, что 3 июня 1907 года было принято новое «Положение о выборах в Государственную Думу» с разъяснениями Правительствующего Сената и Министерства внутренних дел [Российское..., 1994]. Но и здесь организацию и проведение выборов контролировал отдел Особого делопроизводства департамента полиции (структурная часть Министерства внутренних дел), который готовил инструкции и объяснения, которые утверждались Советом министров и императором. Например, пункт 2.3 Положения о выборах гласил: «общий надзор за надлежащим проведением выборов под руководством Министерства внутренних дел возлагается на губернаторов или градоначальников по принадлежности», которые имели право фильтровать информацию о подготовке и ходе выборов с мест, регулировали избирательные процедуры и весь ход выборов.

На основе этого Положения создавались специальные комиссии по рассмотрению вопроса о правильности выборов. Данный орган состоял из двух членов, занимающих должность судьи, и до пяти членов администрации (включая сотрудников полиции). Судебные разбирательства велись негласно, на основании письменных материалов. В законе не определены основания, которые могли бы послужить основанием для кассации выборов, и поэтому его апелляция была в основном поверхностной, а основным в избирательном праве оставался нормативно-правовой акт, никак не закреплённый конституционно [Минникес, 2011, с. 208]. Очевидно, что преобладание исполнительной власти над выборной имело в России глубокие корни и предпосылки.

Революция в феврале 1917 года явилась новой вехой в истории избирательного права России. Во Всероссийское Учредительное собрание были проведены выборы, и в результате демократического голосования были избраны органы земского и городского самоуправ-

ления. Закон о выборах в России был самым современным государственно-правовым документом того времени. Исходя из этого, Учредительное Собрание было избрано 12 ноября 1917 года, но оно просуществовало недолго, так вступило в противоречие с новым типом представительной власти и народоправства, каковыми первоначально были Советы, также имевшие свои предпосылки в истории и традициях российского избирательного права.

Заключение

Таким образом, выборы должны быть не только политическим, но и социально-культурным институтом. Опыт прошлого в настоящее время становится очень интересным, так как институт выборов в России представляет собой не только политическое выражение активной части населения, но и инструмент постоянной реформы власти и контроля над ней со стороны общества.

Список источников

1. Антология мировой правовой мысли. 1999. В 5 т. Т.5. Россия конец XIX – XX в. М., Мысль, 829 с.
2. Ключевский В.О. 1988. Соч. В 9 т. Т. 3: Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. 414 с.
3. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 10. М., ЯРК. 2000. 248 с.
4. Полное собрание законов Российской империи с 12. 1649 года. Т. XIX. 1770-1774. СПб.: типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1081 с.

Список литературы

1. Анисимов Е.В. 1999. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., Новое литературное обозрение. 720 с.
2. Денильханов А.Х. 2018. Зарождение российского парламентаризма: к вопросу о выборах в I–IV Государственные Думы Российской империи. Власть, 26(4): 116–128.
3. Заботин В.П. 2001. Избирательные права граждан Российской Федерации и роль органов внутренних дел в их реализации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. М., 215 с.
4. Иванченко А.В. 1996. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М., Весь Мир, 304 с.
5. Карева А.В. 2018. Особенности выборов и народоправства в России: историко-правовой аспект. Выборы: теория и практика, 4 (48): 28–32.
6. Кононов А.М. 1999. Местная полиция (милиция) и местное самоуправление в России: неразрывная связь и общая история. История государства и права, 3: 43–47.
7. Любличинский, П.И. 1906. Преступления против избирательного права: выборы и уголовно-правовая защита их. СПб., 240 с.
8. Минникес И.В. 2016. История выборов в России: проблемы периодизации. Избирательное законодательство и практика, 3: 52–55.
9. Минникес И.В. 2011. Источники российского избирательного права. Вестник Бурятского госуниверситета, 2: 205–208.
10. Пузанов В.В. 2001. У истоков восточнославянской государственности. История России: Народ и власть. 459 с.
11. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. В 9-ти томах. Т. 9. М., Юридическая литература, 1994. 352 с.
12. Сергеевич В.И. 2004. Лекции и исследования по древней истории русского права. М., Зерцало, 488 с.

References

1. Anisimov E.V. 1999. Dyba i knut. Politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke. M., [Rack and whip. Political investigation and Russian society in the XVIIIth century]. Novoe literaturnoe obozrenie, 720 p.

2. Denil'khanov A.Kh. 2018. Zarozhdenie rossiiskogo parlamentarizma: k voprosu o vyborah v I–IV Gosudarstvennye Dumy Rossiiskoi imperii. [The origin of Russian parliamentarism: on the issue of elections to the I–IV State Duma of the Russian Empire]. *Vlast'*, 26(4): 116–128.
3. Zabotin V.P. Electoral rights of citizens of the Russian Federation and the role of law enforcement bodies in their implementation: the dissertation ... of a candidate of legal sciences: 12.00.02. - М., 2001. 215 p. (in Russian)
4. Ivanchenko A.V. 1996. Izbiratel'nye komissii v Rossiiskoi Federatsii: istoriya, teoriya, praktika. [Election commissions in the Russian Federation: history, theory, practice]. М., Ves' Mir, 304 p.
5. Kareva A.V. 2018. Osobennosti vyborov i narodopravstva v Rossii: istoriko-pravovoi aspekt. [Features of elections and democracy in Russia: historical and legal aspect]. *Vybory: teoriya i praktika*, 4 (48): 28–32.
6. Kononov A.M. 1999. Mestnaya politsiya (militiya) i mestnoe samoupravlenie v Rossii: nerazryvnaya svyaz' i obshchaya istoriya. [Local police (militia) and local self-government in Russia: inextricable communication and general history]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 3: 43–47.
7. Lyublichinskii, P.I. 1906. Prestupleniya protiv izbiratel'nogo prava: vybory i ugolovno-pravovaya zashchita ikh. [Crimes against suffrage: elections and their criminal defense]. SPb., 240 p.
8. Minnikes I.V. 2016. Istoriya vyborov v Rossii: problemy periodizatsii. [The history of elections in Russia: problems of periodization]. *Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika*, 3: 52–55.
9. Minnikes I.V. 2011. Istochniki rossiiskogo izbiratel'nogo prava. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta*, 2: 205–208.
10. Puzanov V.V. 2001. U istokov vostochnoslavyanskoi gosudarstvennosti. [The history of elections in Russia: problems of periodization]. *Istoriya Rossii: Narod i vlast'*. 459 p.
11. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: Zakonodatel'stvo epokhi burzhuazno-demokraticeskikh revolyutsii. [Russian legislation of the 10th–20th centuries: Legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions]. In 9 volumes. Vol. 9. Ed. : Chistyakov O.I. (Under the general ed.). М., Yuridicheskaya literatura, 1994. 352 p.
12. Sergeevich V.I. 2004. Lektsii i issledovaniya po drevnei istorii russkogo prava. [Lectures and studies on the ancient history of Russian law]. М., Zertsalo, 488 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вородюхин Сергей Евгеньевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

Лысенко Виктория Александровна, кандидат юридических наук, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД РФ имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey E. Vorodyukhin, candidate of Historical Sciences, lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

Victoria.A. Lysenko
Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF named after I.D. Putlin, Belgorod, Russia

УДК 37.013

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-366-370

Культурный капитал и государственная стратегия России

Опошнянский А.В.

Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова,
Россия, 350005, Краснодар, ул. Дзержинского, 135
E-mail: alekseyvo9@yandex.ru

Аннотация. На протяжении многих десятилетий конца XX и начала XXI века Россия ищет ответ на цивилизационный вызов о путях своего развития и своей идентичности. «Социализм с человеческим лицом» не был реализован в программах Перестройки и ускорения. Идеологическое решение современный социум ищет на путях постиндустриального социума. Идеология и практика супериндустриальной модели в современных условиях предполагает долговременную стратегию на развитие человеческой субъективности, интеллекта, чувственно-эстетической и физической культуры, стратегию на самораскрытие личности и достижение гармоничного социума. Для этого базовой основой социализации и образования должна стать дидактика понимающей личности. В работе рассмотрены с философско-семиотических позиций пути и некоторые элементы такой стратегии. Автор стремился показать, что понимание есть как субстанция социального бытия, так и основа социального развития.

Ключевые слова: культура, культурная политика, общество знания, культурологическая парадигма.

Для цитирования: Опошнянский А.В. 2020. Культурный капитал и государственная стратегия России. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 45 (2): 366–370. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-366-370

Cultural capital and state strategy of Russia

Alexey V. Oposhnyansky

Krasnodar highest military aviation college of pilots
of a name of the Hero of the Soviet Union A.K. Serov,
135 Dzerzhinsky St, Krasnodar, 350005, Russia
E-mail: alekseyvo9@yandex.ru

Annotation. For many decades of the late twentieth and early twenty-first century, Russia has been searching for an Answer to the civilizational Challenge about the ways of its development and its identity. «Socialism with a human face» was not implemented in the programs of Perestroika and acceleration. The deconstruction of the USSR did not solve this problem by itself. Modern society is looking for an ideological solution on the path of post-industrial society. However, the mechanisms of «cultural» capital have not yet become the real dominant of social reproduction in Russia. The ideology and practice of the superindustrial model in modern conditions presupposes a long-term strategy for the development of human subjectivity, intellect, sensory-aesthetic and physical culture, a strategy for self-disclosure of the individual and the achievement of a harmonious society. For this purpose, the basic basis of socialization and education should be the didactics of an understanding person. The paper considers the ways and some elements of such a strategy from the philosophical and semiotic positions. The author sought to show that understanding is both the substance of social existence and the basis of social development.

Key words: culture, cultural policy, knowledge society, cultural paradigm.

For citation: Oposhnyansky A.V. 2020. Cultural capital and state strategy of Russia. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 366–370 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-366-370

Введение

Проблема стратегии социального развития России, а значит и ее идеологии до сих пор не решена. В наибольшей степени к решению стратегических задач идеологии и социальной практики, с нашей точки зрения, приближаются официальные документы, касающиеся стратегии государственной культурной политики. В «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.»¹ наиболее приближенно к необходимым задачам России прописана модель социума, развивающегося на основе не геополитической или сырьевой парадигмы, а на основе культурологической парадигмы. Однако это общая декларация, пока еще не ставшая фактом реальной политической практики в России. Этой общей декларации явно недостаточно. Современная государственная стратегия нуждается не просто в концептах «социальный капитал», «культурный капитал», «символический капитал», «интеллектуальный капитал», а в осознании «тонких настроек» человеческой субъективности, являющейся единственной продуктивной субстанцией человеческой цивилизации.

Для исследования нами использованы социально-семиотический и культурно-герменевтический подходы к анализу воспроизводства общества и знания, использованные в работах Б.Г. Богина, М.К. Петрова, В.П. Гриценко.

Основная часть

Определенным идеологическим прогрессом в нашей стране стало принятие в «Основах государственной культурной политики» [2014, с. 7] культурологической концепции социума, концепции ведущей роли культуры в социальном воспроизводстве, которая была выбрана в качестве приоритета и где понятие культуры пересекается с понятием культурного капитала [там же, с. 9].

Напомним, что культурный процесс есть единство деятельности и коммуникации, в котором созидание новых культурных форм неотделимо от культурной трансляции прошлого опыта, его актуализации и преодоления в критически творческом процессе. Процесс транслирования имеет следующие виды: лично-именную, профессионально-именную [Петров, 1991], концептуально-образовательную, которая в динамичном социуме превращается из ретроспективно-подражательной в проектно-перспективную форму функционирования [Игнатова, Римский, 2012].

Один из фундаторов концепта «социальный капитал», Ф. Фукуяма [Fukuyma, 2001] считает возможным расширить факторы воспроизводства, включив наряду с землей и капиталом «человеческий ресурс». Социальный капитал вбирает в себя знания в широком смысле слова, а также используемые в практике интеракций ценности и нормы. Эта культура производства обеспечивает снижение издержек производства, что продемонстрировало его большую эффективность в Германии, Японии, США.

Концепт «человеческий капитал» эффективен не только в экономическом контексте, но и в культурном, познавательном, в частности, для практики оценивания духовно-познавательной деятельности. Например, понятия «народный артист», «заслуженный артист» – это характеристики социального капитала, органично трансформированного с оценками личного ресурса с точки зрения культурного капитала. А понятия «канди-

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/45830.html> (дата обращения: 05 декабря 2019).

дат наук», «доктор наук», «академик» квалифицируют социальный капитал в союзе с культурно-символическим капиталом ученого. Например, в Японии для обозначения «хранителя значимого нематериального культурного наследия» существует статус и звание «Живое национальное достояние». Это пример интеграции социального и культурного капитала в определенном типе социума, где культурный капитал становится полноправным фактором социального воспроизводства.

Естественно, что каждая сфера профессиональной деятельности – управление, военное искусство – предполагает свой традиционный набор знаний, умений, навыков, который передается от поколения к поколению посредством традиций и обучения, поэтому социальный капитал существует и проявляется в виде профессиональной культуры и ценностей.

Скорость воспроизводства важна для всякого капитала, так как чем выше скорость его обращения, тем выше прибыль. Поэтому все более скоростными становятся процессоры в компьютерах, все более возрастает информационная динамика социумов. В то же время изначальное, коренное свойство культуры – быть социальной памятью, обеспечивать культурную преемственность поколений. Другими словами, важнейшее качество культурного капитала заключено в его способности обеспечивать непрерывность социального развития, истории, прогресс. Однако скорость социализации в современном социуме настолько велика, что возникает опасность разрыва межпоколенных отношений. Автор культуры в условиях информационной цивилизации социализируется не за счет традиции, а как бы вопреки ей.

Кроме того, происходит виртуализация онтологических оснований социума, настоящее и будущее виртуализируются. Вследствие всего этого изменяются идентичности личности и социума. Внедрение человеко-машинного интеллекта в социокультурную коммуникацию также нарушает традиционные каналы коммуникации как в аспекте скорости, так и в аспекте идентичности.

В то же время традиционная культура не исчезает, а продолжает функционировать в структурах гражданского общества, этносознания, участвуя во всех программах и практиках социального действия. Этот аспект проблемы разрабатывает А.П. Люсый, рассматривая проблему о взаимосвязи национального семиозиса и человеческого капитала, подмечая, что интеграция локальных текстов русской культуры в единый интертекст является отражением структуры коммуникативного сообщества россиян на данный период времени [Люсый, 2013]. «Коммуникативное сообщество» – это гражданское, демократическое общество, рождающее высшее качество культуры как социального капитала. Качество политической, правовой, эстетической, нравственной культуры является органической частью культурологического нарратива, порождая особое состояние интеракций социума. Вот это особое коммуникативное состояние интеракций, достигаемое посредством культуры, и является социальным капиталом, интегрирующим технократическую и культурную составляющую некоторого социума.

В практически-дидактической области это означает, что отечественная система образования должна быть в целом ориентирована на гуманитаризацию, развитие национального интеллекта в пользу интерпретационного обучения, на что прозорливо указывал Г.И. Богин [2009], комментируя проведение дидактической реформы в США (*National Defence Education Act*). Между тем, например, перестройка системы подготовки специалистов высшей квалификации – кандидатов и докторов наук – в России застряла на этапе бюрократического реформирования [Гриценко, 2019]. Интенция творчества на основе понимания не является еще стержнем дидактики для этой подготовки.

Понимание является субстанцией человеческого бытия, человеческой коммуникации и единственным неисчерпаемым источником человеческого прогресса. Оно составляет основу интеллекта как создателя социального и культурного капитала. Понимание проявляет себя в миллиардах коммуникативных интеракций и для своей реализации нуждается в позитивных социальных ценностях. Реализация в отечественной идеологии культурологической

парадигмы есть путь к такому «социуму знаний», но пока лишь в виде теоретических интенций, но не на практике.

Заключение

Таким образом, кратко резюмируя, можно сказать, что идеологические трансформации последних десятилетий связаны с постепенным переходом к культурологической парадигме цивилизационного развития. Но это все произошло лишь виртуально, а реально сторонники сырьевой парадигмы («нефтяной трубы») и милитаризации невольно сдерживают переход к культурно-цивилизационной модели. Культурно-цивилизационная модель предполагает доминирование «экономики знаний», «досуговой экономики», экоэкономики, ориентацию на приоритет социального и культурного капитала.

В эпоху информационной глобализации в социальной практике управления и в политическом дискурсе управления культурой доминирует технократическая ориентация, которая коррелятивна затратно-ресурсной форме развития экономики и науки. Ведь единственно неограниченной формой ресурсов является интеллект, а его культурно-символической формой воплощения – текст, в широком смысле этого слова, как предметная знаково-символическая форма воплощения знаний. Не случайно в постмодернистской философии метафора текста имеет универсальную онтологизацию. Она соответствует интенции информационной цивилизации на ведущую роль информационно-интеллектуального производства.

В любой экономике, а в «экономике знаний» особенно, доминирование гуманитарной парадигмы необходимо для того, чтобы учить субъекта творчества интеллектуальной активности рефлексивного понимания. Демократическое гражданское общество предполагает, что его граждане есть полноправные, суверенные, автономные субъекты самознания, рефлексии. В противном случае они как субъекты коммуникации окажутся неспособны вести диалог, результирующей функцией которого является истина. Понимающее критическое размышление является основой рефлексии, которая в языковой и риторической форме выглядит как интерпретация. Все эти факторы и их взаимодействие являются первостепенными в совершенствовании общего образования и в развитии культурного капитала как основы прогресса в «обществе знания».

Реализация супериндустриальной модели предполагает (1) широкую демократизацию гражданского общества как основу социального строя России в противовес авторитаризму и бюрократии, (2) развитую систему механизмов самоорганизации в обществе, культуре, науке, а не развитие по указке чиновника, (3) ведущую роль гуманитаризации в науке, образовании, культуре, (4) наличие и ведущую роль стратегических планов и ориентиров (на 20–30–50 лет), а не латание дыр методом проб и ошибок.

Список литературы

1. Богин Г.И. 2001. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь., Твер. Гос. Ун-т, с. 260.
2. Гриценко В.П. 2019. О проекте модернизации системы подготовки и аттестации научных кадров для региональных вузов. Культурные и научно-образовательные стратегии по реализации национальных проектов-2024. В кн.: Материалы I Международной научно-практической конференции (Краснодар, 17–18 октября 2019 г.). Краснодар, Краснодарский государственный институт культуры: 66–70.
3. Игнатова В.С., Римский В.П. 2012. Проблема «традиции-инновации» и генезис научно-инновационных субкультур (культурно-цивилизационный контекст). Наука. Искусство. Культура, № 1: 34–57.
4. Люсьин А.П. 2013. Московский текст. Текстологическая концепция русской культуры. М., Издательский дом «ВЕЧЕ»; ООО «Русский импульс»: 186–187.
5. Основы государственной культурной политики. 2014. <http://base.garant.ru /70828330/> (дата обращения: 05 декабря 2019).

6. Петров М.К. 1991. Язык. Знак. Культура. М., Наука, 192 с.
8. Fukuyama, F. 2001. Social capital, civil society and development. Third World quarterly. Tom.22, No. 1: 7–20.

References

1. Bogin G.I. 2001. Obretnie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu germenевtiku [Gaining the ability to understand: an Introduction to philological hermeneutics.]. Tver: Tver. Gos. Un-t, 260 p. (in Russian)
2. Gricenko V.P. 2019. O proekte modernizacii sistemy podgotovki i attestacii nauchnyh kadrov dlya regional'nyh vuzov. Kul'turnye i nauchno-obrazovatel'nye strategii po realizacii nacional'nyh proektov-2024. [Cultural, scientific and educational strategies for the implementation of national projects-2024] In: Materials of the I International scientific and practical conference (Krasnodar, October 17-18, 2019). Krasnodar, Krasnodarskii gosudarstvennyi institut kul'tury: 66-70. (in Russian)
3. Ignatova V.S., Rimskij V.P. 2012. Problema «tradicii-innovacii» i genezis nauchno-innovacionnyh subkul'tur (kul'turno-civilizacionnyj kontekst). [The problem of "tradition-innovation" and the Genesis of scientific and innovative subcultures (cultural and civilizational context)]. Nauka. Iskusstvo. Kul'tura, № 1: 34–57.
4. Lyusy A.P. 2013. Moskovskij tekst. Tekstologicheskaya koncepciya russkoj kul'tury. [Moscow text. Textual concept of Russian culture]. M., Izdatel'skii dom «VECHE»; ООО «Russkii impul's»: 186–187.
5. Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki [Fundamentals of state cultural policy]. 2014. <http://base.garant.ru/70828330/> (data obrashcheniya: 05 dekabrya 2019) (in Russian)
6. Petrov M.K. 1991. YAzyk. Znak. Kul'tura [Language. Sign. Culture.]. M., Nauka, 192 p.
7. Fukuyama, F. 2001. Social capital, civil society and development. Third World quarterly. Tom.22, No. 1: 7–20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Опошнянский Алексей Валентинович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, г. Краснодар, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Oposhnyansky, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov Krasnodar, Russia

УДК 141.5

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-371-375

Экзистенциальные смыслы свободы в творческом наследии А.С. Хомякова

Липич Т.И., Логинова Н.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Lipich@bsu.edu.ru, loginova@bsu.edu.ru

Аннотация. Свобода является ключевым понятием славянофильского миропонимания. А.С. Хомяков один из первых рассматривал проблему свободы сквозь призму христианского понимания человека. Трактовка свободы у славянофилов отлична от трактовки свободы воли и свободы выбора в западной философской мысли. А.С. Хомяков ставит во главу угла свободы личности любовь божественную, считая, что если человек грешен, то любовь может привести к эгоизму, который разрушает цельность личности. Личная свобода, по его мнению, неотделима от соборной личности. В статье рассматриваются категории «соборность», «иранство» и «кушитство», «волящий разум».

Ключевые слова: славянофилы, соборность, целостность духа, личность, иранство и кушитство, волящий разум, свобода.

Для цитирования: Липич Т.И., Логинова Н.В. 2020. Экзистенциальные смыслы свободы в творческом наследии А.С. Хомякова. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 45 (2): 371–375. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-371-375

Existential meanings of freedom in the creative heritage of A.S. Khomyakov

Tamara I. Lipich, Natalia V. Loginova

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Lipich@bsu.edu.ru, loginova@bsu.edu.ru

Abstract. Turning to anthropological topics is a characteristic feature of philosophical reflections at different stages of the historical development of mankind. Each era, possessing an integral and unique culture, proposed its own solutions to this problem. A man, his inner world reacted in a certain way to external circumstances, formed his own value outlook on the world, and also comprehended the meanings of his own freedom. Thus, human models were formed in various historical eras. In this sense, the 19th century was no exception. But it was precisely at this time that the polarization of thinkers' views on the problem of man, on his nature, essence and purpose, and, consequently, the purpose and meaning of his existence, is most clearly manifested. Russian philosophy at the center of its research posed the question of the integrity of human life as a universal center of the world. Freedom is a key concept of the Slavophile worldview. Khomyakov was one of the first to consider the problem of freedom through the prism of a Christian understanding of man. The interpretation of freedom among the Slavophiles is different from the interpretation of free will and freedom of choice in Western philosophical thought. Khomyakov puts love, divine love at the forefront of the individual's freedom, believing if a person is sinful and love can lead to selfishness that destroys the integrity of the individual. Freedom as voluntariness in decision making based on love of God. Personal freedom, in his opinion, is inseparable from the conciliar person. The article examines the categories of collegiality, "Iranianism" and "kushitstvo", "volitional mind".

Keywords: Slavophiles, collegiality, integrity of the spirit, personality, Iranism and Couchines, willing mind, freedom.

For citation: Lipich T.I., Loginova N.V. 2020. Existential meanings of freedom in the creative heritage of A.S. Khomyakov. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 371–375. (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-371-375

Введение

Обращение к антропологической тематике является характерной особенностью философских размышлений на разных этапах исторического развития человечества. Каждая эпоха, обладая цельной и уникальной культурой, предлагала свои решения этой проблемы. Человек, его внутренний мир, определённым образом реагировал на внешние обстоятельства, формировал собственный ценностный взгляд на мир, а также постигал смыслы собственной свободы. Так формировались модели человека в различные исторические эпохи. В этом смысле XIX век не стал исключением. Но именно в это время наиболее ярко проявляется поляризация взглядов мыслителей на проблему человека, его природу, сущность и предназначение, а следовательно, на цель и смысл его существования. Русская философия в центр своих исследований поставила вопрос о цельности человеческого бытия как универсального центра мира. Именно эта идея стала одной из важнейших в русской философии на протяжении ее развития.

В первой половине XIX века постепенно формируется философско-антропологическая традиция, которую можно назвать духовной антропологией. И одними из первых, кто обратился к этой проблематике, были П.Я. Чаадаев, славянофилы в лице И.В. Киреевского и С.А. Хомякова. Прежде всего, их внимание было заострено на полемических выводах П.Я. Чаадаева, который считал, что именно человек является исходным принципом для решения важнейших социальных задач в ходе развития человечества, что человек подчинен Божественному нравственному закону. Он обращал свои взоры к религиозной философии, считая, что она сможет познать «тайну назначения человека». Метафизика человека, рассматриваемая сквозь призму «верующего разума», «волящего разума», «цельности духа», наполняла глубокими экзистенциальными смыслами понятие свободы, являющейся одной из главных характеристик человеческого бытия.

Смыслы свободы

Современный русский религиозный философ, публицист, профессор Питтсбургского университета Полторацкий характеризовал следующим образом русскую философию: «Русская религиозная философия с ее антропоцентризмом, моральной установкой, социальной ориентированностью и историософичностью, равно как и с ее теоретически-практической целостностью, пронизана необычайной свободой духа. Самое учение о свободе как основе христианства, разрабатывавшееся русской религиозной философией, связывалось с учением о соборности и онтологизме» [1975, с. 80].

Одним из первых, кто рассматривал проблему свободы сквозь призму христианского понимания человека, его сущности, был основатель славянофильства А.С. Хомяков, который не мог остаться равнодушным к размышлениям П.Я. Чаадаева.

Н.А. Бердяев справедливо отмечал, что именно А.С. Хомяков положил начало в русской религиозной философии серьезному анализу понятия христианской свободы. В одной из своих работ он пишет: «Наступила эпоха, когда должна была быть раскрыта христианская свобода более, чем это было раскрыто в прежние эпохи. У старых учителей Церкви мы не находим такого учения о христианской свободе, как у Хомякова. Но потому-то и велика творческая заслуга Хомякова. Русская православная мысль XIX века раскрывает в христианстве то, что не было достаточно раскрыто. Проблема свободы стоит в

центре русской религиозной мысли, на этой проблеме она себя противопоставляет мысли католической <...> Проблема о человеке стоит в центре нового сознания. И нужно было начать раскрывать христианское учение о человеке, о его призвании в мире <...> Если в традиционном учении Церкви нет такого учения о свободе и человеке, то это указывает на его неполноту и недостаточную раскрытость христианской истины. В этом была творческая задача русской религиозной мысли. То была мысль проблематическая, с сильным пророческим элементом. Первое, что утверждала русская религиозная мысль XIX века, это христианскую свободу. И она сделала это в форме, еще не бывшей в истории христианского сознания. Хомяков и Достоевский были у нас главными глашатаями христианской свободы. Все богословствование Хомякова есть гимн христианской свободе. Для него не только церковная иерархия, не только Церковь не есть авторитет, но не есть авторитет и Бог. Категория авторитета применима лишь к низшему плану бытия. Она унижает величие Бога. Бог есть свобода, и в свободе лишь может он раскрываться» [Бердяев, 1936, с. 318].

Соглашаясь с Н.А. Бердяевым, отметим, что А.С. Хомяков один из первых, кто развернул философскую мысль в этом направлении. Он (А.С. Хомяков) расширил задачи изучения свободы личности и сумел раскрыть христианское представление человека поновому – как цельную свободную личность. Это – одно из ключевых понятий его размышлений, оно несло в себе элемент мирского восприятия веры, человека, при этом мыслитель уделял особое внимание идее духовной свободы, которая, на наш взгляд, предопределяла ход развития всей русской религиозно-философской мысли. Некоторые современные мыслители, например, А.Ф. Замалева, упрекали Хомякова в недостатке православия. Мы считаем, что в данном случае говорить о том, что у родоначальника славянофильства было «мало православия», не совсем точно. Скорее, можно упрекнуть его в том, что он хотел построить Соборную церковь во всем мире. Остановимся более подробно на позиции А.С. Хомякова в этом вопросе.

Для мыслителя одним из определяющих категорий, характеризующих личность, является понятие «волящий разум», выступающий тем духовным началом, субстанцией, которая творит и созидает мир, но вместе с тем не растворяется в нем и не дробится на части. «Волящий разум», основная характеристика свободы человека, никогда не переходит в сферу необходимости. В тоже время он является и первопричиной всех явлений и не зависит от внешних факторов. По мнению А.С. Хомякова, необходимость и свободно «волящий разум» обретают свой концептуальный смысл в двух непримиримых направлениях, двух типах религий, сформировавшихся в истории человечества, – это «иранство» и «кушитство», которые сформировали два типа личности: иранский и кушитский. Он также утверждал, что в каждой личности борются эти два начала: свобода и необходимость

Коренная духовная свобода Творца, из которой формируется понятие добра и нравственное начало творчества, провозглашается в религии «иранства. «Кушитство», по мнению А.С. Хомякова, основываясь на вещественной необходимости при этом не отрицая творца, отрицает само понятие свободы, творческий акт. Он считает, что «вещественная необходимость», олицетворяющая «внешний авторитет», или власть, есть не что иное, как «проявленная свобода», т.е. необходимость, которая не дает возможности развитию свободы творчества. Личность может быть свободна, только определив для себя собственный идеал, высший нравственный закон, осознавая возможность и необходимость ему следования. Только этот высший нравственный, божественный закон – закон любви – дает свободу личности.

Ставя во главу угла свободы личности любовь, любовь божественную, он так же предупреждает, что человек грешен и любовь может привести к эгоизму, который разрушает цельность личности. Стоит отметить, что А.С. Хомяков подразумевал естественную, ненасильственную любовь человека к Богу и естественное принятие Божеского закона не как закона, а как свободы.

Таким образом, только «иранство», выраженное в православии, дает подлинную религиозно-нравственную свободу творящего человеческого духа. Такая свобода может быть обретена только в Церкви, которая выступает первоосновой всего бытия. Человек, обретая веру, обретает свободу в единомыслии с Церковью. Из этого А.С. Хомяков формулирует понятие соборности, которая основывается на всеобщей любви к абсолютным ценностям и друг к другу.

Современный исследователь Т.И. Благова характеризует соборность у Хомякова следующим образом: «Соборность означает церковную общность людей, объединенных верой, православные ценности, гарантирующие духовную целостность личности, истинность познания, примирение в христианской любви свободы каждого и единства всех» [Благова, 1994, с. 180].

Таким образом, А.С. Хомяков понимал свободу как добровольность в принятии решений на основе любви к Богу. Он писал: «Мы свободны, потому что восхотел этого Бог и потому что завоевал нам свободу Христос свободой своего жертвоприношения» [Хомяков, 1994, с. 308].

И еще мы находим ряд высказываний о свободе в его трудах, например, «единство Церкви есть не иное что как согласие личных свобод», или «свобода и единство – таковы две силы, которым достойно вручена тайна свободы человеческой во Христе» [Хомяков, 1994, с. 183].

Следовательно, трактовка свободы у А.С. Хомякова была отлична от трактовки свободы воли или свободы выбора в западной философской мысли, и на этот факт указывает в своих рассуждениях С.С. Хоружий [2002]. Он отмечает, что такое понимание свободы «имеет явные патристические корни», упоминая преп. Максима Исповедника: «Свобода природная» противоположна обычной эмпирической свободе выбора, она определяется отношением к собственной природе, как «бытийная стратегия человека», которая заключается в реализации человеком своего онтологического «телоса», предназначения [Хоружий, 2002, с. 31].

Заключение

Таким образом, характеризуя понятие личной свободы, А.С. Хомяков имел ввиду возможность человека «возвышаться над собой», постоянно преодолевать свою греховность, свои внутриличностные экзистенциальные конфликты, повышать свой уровень развития и образования. В свою очередь, идея соборности, неотделимая от свободы личности и сама выступающая соборной личностью, провозглашала гармонию частного и общего, выражающуюся во всеобщей Божественной любви.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. 1936. О характере русской религиозной мысли XIX века. Современные записки, 62: 309–343.
2. Бердяев Н.А. 1994. Философия свободного духа. М., Республика, 480 с.
3. Бердяев Н.А. 2001. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. В кн.: Путь в философию. Антология. М., ПЕР СЭ; СПб., Университетская книга, 445 с.
4. Благова Т.И. 1994. Соборность как философская категория у А.С. Хомякова. В кн.: Славянофильство и современность. СПб., Наука: 177–191.
5. Евлампиев И. И. Метафизическое измерение «русской идеи» (П. Чаадаев, В. Одоевский, А. Хомяков). В кн.: Философский век. Альманах. Идея истории в российском просвещении. СПб., 1998: 21–52.
6. Замалеев А.Ф. 1995. Лекции по истории русской философии. СПб., Изд-во СПбГУ, 338.
7. Полторацкий Н.П. 1975. Русская религиозно-философская мысль XX века: Сборник статей. Питтсбург, 413 с.

8. Хомяков А.С. 1994. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М., Московский философский фонд Издательство "Медиум", 497 с.
9. Хоружий С.С. 2000. О старом и новом. СПб., Алетейя, 477 с.
10. Хоружий С.С. 2002. Современные проблемы православного мирозерцания. М., Омега: 144 с.
11. Чаадаев П.Я. 1989. Сочинения. М., Правда, 655 с.
12. Чаадаев П.Я. 1989. Статьи и письма. М., Современник, 623 с.

References

1. Berdyayev N.A. 2001. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noy etiki [About the appointment of a person. Experience of paradoxical ethics]. In: Put' v filosofiyu. Antologiya. Moscow, PER SE; Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga, 445 p.
2. Berdyayev N.A. 1936. O kharaktere russkoy religioznoy mysli XIX veka [On the nature of Russian religious thought of the 19th century]. *Sovremennyye zapiski*, 62: 309–343.
3. Berdyayev N.A. 1994. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of a free spirit]. Moscow, Respublika, 480 p. (in Russian)
4. Blagova T.I. 1994. Sobornost' kak filosofskaya kategoriya u A.S. Khomyakova [Sobornost as a philosophical category in AS Khomyakova]. In: *Slavyanofil'stvo i sovremennost'*. Saint-Petersburg, Nauka: 177–191.
5. Yevlampiyev I.I. Metafizicheskoye izmereniye «russkoy idei» (P. Chaadayev, V. Odoyevskiy, A. Khomyakov) [The metaphysical dimension of the “Russian idea” (P. Chaadaev, V. Odoevsky, A. Khomyakov)]. In: *Filosofskiy vek. Al'manakh. Ideya istorii v rossiyskom prosveshchenii*. Saint-Petersburg, 1998: 21–52.
6. Zamaleyev A.F. 1995. *Lektsii po istorii russkoy filosofii* [Lectures on the history of Russian philosophy]. Saint-Petersburg, Izd-vo SPbGU, 338 p.
7. Poltoratskiy N.P. 1975. *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka: Sbornik statey* [Russian religious and philosophical thought of the XX century: Collection of articles]. Pittsburg, 413 p.
8. Khomyakov A.S. 1994. *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow, Moskovskiy filosofskiy fond Izdatel'stvo "Medium", 497 p.
9. Khoruzhiy S.S. 2002. *Sovremennyye problemy pravoslavnogo mirosozertsaniya* [Modern problems of the Orthodox worldview]. Moscow, Omeqa: 144 p.
10. Khoruzhiy S.S. 2000. *O starom i novom* [About the old and the new]. Saint-Petersburg, Al-eteyya, 477 p.
11. Chaadayev P.YA. 1989. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda, 655 p.
12. Chaadayev P.YA. 1989. *Stat'i i pis'ma* [Articles and letters]. Moscow, Sovremennik, 623 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Логинова Наталья Владимировна, аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara I. Lipich, Ph.D., Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Natalia V. Loginova, Postgraduate Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 130.2

DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-376-384

Трансформация культурных практик обмена

Серостанова О.Б.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
Украина, 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail: oxanaserostanova@gmail.com

Аннотация. Культура XXI века стремительно изменяет сферу взаимоотношений людей и практику их самовыражения. Автором предпринята попытка определить содержательную основу символического обмена в культуре информационного общества. Проведен анализ понятия культурно-символического обмена с позиций философии постмодерна, символического интеракционизма, структурной антропологии, коммуникативного и мир-системного подхода. В качестве системообразующего компонента общественных отношений исследуется эвристический потенциал имиджевой коммуникации в условиях культуры постмодерна. Совокупность ее знаковых воплощений формирует смысловое поле общения между людьми. Продолжает оставаться дискуссионным вопрос о принципах обмена в пространстве реальных и виртуальных коммуникативных практик.

Ключевые слова: символический обмен, смысловое поле, коммуникация, трансформация, мифологизация, фрагментация, массмедиа, симулякр.

Для цитирования: Серостанова О.Б. 2020. Трансформация культурных практик обмена. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 45 (2): 376–384. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-376-384

Transformation of cultural practices of exchange

Oksana B. Serostanova

Luhansk Taras Shevchenko national University,
2 Oboronnaya St, Lugansk, 91011, Ukraine
E-mail: oxanaserostanova@gmail.com

Summery. The culture of the XXI century is rapidly changing the sphere of human relationships and the practice of their self-expression. The gap between the social and cultural component of being leads to a sense of "otherness". In order to create and create cultural images, the man of our time must acquire the gift. The culture of gift as a symbolic practice of exchange in archaic societies is reflected in the postmodern. It is connected with the search for new forms of exchange in virtual reality. The article attempts to determine the content basis of symbolic exchange in the culture of the information society. The author analyzes the views on the understanding of symbolic exchange from the positions of postmodern philosophy, anthropology philosophy, symbolic interactionism, structural anthropology of the communicative and world-system approach. The concept of cultural and symbolic exchange on the example of image communication is substantiated. The totality of its iconic incarnations forms the semantic field of communication between people. The issue of the principles of exchange in the space of real and virtual communication practices continues to be debatable.

Keywords: symbolic exchange, semantic field, communication, transformation, mythologization, fragmentation, mass media, simulacrum.

For citation: Serostanova O.B. 2020. Transformation of cultural practices of exchange. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 376–384 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-376-384

Введение

В процессе поиска понимания культуры и общества XXI века коммуникация становится главным предметом исследования. Возможности ее постижения в качестве координирующего и управленческого посредника человеческих взаимоотношений приводят к постановке вопроса о природе обмена знаками как основы для формирования символического пространства культуры.

В настоящий момент сложившееся представление о культурно-символическом обмене в русле культурфилософского подхода не имеет четкого онтологического статуса, в связи с чем отсутствует целостное представление о данном понятии. Стоит отметить, что оно рассматривается преимущественно в социально-экономическом и бихевиористическом русле. В частности, как таковой самодостаточный исследовательский предмет обмен находит отражение в теории социального обмена, в связи с чем возникает естественный исследовательский интерес в выявлении потенциала культурно-символического обмена в условиях преобразования пространства культуры.

Современный мир, активно применяя информационно-коммуникативные технологии, ориентирован, прежде всего, на воспроизводство нематериальных форм знаков. Развитие новых массмедиа способствуют медиатизации культурной среды, порождающей многочисленные идеи и бренды нашего времени, которые впоследствии наполняют медиaprостранство новыми символами. Обращает на себя внимание изменение содержательной функции знака, выступающего эквивалентом замещения предмета, свойства, отношения. Призванный обеспечивать трансляцию социокультурного опыта человека в культуре постмодерна, знак утрачивает способность к созданию символического поля ценностей. С теоретической позиции важно понять, каким образом этот процесс взаимосвязан с преобразованием культурных практик обмена. Обратимся к истории исследования этого вопроса.

Традиции понимания культурно-символического обмена

1. *Структурная антропология.* Первоначально, в архаических обществах существовала традиция ритуального обмена в форме потлача и жертвоприношений. Они рассматриваются в качестве явлений человеческой культуры, способных дать понимание духовной, сакральной сущности обмена. К. Леви-Стросс рассматривает культурный обмен в контексте понятий родства и языка. Родство является динамическим явлением и предполагает постоянный дар женщинами из поколения в поколение, чтобы поддерживать систему в равновесии [Леви-Стросс, 2001]. Система родства выступает своеобразным языком, имеющим различные аспекты интерпретации. Она зависит от уровня и характера культуры. В данном процессе задействован принцип авункулату, – элемент структуры, состоящий через определенные отношения между членами отношений, атом родства [Леви-Стросс, 2001, с. 56].

2. *Системный подход.* Т. Парсонс, анализируя структурные и функциональные изменения в обществе, определяет обмен с позиции элемента системно-интегративного характера. Его задача заключается в равновесии социума в процессе воспроизводства: «...закономерности существования индивидов в социальной системе, предупреждают ее от нестабильности и конфликтов, или придают ей социально-одобренного характера» [Парсонс, 1998, с. 21]. Структурные изменения, предусматривающие создание сетей дружеских связей, возникновение неравенства, выделение институтов (государство, религия, право, мораль, и т.п.), – все это происходит благодаря обменным процессам, распределению мобильных ресурсов, потреблению и присвоению [Парсонс, 1998, с. 28].

Многогранные структуры отношений (кооперативные, договорные и т. п.) повышали адаптационные возможности системы.

До промышленной революции, обменные отношения имели локализованный характер. С началом эпохи великих географических открытий, они распространяются на большие расстояния. Их главной задачей становятся регулирование возможностей вступления в контакты с другими культурами. Свобода системы и заморская экспансия Англии, взаимодополняют друг друга в процессе развития коммуникативных матриц обмена. Это сопровождается закреплением принципа единства и многообразия, вознаграждения и ассоциации при осуществлении обменных связей, легитимации и институционализации новых норм и ценностей [Парсонс, 1998].

В таком контексте культурная практика обмена воспринимается как часть культурной системы с присущей ей интегративной способностью. Информационное назначения обменных отношений включает формирование нового полисистемного образования, где главная роль будет принадлежать социальным связям и ценностным потокам.

В средневековье нашла распространение практика индульгенции в аспекте замещения денег в обмен на духовное отпущение грехов. «Монета звенит в ящике, душа вылетает из Чистилища», – так звучит основной постулат церкви периода Реформации. Происходит переоценка принципов обмена в сторону определения их стоимостного эквивалента в виде денег. Впоследствии поддержка католической церковью и Папой Римским 95 тезисов Мартина Лютера привела к расколу в церкви. В данном документальном источнике отражалась информация о действительности индульгенции.

3. *Философия постмодернизма.* Для культуры постмодерна характерно понимание обмена через смену симулякров. Процесс изменений подразумевал нарушение существующей структуры отношений в условиях сосуществования человека в реальной и воображаемой реальности. В основании симулякров каждого порядка были заложены принципы: естественные законы ценности, рыночные законы стоимости и «чисто структурная игра ценности» [Бодрийяр, 2000, с. 52]. В случае иррациональной реальности обмен мнимыми знаками осуществлялся благодаря постижению истории человечества и его культурного наследия.

«Воображаемое» становится полноценным наряду с «реальным». Его порождают не только цифровые технологии, но и изменение отношения к характеру коммуникации. Последняя воспринимается как динамичная интеллектуальная данность, обладающая интерактивностью и многоканальностью. Нельзя не согласиться с идеей Ж. Бодрийяра о том, что эстетизация мира и его космополитическое инсценирование достигается благодаря массмедиа [Бодрийяр, 2000, с. 25]. Они влияют на сферу человеческих отношений, традиции, историю, искусство и т. п.

Посредством символической деятельности человека продукты идеального и материального влетают в мир повседневности. Символический обмен охватывает культурное пространство социума и отражает непрерывную динамику глобальных структур отношений. Коммуникация рассматривается в потоке фетишей, воплощенных в предметной форме в виде товаров, денег, символов, знаков, языка, идей, бренда, имиджа и т.п. Они часто базируются на стереотипах и устоявшихся утверждений, свойственных той или иной культуре. Создается коммуникативная среда. Основываясь на обмене символами, в искусственно созданной культурной и виртуальной реальности действующие субъекты создают свое представление о происходящем.

В условиях тотального потребления современное искусство выступает ритуализированной практикой. Воспроизводя себя в процессе всеобщей симуляции, человек своими действиями порождает и клонирует симулякры. Копии вещей заполняют символическое пространство человека, имитируя обмен. Однако это не приводит к кумуляции культурных образцов.

Симулякрами могут выступать как бессмысленные знаки, так и знаки, несущие в себе искаженное представление. В целом они формируют смысловое поле коммуникации.

4. *Коммуникативный подход*. По мнению Г.Б. Гутнера, поле смыслов являются «совокупностью обсуждаемых и постигаемых предметов» [Гутнер, 2012, с. 431]. Человек находясь одновременно в рациональном, иррациональном и виртуальном пространстве, конструирует взаимоотношения с другими посредством медиаобразов.

Исходя из вышеизложенных представлений, культурно-символический обмен представляет собой совокупность коммуникативных практик, функционирующих по принципу циркуляции ценностных потоков материального и духовного характера. Процесс порождения и развития смыслового поля связан с непрерывным потреблением информации, ресурсов, текстов, идей и т.п. Подобным образом осуществляется выбор знаково-символических форм культуры.

5. *Мир-системный подход*. По мнению И. Валлерстайна, первоначально главным эквивалентом обменных и перераспределительных отношений в мире являлись деньги, «размещенные в банках», которые «были затем вновь направлены в третий мир и социалистические страны (даже нефтепроизводящие) в виде государственных займов» [Валлерстайн, 2001, с. 162]. Замещение источников прибыли имело направления от производственной сферы к финансовой и наоборот. Создавались предпосылки к массовому потреблению предметов роскоши, что провоцировало падение темпов роста в странах третьего мира. Эта тенденция складывалась на фоне истощения финансовых и социальных резервов.

Капиталистическая мир-система, сформированная в XVI веке, представляла собой совокупность миро-хозяйств [Валлерстайн, 2004, с. 50], основанная на разделении труда. Отношения между ними выстраивались по принципу «центр – периферия». В процессе преобразования общества, происходит нарастание противоречий в обменных отношениях в связи с замещением существующих интересов и потребностей миро-хозяйственных систем.

Кризисные явления в культуре постепенно создавали предпосылки роста конфликтности в мире. Устоявшиеся формы и принципы коммуникации вызывали негативную реакцию значительной части общества на сложившиеся диспропорциональные структуры отношений.

Язык культуры и преобразование структуры символического обмена

В условиях многомерности информационного пространства у коммуникантов возникает интерес к «другой», «иной» для них культуре, способной вовлечь их в новый дискурс. Данный процесс дает начало диалоговой коммуникации и преобразованию структуры символического обмена. Интерес к исследованию символов и знаков, с помощью которых рождается смысл коммуникации, приводит к пониманию пространства потребления и пространства производства медиаобразов.

В мировой культуре глобальные культурные образцы и стили жизни, пропагандируемые через искусство рекламы и СМИ, соединяются с локальными традициями и ценностями. В массовой культуре большинства стран доминируют культурные коды, доступные для понимания массовой аудитории. Наслаиваясь на национальную систему ценности, они приобретают гибридные формы. В то же время это – акт самовыражения и идентификации культуры, позволяющей раскрывать новые грани искусства.

Потребительское отношение к продуктам массовой культуры происходит на фоне трансформации представления о реальности. Сегодня культура все более абстрагирована от исторических и географических условий. Она реализует себя в медиапространстве электронных коммуникаций, в котором преобладают аудиовизуальные гипертексты. Подобная теоретическая модель является ярчайшим примером многоаспектности процессов глобализации, в контексте которых осуществляется преобразование культурных практик обмена. Особенностью мировой культуры является также ее полимодальность и склонность к объединению существующих знаковых систем.

Из сказанного вытекает понимание того, каким образом создается язык культуры. Фактически, опираясь на идеи Ж. Бодрийера, культурно-символический обмен приобрета-

ет форму игры со знаками и смыслами. Г. Маркузе в своей работе «Одномерный человек» отмечал, что понятие «потребление» не воспринимается в качестве удовлетворения потребностей, так как замещается «детерминацией ложных потребностей» посредством вовлеченности в систему потребления, навязанную СМИ [Маркузе, 1994, с. 6]. Производители медиаобразов в виртуальном пространстве создают ситуацию потребности в них, а их потребитель отвечает взаимностью, устанавливая ценностную стоимость продукту в том или ином эквиваленте. Это сказывается на «симметричности интенсивностей обмена» с учетом пространственно-временных параметров [Моль, 1973, с. 93].

Иначе говоря, главным вопросом становится возможность сохранения ценностно-смыслового содержания культурных образов в условиях симуляции отношений. Виртуальная реальность не представляет возможности применять привычные практики коммуникации. Пребывая в ней, человек потенциально становится распространителем псевдообразов. Возникает прецедент фрагментарного потребления информации. В то же время информация не переходит в форму знаний, т. е. не происходит куммуляции ценностей и норм, являющихся основным фундаментом традиций. Без процессов данного характера, нельзя говорить о репрезентации социальной памяти, служащей связующим мостом между поколениями. Как пишет А. Моль, «человек усваивает культуру из социального окружения, которое отчасти воспитывает ее в нем, отчасти же его ею пропитывает» [Моль, 1973, с. 47]. Обменные отношения как многогранный процесс, ориентированный на удовлетворение интересов и потребностей людей, позволяют проанализировать причины культурной трансформации и наметить основные тенденции развития человечества.

Современная культура состоит из противоречий. В постмодернистском обществе мы находимся в поисках тотального эффекта, абстрагируясь от понимания значения [Маклюэн, 2014, с. 32]. Тотальность происходящих изменений, охватывающих человечество, предполагает столкновение с фрагментарными процедурами в культурных практиках. Помимо этого, развитие массовой культуры связано с мифологизацией.

Миф и коммуникативные матрицы обмена

Порождение мифов подразумевает циркуляцию знаков, наделенных неким конкретным содержанием. Р. Барт определяет миф как «способ обозначения» [Барт, 2008, с. 265]. Соответственно, понимание мифа связано с формированием пространства дискурсов, которое воспринимается как «значимая единица» [Барт, 2008, с. 267]. Однако миф не есть первичная знаковая реальность. Он есть означающее. В этом видится возможность непрерывной трансформации и симуляции знаковых форм, не имеющих четкую структуру. Данное качество свидетельствует о функционировании коммуникативных матриц на базе обмена знаками и символами, важными с позиции той или иной реальности. Это пространство – материальная основа любых культурных практик. Оно представляет собой «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах» [Кастельс, 2000, с. 385]. Благодаря пространству потоков формируется представление о таких вещах, как власть, статус, престиж, богатство, роскошь, идеология, укорененных в культурных кодах. Соответственно мы говорим об образе жизни, о статусе, о престиже, об унифицированности символов, применяемых в обменных коммуникациях.

Связь между различными пространствами потоков обеспечивается за счет управленческих центров. В период становления массового общества, появления средств массовой коммуникации и рекламы, культурные образцы приобретают экспрессивность выражения посредством языка. Их закрепление реализуется благодаря развитию имиджевых и управленческих технологий. На этой основе зиждется наука, искусство, экономика, политика, культура. Все формы коммуникации в информационном обществе предполагают не четкую структуру взаимоотношений знаковости, а управление процессами симуляции знаками.

Символы репутации и престижа, включенные в поле массмедиа, позволяют изменять культурное поле. Обращаясь к символическому полю средств языковых выражений, они закрепляются в массовом сознании через демонстрацию стилей жизни. Ценность в мире потребления знаков будет зависеть от суммарной стоимости самого идейного продукта [Моль, 1973, с. 96]. Чем больше идей будет сосуществовать в культурном поле имиджевых практик, тем многообразней будет коммуникационная матрица обменов.

А. Моль указывает на то, что современный человек существует в двух мирах: мире вещей и мире знаков [Моль, 1973, с. 87]. Мир знаков приобретает стоимостный характер в результате их массового распространения и значимости с точки зрения их создателя. Все это отражается на культуре как совокупности интеллектуальных элементов [Моль, 1973, с. 83] и порождает трансформацию ценностей и традиций. В целом стоит отметить, что по большей части в сетевом пространстве информация передается посредством разных каналов коммуникации: символических, иконических, художественных и технических. При этом применяются аудиальный, визуальный, вербальный и невербальный коды. Знаковым репрезентатом выступает семиотический образ, эквивалент. Он появляется в результате созерцания внешних объектов, создающих связь между внутренним ментальным пространством и внешним миром коммуникации.

Имиджевые константы в поле дискурсивных практик обмена

Символический обмен как неотъемлемая составляющая коммуникации является весомым фактором дифференциации индивидов в структуре взаимоотношений. То, какое место займет индивид в иерархии, зависит от актуальности для аудитории его культурных ценностей, психологических предпочтений и социального окружения. Эти критерии проявляются через использование языка как знаковой системы. С помощью языка формируется символическое поле, объединяющее в себе «...пространственное, временное и смысловое измерение», позволяющее преодолевать разрыв между реальным и виртуальным пространством коммуникации «...между моей зоной манипуляции и зоной манипуляции другого...» [Бергер, Лукман, 1995, с. 68].

В то же время Дж. Мид акцентирует внимание на то, что жизнь человека связана с формированием значений вещей [Мид, 1994, с. 216]. Реальность человека заключена в пространстве существованием потока значений в процесс взаимодействия с другими. Человек выделяет себя в окружающей среде и формирует эту же среду посредством порождения ее знаковости.

«Вещь-знак» отсылает наше сознание к иному. Мэм, эмодзи – феномены виртуальной коммуникации. Они являются предметом культурно-символического обмена. Рождение смысла обменных отношений происходит на фоне переживания некоего абстрактного нечто в «социально воспринимаемый значообраз» [Пелипенко, 2002, с. 10]. Значение не исчерпывается смыслом, но является семантической его компонентой, создающей ценностно-нормативную основу обмена.

Смысл как ценность, переживаемое значение, выражено в кодах [Пелипенко, 2002]. Транслируясь в обменных отношениях, он реализуется в культуре. Формирование виртуального пространства культуры происходит благодаря первичным знаниям человека о знаковых кодах культуры, на которые наслаивается опыт общения и коммуникации не только в первичных группах социализации, но и в процессе существования человека в обществе.

Современное виртуальное пространство является сосредоточением процесса смыслогенеза, приводящее к трансформации культурного пространства. Фундаментальное противоречие бытия человека в культуре заключается между континуальным и дискретным характером мышления. Нормативный контекст, объединяющий имиджевые характеристики коммуникации, накладывается на уже устоявшиеся нормы и традиции того или иного общества. Символическое ядро взаимоотношений представлено информационными технологиями. Благодаря массмедиа происходит не только активное внедрение имиджевых

констант в поле дискурсивных практик обмена, но и манипуляция ими в зависимости от целей и мотивов коммуникатора. Они осуществляются с помощью социально и личностно ориентированных технологий.

Ценности, нормы и социальное поведение людей сводятся к получению позитивных эмоций, связанных с наслаждением от потребления символов: «ссылка на норму... подразумевает совместное создание смыслового (коммуникативного, intersubjectively доступного) отношения, устремленного к взаимопониманию и соответствующим действиям» [Шульга, 2012, с. 281]. Посредством языка, понятного человеку информационной эпохи и принятому для осуществления виртуальных коммуникаций, становится возможно понимание различий доступных знаковых систем и понятий. Благодаря им индивиды вступают в отношения и изменяют практику обмена. Взаимодействия приобретают эмоционально-экспрессивную окраску ввиду наличия возможности отклика на связь в виртуальном пространстве. Основными конструктивными принципами при этом становятся возмездность и замещение обмена символами. Это обеспечивает эффект коммуникации и достижение взаимопонимания между людьми.

В виртуальной среде существует множество знаковых систем, за которыми может скрываться различное смысловое наполнение. Наличие противоположной, отличной от нашего опыта и восприятия реальности обеспечивает духовную связь между контакторами. Индивиды, принимающие вызов виртуального пространства, восполняют дефицит интересующей и важной с точки зрения их социального опыта и познания информации. Информация как основной ресурс информационного общества необходима не только как нечто привычное для повседневной жизни, но прежде всего как символическая основа обменных отношений. Они в свою очередь могут иметь различные формы и модальности своего воплощения.

Непрерывность и продолжительность культурного обмена определяет временные интервалы их существования на микро-, мезо- и макроуровне. Они развертываются в пространстве и имеют социальное измерение. Например, обмен социальным опытом поколений конкретной культурной общности обладает огромной временной протяженностью. Он включает передачу знаний и традиций приветствия, нравов, обычаев, правил общения индивидов. Для виртуальной реальности свойственны формы приветствия краткосрочного характера.

Солидарность в структуре обмена символами способствует укреплению и стабильному существованию системы коммуникации. В условиях прекращения действия принципа возмездности в обмене преобладающим становится цент-периферийное распределение потока информации и, как следствие, формирование символического поля манипуляции.

Информационное общество обладает достаточно важным и весомым преимуществом – интерес и потребность в многообразной информации. Одновременно это сказывается на стремлении порождать и распространять разнообразные образы, представляя реальность как мозаику. Возникает вопрос о создании качественной системы социальных институтов, отвечающих за управление и сохранение баланса между уровнем жизни и модами потребления знаковых систем глобальной и локальной культуры. От этого зависит наполнение символического пространства обмена по принципу взаимной возмездности.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, стоит отметить, что культурно-символический обмен представляет совокупность коммуникативных практик, функционирующих по принципу циркуляции ценностных потоков материального и духовного характера.

Процесс преобразования культурных практик обмена имеет исторический, пространственно-временной и социальных аспекты, находящие отражение в современном медиадискурсе.

Информационные преобразования привели к переменам в социальной, культурной, экономической и политической сферах бытия. Становясь участниками процессов инфор-

матизации и компьютеризации, человечество открывает возможности к дальнейшей эволюции форм коммуникации. Сосуществуя в условиях цифровизации медиапространства, возникает угроза замещения реальных образов псевдообразами. По словам Ж. Бодрийяра, человек имеет дело с процессом симуляции, порождающей симулякров не имеющих смыслового ядра.

В то же время, данные процессы создают предпосылки для неоднозначных тенденций в культуре, выраженных в симуляции потребления имиджевых констант, фрагментации и мифологизации информационного пространства.

Перспективным становится рассмотрение культурно-символического обмена как формы конструирования новой реальности культуры в русле культурфилософского подхода. Видится возможность исследовать совершенно новые формы человеческой коммуникации, формирующиеся в виртуальной среде.

Трансформация культуры порождает интерес к теме культурно-символического обмена, связанного с процессами воспроизводства и реализации творческого потенциала человека в социальной практике.

Список литературы

1. Барт Р. 2008. Мифологии. М., Академический Проект, 351 с.
2. Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Пер. с англ. М., Academia-центр, Медиум, 334 с.
3. Бодрийяр Ж. 2000. Америка. Пер. с фр. М., Владимир Даль, 204 с. (Baudrillard J. 1986. *Amérique*. Paris, 251 p.).
4. Бодрийяр Ж. 2000. Символический обмен и смерть. Пер. с фр. М., Добросвет, 387 с. (Baudrillard J. 1976. *Échange symbolique et mort*, Paris, 387 p.).
5. Валлерстайн И. 2001. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. СПб: Изд-во «Университетская книга». 416 с. (Wallerstein, I. 1974. *The Modern World-System*. New York, 440 p.).
6. Валлерстайн И. 2004. Конец знакомого мира: Социология XXI века. Пер. с англ. М., Логос, 368 с. (Wallerstein, I. *The end of the world as we know it: Social Science for the Twenty-First Century*, London, 368 p.).
7. Гутнер Г.Б. 2012. Смысл в контексте рациональной коммуникации. В кн.: Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации 2012: коллективная монография. Под ред. И.Т. Касавина, В.Н. Поруса. Москва, Альфа-М: 421-431.
8. Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 608 с. (Castels M. 1996. *Information age: economy, society, culture*. Oxford, 556 p.).
9. Леви-Стросс К. 2001. Структурная антропология. Пер. с фр. М., Эксмо-Пресс, 512 с. (Levi-Strauss K. 1963. *Anthropologie structurelle*. New York, 512 p.).
10. Маклюэн Г.М. 2014. Понимание медиа: Внешние расширения человека. Пер. с англ. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 464 с. (McLuhan G. M. 1994. *Understanding media: External human extensions*, London and New York, 464 p.).
11. Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. с англ. М.: REFL-book, 368 с. (Marcuse G. 1966. *One-dimensional man. Research on the ideology of a developed industrial society*. Boston, 260 p.).
12. Мид Дж. 1994. От жеста к символу. В кн.: Американская социологическая мысль 1994. Под ред. В.И. Добренкова. Москва: МГУ: 213–221. (Mead G. *From Gesture to Symbol*. Mead G. *Mind, Self and Society*. Chicago, 1934. 66–76 p.).
13. Моль А. 1973. Социодинамика культуры. Пер. с фр. М., Прогресс, 407 с. (Abraham A. Moles. 1971. *Sociodynamique de la culture*, Paris. 342 p.).
14. Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. М., Аспект Пресс, 270 с. (Parsons T. 1971. *The system of modern societies*. New York, 270 p.).
15. Пелипенко А.А. 2002. Генезис смыслового пространства и онтология культуры. *Человек*, 2: 6–21.
16. Шульга Е.Н. 2012. Символический интеракционизм и рациональность. В кн.: Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации 2012: коллективная монография. Под ред. И.Т. Касавина, В.Н. Поруса. Москва, Альфа-М.: 275–287.

Reference

1. Bart R. 2008. Mifologii. [Mythologie]. M., Akademicheskii Proekt, 351 p.
2. Berger P., Lukman T. 1995. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. M., Academia-centr, Medium, 334 p.
3. Bodriyar Zh. 2000. Amerika. [Amerique]. M., Vladimir Dal', 204 p. (Baudrillard J. 1986. Amérique. Paris, 251 p.).
4. Bodriyar Zh. 2000. Simvolicheskiy obmen i smert'. [L'échange symbolique et la mort]. M., Dobrosvet, 387 p. (Baudrillard J. 1976. Échange symbolique et mort, Paris, 387 p.).
5. Vallerstain I. 2001. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire. [The Modern World-System]. SPb., Publ. Universitetskaya kniga. 416 p. (Wallerstein, I. 1974. The Modern World-System. New York, 440 p.).
6. Vallerstain I. 2004. Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka [The End of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century]. M., Logos, 368 p. (Wallerstein, I. The end of the world as we know it: Social Science for the Twenty-First Century, London, 368 p.).
7. Gutner G.B. 2012. Smysl v kontekste racional'noj kommunikatsii. [Meaning in the context of rational communication]. In: Kommunikativnaya racional'nost' i social'nye kommunikatsii 2012. [Communicative rationality and social communications 2012]. Ed.: I.T. Kasavin, V.N. Porus. Moskva, Al'fa-M: 421–431.
8. Kastel's M. 2000. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura. [The Information Age: Economy, Society and Culture]. M., GU VshE, 608 p. (Castels M. 1996. Information age: economy, society, culture. Oxford, 556 p.).
9. Levi-Stross K. 2001. Strukturnaya antropologiya. [Anthropologie structurale]. M.: Eksmo-Press, 512 p. (Levi-Strauss K. 1963. Anthropologie structurelle. New York, 512 p.).
10. Maklyuen G.M. 2014. Ponimaniye media: Vneshnie rasshireniya cheloveka. [Understanding media: the extensions of man]. M.: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 464 p. (McLuhan G. M. 1994. Understanding media: External human extensions, London and New York, 464 p.).
11. Markuze G. 1994. Odnomernyi chelovek. Issledovaniye ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva [One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. M., REFL-book, 368 p. (Marcuse G. 1966. One-dimensional man. Research on the ideology of a developed industrial society. Boston, 260 p.).
12. Mid Dzh. 1994. Ot zhesta k simvolu. [From gesture to symbol]. In: Amerikanskaya sociologicheskaya mysl' 1994. [American sociological thought, 1994.] Ed.: V.I. Dobren'kova. Moskva, MGU: 213–221. (Mead G. From Gesture to Symbol. Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934. 66–76 p.).
13. Mol' A. 1973. Sotsiodinamika kul'tury [Sociodynamique de la culture]. M.: Progress, 407 p. (Abraham A. Moles. 1971. Sociodynamique de la culture, Paris. 342 p.).
14. Parsons T. 1998. Sistema sovremennykh obshchestv [The System of Modern Societies]. M., Aspekt Press, 270 p.
15. Pelipenko A.A. 2002. Genezis smyslovogo prostranstva i ontologiya kul'tury [Genesis of semantic space and ontology of culture]. Chelovek, 2: 6–21. (Parsons T. 1971. The system of modern societies. New York, 270 p.).
16. Shul'ga E.N. 2012. Simvolicheskiy interaktsionizm i racional'nost'. [Symbolic interactionism and rationality]. In: Kommunikativnaya racional'nost' i social'nye kommunikatsii 2012. [Communicative rationality and social communications 2012]. Ed.: I.T. Kasavina, V.N. Porusa. Moskva, Al'fa-M.: 275–287.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серостанова Оксана Борисовна, ассистент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana B. Serostanova, assistant of the Department of journalism and media communications of the Taras Shevchenko national University, Luhansk, Ukraine

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

УДК 340:167/168; 001.11; 001.2; 001.4 – 001.6; 001.8; 001.92:37; 340.115; 340.113.1
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-385-388

**Тематический горизонт методологии научных исследований
и прикладной аналитики:
рецензия на учебник И.В. Понкина и А.И. Редькиной
«Методология научных исследований и прикладной аналитики», 2020**

Морева С.Л.

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Россия, 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А
E-mail: sweetmoreva@yandex.ru

Аннотация. Автор рецензии обращает внимание на значение разграничения науки и прикладной аналитики и объяснения сути, топологии и онтологии аналитики, сделанного в учебнике. Рецензент обращает внимание на высококачественные авторские объяснения методов научных исследований и прикладной аналитики. По мнению рецензента, заслуживает внимания и представляет интерес глубоко раскрытая в учебнике проблема формирования академической научной культуры и обучения академическому научному письму в российском образовании и науке. Рецензент делает вывод о том, что указанный учебник может быть полезен всем, кто интересуется обозначенным тематическим горизонтом, – от студентов вузов до научных работников и профессорско-преподавательского состава образовательных организаций.

Ключевые слова: научное исследование, прикладная аналитика, научная подготовка, методы исследования, научный язык, наука.

Для цитирования: Морева С.Л. 2020. Тематический горизонт методологии научных исследований и прикладной аналитики: рецензия на учебник И.В. Понкина и А.И. Редькиной «Методология научных исследований и прикладной аналитики». NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (2): 385–388. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-385-388

**Thematic horizon of research methodology
and applied analytics:
review on the textbook of I.V. Ponkin and A.I. Redkina
«Methodology of scientific research and practical analytics»**

Svetlana L. Moreva

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
SUAI, 67, Bolshaya Morskaya str., Saint-Petersburg, 190000, RUSSIA
E-mail: sweetmoreva@yandex.ru

Abstract. This material is a review of the textbook «Methodology of Scientific Research and Practical Analytics. Textbook» by I.V. Ponkin and A.I. Redkina (2020). The review emphasizes the importance of scientific and applied analytical training of novice researchers. The authors review draws attention to the

importance of distinguishing the science and the applied analytics and explaining the essence, topology and ontology of analytics made in the textbook. The reviewer draws attention to high-quality author's explanations (given by the authors of the textbook) of research methods and applied analytics. According to the reviewer, the problem of forming an academic scientific culture and teaching academic scientific writing in Russian education and science, which is deeply revealed in the textbook, deserves attention and is of interest. The reviewer concludes that this textbook can be useful to everyone who is interested in the indicated thematic horizon, from university students to researchers and faculty of educational organizations.

Keywords: scientific research, applied analytics, scientific education, research methods, scientific language, science.

For citation: Moreva S.L. 2020. Thematic horizon of research methodology and applied analytics: review on the textbook of I.V. Ponkin and A.I. Redkina «Methodology of scientific research and practical analytics». NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (2): 385–388 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-2-385-388

В условиях, когда вокруг так много говорится о науке и прикладной аналитике, самое время обратиться к литературе об этом. Как гласит полушутливая поговорка, хороший автор отличается от плохого тем, что хороший автор пишет хорошо, а плохой – плохо. С этого лирического вступления мы начнем изложение наших размышлений, спровоцированных и навеянных учебником «Методология научных исследований и прикладной аналитики» авторства д.ю.н., проф. И.В. Понкина и к.ю.н. А.И. Редькиной в части, касающейся комплекса вопросов, связанных с мерой должного в подготовке магистрантов, аспирантов и докторантов и с критериальной шкалой, позволяющей замерять и оценивать меры научных качеств исследования, чтобы, как образно говорится, отделять пшеницу от мякины (остатков колосьев, стеблей и т.п. при молотье).

Обозреваемый учебник, увидевший свет в 2020 году в издательстве «Буки Веди», адресован, как гласит аннотация на с. 2, руководителям и сотрудникам научных организаций, руководителям и сотрудникам аналитических центров (организаций, подразделений), научным работникам и профессорско-преподавательскому составу образовательных организаций, заказчикам и потребителям прикладных аналитических и научных производений (продуктов), аспирантам и докторантам, студентам вузов, а также всем тем, кто интересуется обозначенным тематическим горизонтом. Учебник продолжает вышедшее годом ранее издание тех же авторов «Цитирование как метод сопровождения и обеспечения научного исследования».

Целых пять рецензентов, указанных на второй странице издания, одни доктора наук – три юридических, по одному – технических и педагогических наук, – всё это тоже характеризует данное издание вполне определённым позитивным образом, но в числе прочего как качественное универсальное издание. От себя, как представителя технических наук, добавлю, что издание вовсе не «закольцовано» на юристов, является (и по содержанию, и по лексике, и по привязкам) более чем актуальным, релевантным и интересным и для представителей куста (укрупнённой отрасли) технических наук. Впрочем, это не удивительно, поскольку один из авторов (И.В. Понкин) имеет, помимо высшего юридического, ещё и отличное высшее инженерное образование. Часть содержания учебника непосредственно связана с собственными научными интересами автора настоящей рецензии. И я нахожу, что учебник лично мне даёт много полезного.

Очень важным является обращение авторов к этому тематическому горизонту – о том, как и какими методиками готовить будущих ученых исследователей и прикладных аналитиков (авторы достаточно убедительно разводят эти две сферы умственной творческой деятельности). Эта проблема стоит сегодня перед всей российской наукой, пожинающей плоды многих десятилетий дурного публичного управления наукой и, в числе про-

чего, плоды, по сути, «обожествления» двух англо-американских коммерческих систем индексации журнальных и сборниковых статей, плоды постановки ученых под власть завхозов и бухгалтеров, что не могло не привести к печальным последствиям. Повальная именно научно-методологическая безграмотность убивает перспективы российской науки, препятствует приходу в науку светлых головушек из числа молодёжи. Качественных учебников и пособий по обучению технологиям науки – на всю страну лишь несколько штук.

Между тем, не подлежит дискуссии аксиома о том, что будущих исследователей следует на серьезном уровне, высококачественно учить этому искусству – искусству исследования (научного ли, или же прикладного аналитического), познания и осмысления, поиска, сбора и обработки научной информации.

Перед нами актуальнейший теоретико-насыщенный текст о настоящем и будущем науки и аналитики, учебник, учащий самостоятельно мыслить, думать, исследовать, познавать и качественно облекать результаты познания в какие-то релевантные формы.

Авторам удачно удалось выйти далеко за пределы ставшего уже банальным формата наставления для аспирантов и магистрантов относительно написания диссертации и оформления стопок связанных с нею бумаг (такого «добра» вышло уже много), этот труд более рассчитан на, что называется, продвинутых пользователей.

В учебнике (в главе третьей под названием «Методы научных исследований и прикладной аналитики») сжато, но очень ёмко излагаются, объяснены многие исследовательские методы, общее понимание которых у большинства магистрантов, да и у аспирантов тоже сводится к «да, есть такой, что-то слышали и даже пару раз читали». Редкий случай, когда представляется такой компендиум (от лат. *compendium* – взвешивать вместе от *com-* «вместе» и *pendere* «взвешивать»; сокращённое ёмкое изложение основных положений) исследовательских методов. Перечислим: методы анализа и синтеза, дедуктивный и индуктивный методы, абдуктивный и иные методы оперирования гипотезами, методы формализации и конкретизации, аксиоматический метод, методы классификации, моделирования, аппроксимации, сравнения, аналогии, методы абстрагирования и идеализации, метод проб и ошибок, метод обобщения, методы цитирования. Четвертая глава под названием «Некоторые специальные методы аналитики» даёт описания нескольких специальных методов аналитики.

Осведомленность о предпосылках и составляющих хорошего научного исследования, понимание этого всего гарантирует, что эта работа будет на высоте и поможет определить её успех и признание. И качественное владение описанными в этом учебнике методами – залог успеха, но лишь отчасти, есть еще нечто, в существенной мере предопределяющее, образно говоря, что качественно написанная картина станет не просто полотном с успешно наложенными красками, а именно шедевром.

Но опять же, что даёт основания счесть исследование «хорошим», успешно состоявшимся, «высококласным»?

И вот этот раздел учебника – часть главы первой под названием «Онтология научных исследований и прикладной аналитики» (параграфы с 1.6 по 1.10) – содержит попытку (и довольно успешную) объяснить то, до чего смогли докопаться авторы: критерии и показатели 1) содержательной глубины исследования, 2) сложности исследования, 3) научной ценности, 4) научной значимости исследования, 5) ясности исследования, 6) целостности исследовательского произведения, давая колоссальный объём поводов задуматься даже профессионалам в научных и прикладных аналитических исследованиях переосмыслить знакомое, увидеть много нового, понять всё много более глубоко и более широко. Ничего подобного прочесть более в российской научной литературе просто негде, а сам материал хорош.

Предваряющие этот блок параграфы первой главы тоже вносят свою очень существенную лепту, объясняя различия между наукой и прикладной аналитикой, и суть каждого из этих понятий (параграфы 1.1 и 1.2), объясняя понятие научного концепта (параграф 1.3) и понятие дизайна научного произведения (параграф 1.4), объясняя, с чего

«стартуют» в научном исследовании (параграф 1.5), давая уникальную содержательно-насыщенную объяснительную и инструктивную информацию.

Достраивает авторский концепт компоновки учебника глава вторая с названием «Язык науки и прикладной аналитики», объясняющая, что есть индивидуальный стиль научного письма (параграф 2.1), инженерный стиль научного письма с присущими ему короткими формулировками в научном и прикладном аналитическом исследовании (параграф 2.3), раскрывающая очень непростую и весьма дискуссионную тему сложной научной лексики и сложных конструкций формулировок в научном и прикладном аналитическом исследовании (параграф 2.2).

От «обычных» работ по обучению технологиям науки обозреваемый труд кардинально в лучшую сторону отличен полным отсутствием «воды» псевдофилософствования, «переливания из пустого в порожнее», что так претит представителям точных, технических наук. Учебник написан очень живо и по существу, хотя и весьма сухим стилем (что есть явное достоинство), и при этом учебник перенасыщен научно-методологическим объяснительным материалом (что также есть явное достоинство). В немалой степени это определяется тем, что авторы – уже состоявшиеся учёные с огромным багажом научных публикаций у каждого, в основу учебника положен курс лекций, читавшийся И.В. Понкиным в течение многих лет и воплощенный в подготовку многочисленных учеников – кандидатов и докторов юридических наук.

Однако же, надо сказать, стиль изложения рассчитан на уже квалифицированного читателя, и для самостоятельного изучения книги требуется определённый уровень подготовленности и некоторый уже существенный уровень познаний в научной методологии. Перед нами скорее учебник не столько для аспирантов, сколько для их научных руководителей – «книга для учителя» (есть такие жанр и формат).

Многие материалы учебника ранее можно было найти лишь в специальных журналах или в усложненных значительными математическими аппаратами узкотематических изданиях, раскрытие ряда тематических блоков учебника ранее вообще не публиковалось.

Недостатки обозреваемого учебника сформулируем по-инженерному кратко.

Первой главе совершенно недостаёт раздела под ориентировочным названием «Параметр полноты охвата и полноты учёта определяющих факторов» и раздела о черновых первичных проходах в научном исследовании на ранних его этапах (в разделе о методе проб и ошибок есть немного, но нужен самостоятельный раздел). Второй главе недостаёт описаний других специфических стилей научного письма, перечень которых явно не исчерпывается инженерным стилем, оперирующим короткими формами, и неназванным персонально в учебнике стилем (что тоже недостаток), оперирующим усложненными модальностями и формами. Третьей главе недостаёт описаний многих методов, во всяком случае – метода объяснения. Четвертая глава явно ждёт дополнения числа описанных специфических методов.

Впрочем, это всё – всего лишь пожелания на будущее, но явно не отражение критических недостатков. Этот яркий и мощный учебник (мануал, как любит говорить поколение миллениалов) способен очень существенно изменить в лучшую сторону всю систему подготовки учёных и прикладных аналитиков.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морева Светлана Леонидовна, кандидат технических наук, доцент кафедры управления в технических системах Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana L. Moreva, candidate of technical Sciences, associate Professor of the Department of management in technical systems of the Saint Petersburg state University of aerospace instrumentation (GUAP)